

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Степан КУЛИК

ТРЕТИЙ НЕ ЛИШНИЙ

Вход там же, где и выход. Главное, не перепутать!

ТРЕТИЙ
НЕ ЛИШНИЙ

Степан
КУЛИК

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Степан КУЛИК

**ТРЕТИЙ
НЕ ЛИШНИЙ**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445-
К90

Серия «Современный фантастический боевик»

Выпуск 106

Оформление обложки *Антонина Калласа*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

К90 Кулик, Степан

Точка возврата: Третий не лишний: роман / Степан Кулик. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2016. — 352 с. — (Современный фантастический боевик).

ISBN 978-5-17-099156-3

В иной мир проще попасть, чем выбраться. Все неизвестно — и место, и время. Беспощадные викинги, пещерные медведи, пираты и... чародеи. Погибнуть легко, выжить почти невозможно. Но если рядом верный товарищ и любимая девушка — нет невыполнимых задач! И куда бы ни забросила судьба, выход всегда отыщется. Надо только очень хотеть, верить в себя и не падать духом.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-099156-3

© Степан Кулик, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

O szczęście trzeba grać vabank,
Z fortuną tak to zwykle bywa,
Kto nie naraża nigdy się na szwank,
Ten głównej stawki nie wygrywa...

J. Chmielnik. Jeszcze raz Vabank

Хочешь выиграть счастье — иди ва-банк.
С фортуной так всегда бывает.
Кто не согласен проигратся в пух и прах,
Тот главный приз не получает...

1875/76

1876/77

1877/78

1878/79

Часть первая

**НУЛЕВАЯ ФАЗА.
ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ**

Иная реальность. Время местное

Глава первая

ТАМ НА НЕВЕДОМЫХ ДОРОЖКАХ

Что это было, Бурый не понял. Мгновение тому Леонид ощущал затылком упругость подголовника лабораторного кресла, потом — шершавую твердость полуразрушенной стены. Ярчайшая вспышка, от которой до сих пор круги перед глазами, и...

...он стоит на пригорке у обветренного до полной утраты формы, древнего придорожного камня. Коими с дохристианской эпохи обозначали перекрестки или указывали направление пути. Проложенная рядом гораздо более новая каменная мостовая, в стиле *via gomea*, вряд ли нуждалась в древнем указателе, но и сносить его строители не стали. Достопримечательность.

На дворе раннее летнее утро. По левую руку только-только вышло из-за горизонта солнце. А прямо

и вниз — водопадом шумел городок, больше похожий на старинную часть какой-нибудь Тортуги, чем на современный поселок.

Почему Леониду на ум пришло именно такое сравнение? Наверное, потому что в пиратских поселениях самая важная часть — место, где можно сбыть добычу. А на вырученные пиастры и дублоны приобрести что-нибудь другое. Более необходимое в домашнем хозяйстве. Например — бочонок рома.

Так вот этот самый базар начинался прямо у подножия пригорка, буквально прижав стекающую вниз дорогу. Натуральный стихийный рынок. Беспорядочное смешение лавочек, палаток и просто лотков. Порою торговая точка образовывалась из мешка, на котором восседал «негоциант» или баула у его ног.

За рынком виднелись дома жилого сектора. В большинстве одноэтажные особнячки, радующие глаз красными черепичными крышами и разнообразием флюгеров. От традиционных золотых петушков и стрелок до вычурных корабликов и других полетов фантазии мастеров кузнечного дела и чеканки. При этом все флюгеры указывали разное направление ветра... Даже на соседних зданиях.

Имелись в городке и более высокие постройки. Штук десять. Не храмы, насколько Леонид разбирался в культовых сооружениях, но и не жилье. Скорее, здания административно-общественного пользования. По аналогии с современностью — мэрия, банк, поликлиника, школа, участок или что-то в этом духе. И конечно же, назидательно устремленный в небеса палец пожарной колокольни.

Все та же мостовая, целая и невредимая после плотного контакта с рынком, пропетляв между до-

мами, упиралась в причал, за которым аж до горизонта поблескивала синяя водная гладь. Логично. Как мудро вопрошали древние, зачем нужна дорога, если она не ведет к храму... или в порт.

На рейде мерно покачивались два больших судна и пяток габаритами поменьше. Еще один корабль стоял у причала. Все парусники. Те, что побольше, с тремя мачтами, меньшие — с одной центральной. Точнее определить класс кораблей Бурый не мог, не его специальность.

— «Коготь» заходи, слева! Я прикрою! Гм... Ну, ни фиги себе! И что это было? Офигеть...

Леонид мог бы поклясться чем угодно, что всего полсекунды тому взирал на пейзаж в гордом одиночестве, а сейчас по другую сторону «скифской бабы», пригнувшись, словно укрываясь от кого-то, стоял Лысюк. С интересом оглядываясь по сторонам и выражая восхищение увиденным в произвольной форме.

— Японский городской! Натуральный Содом и Гоморра!

— Всюду-то вы, господин офицер, побывали. Все видели... — насмешливо ответил Леонид, перефразируя известный анекдот. — А вот мне...

— Не знаю, где находится и как выглядит ваш Содом... — влился в мужской разговор звонкий девичий голосок. — Зато на художество французских импрессионистов это буйство красок и всех оттенков радуги очень похоже. Джину Джейниэчику* наверняка понравилось бы...

— В Израиле... — объяснил Леонид. — Не в том смысле, что мы оказались в Израиле. Упомянутые Виктором Содом и Гоморра там расположены.

* Французский художник.

— Ну, а мы с вами в... игре! — с многозначительной паузой и армейской прямоотой добавил Виктор. — Как и было обещано Пилюлем. С чем всех и поздравляю. Круто, ты попал на ТиВи. Ты попал... Ты звезда. Кстати о звездах... Оленька, ты в этом платье одно сплошное обаяние и очарование. Интересно, кем тебя определили? Авантюристкой, воровкой или мошенницей?

— Какая еще воровка?! — возмутилась девушка. — Сами вы...

— Работники ножа и топора, романтики с большой дороги... — дурачась, фальшиво пропел Виктор.

Но все же Лысюк был прав. Как в отношении девушки, так и в характеристике, данной себе и Леониду.

Наряженная в длинное приталенное платье из тонкого зеленого панбархата, с расшитым цветным люрексом лифом, вместо современного летнего набора — топик, шорты и босоножки на каблучке, — девушка выглядела настоящей сказочной красавицей.

Особенно стильно смотрелся витой обруч, удерживающий золотистые волосы, ставшие если не гуще, то значительно длиннее. В жизни они едва касались плеч, а сейчас свободно струились до широкого пояса с прицепленным к нему вполне увесистым кошельком.

А поскольку такая красота и богатство не должны быть беззащитными, за тот же пояс, но под правую руку, были заткнуты кожаные ножны с кинжалом. Самого ходового в мирной жизни размера. Сантиметров тридцать. И ногти почистить, и колбаску порезать, и щепу с полена настрогать. Типичная зажиточная горожанка условно-игрового средневековья.

Зато на одежде мужчин компьютер сэкономил с прижимистостью Плюшкина и прапорщика Шматко. Выбеленные солнцем, изрядно поношенные по-

лотняные штаны и длинная рубаха навывпуск. Даже вместо обязательного пояса и то — обрывок веревки, размочаленной на концах. И ни ножа, ни кошелька. А еще, очевидно, для полного правдоподобия, оба оказались босыми.

— Я имел в виду класс персонажа, — объяснил Виктор. — Впрочем, насчет мошенницы, признаю, погорячился. Скорее всего, ты у нас торговка, а мы с Ленчиком — личная охрана и носильщики... по совместительству. Кстати, не наши ли это баулы объявились? — Лысюк указал на два объемных тюка, как раз возникших у придорожного камня. — Леонид, ты ближе. Глянь, чего там?

— Е-пере-сете!.. — вместо ответа выругался Бурый и запрыгал на одной ноге.

— Ты чего?

— На камешек наступил, — объяснил тот, поглаживая ступню. — Больно, блин! Острый.

— Как тут красиво... — девушка присела и провела ладонью по траве. — Даже не верится. Все как настоящее. Ромашки, клевер... Ой! — Оля отдернула руку и сунула палец в рот. Пососала немного и удивленно пробормотала: — А меня пчела укусила...

— Камешек, пчела... — проворчал Лысюк. — Детский сад. И не пчела, а шмель. Клевер только они опыляют. Двоечница... Ребята, хорош чудить. Вас же предупреждали: все ощущения реальные. Блин! — теперь и Виктор не удержался от восклицания. — Бодяки... Итак, напоминаю всем, кто забыл: мы участники эксперимента и сейчас не цветочки нюхаем, а лежим в лаборатории Пилюля. А то, что видим вокруг, игра, придумка компьютера.

— Уверен? — Бурый хмыкнул.

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что мы в проекте подопытные кролики и на самом деле ничего не знаем. Нам могли показать только ту часть мозаики, которую сочли необходимой.

— Брось. Пилюлькин в роли доктора Зло? Самому не смешно?

— Согласен, Серый прокололся бы, как пить дать. Но кто сказал, что ему самому все известно?

— У тебя паранойя, дружище.

— Брек, — Оля примирительно взяла мужчин за руки. — Ребята, какой смысл в пустых предположениях? Давайте начнем играть, а там разберемся. Тем более мы все равно уже здесь.

— Слышь, Вик, а по ходу Пилюлькин хорошо сказал. Насчет хоть одного разумного члена в испытуемой группе, — Леонид улыбнулся.

Лысюк переварил слова товарища, а потом добродушно рассмеялся.

— Факт, дружище. Извини, Оля... Адаптация. Предлагаю войти в город, поискать подсказки, но пока советую ни с кем не заговаривать. Без крайней нужды.

— Почему?

— На всякий случай. Во многих играх, пока ты не зацепишь квест, мир на тебя почти не реагирует. А еще лучше, предлагаю забыть об игре. С этой минуты мы чужестранцы, оказавшиеся в неизведанной стране, где не только слова, но и жесты могут быть истолкованы превратно.

— Излагай конкретнее, не торчать же здесь вечно!

— Ищем заведение типа таверны или постоянного двора. Садимся за столик, присматриваемся к обстановке, слушаем, о чем говорят. Внемлем и вникаем...

* * *

Базар Лысюка не заинтересовал бы не только в игре, но и в жизни. Он терпеть ненавидел торговаться, считая эту процедуру унижением. Нравилось что-то — брал, какую бы несусветную цену ни заломил продавец. Не хватало денег — уходил. Не вступая в пререкания и не выслушивая торопливых заверений, что только для него сегодня готовы сделать огромную скидку и даже торговать себе в убыток...

Поэтому предпочитал магазины с ценниками. По меньшей мере, там сразу можно соизмерить желания и возможности. Мысленно. Не посвящая других в свои финансовые проблемы.

Придав лицу непроницаемость кирпича, чему способствовал тюк на спине, Виктор максимально быстрым шагом ввинтился в толпу, намереваясь без задержек пересечь торговую площадь. Спутники последовали за ним. Но разве уродилась на свет хоть одна девушка, которая даже с завязанными глазами смогла бы спокойно пройти мимо такого изобилия галантерейного товара! Самых диковинных форм, расцветок и предназначения.

А поскольку у Оли глаза оставались широко распахнутыми, расстояние между Виктором, девушкой и замыкающим строй Лёней с каждым прилавком увеличивалось.

Вот в эту брешь и ввинтились два краснорожих индивидуума, обдавая все вокруг непередаваемыми ароматами водочного перегара. В объеме, которым могла бы гордиться целая деревенская свадьба. На следующее утро.

— Опаньки, какой цыпленочек! — изрек один из ларца, одинаковый с лица. — Присоединяйся к нам, крошка. Не обидим.

Второй повеса одобрительно икнул и потряс перед лицом Оли вполне-увесистой кожаной торбой. Литра на два. Внутри что-то металлически позвякивало.

— Отвали... — Оля подалась назад, а ее место занял Леонид.

— Чего?

Первый амбал небрежно мазнул растопыренной пятерней по лицу Бурого, то ли проверяя реальность его существования, то ли отмахиваясь... Второй, едва не снеся прилавок, попытался зайти с тыла.

В эту же секунду на Леонида пахнуло ледяной стужей, и мир потерял четкость.

«Убей! — зазвенел в ушах голос, которому нельзя было не повиноваться. — Убей!»

Возможно, окажись на его месте Виктор, больше приученный к приказам, он так и поступил бы. Лёне банально не хватило рефлексов. Ну, и тюк с товаром, давящий на плечи, мгновенной реакции не способствовал. Но бесследно чужое вмешательство в сознание не прошло. И очень четко отразилось во взгляде и мимике... Судя по испуганным лицам гуляк.

— Стоять!

Голос Лысюка ворвался в студеную тьму, возвращая в мир Леонида вместе со звуками рынка.

— Оля, держи его!

Бурый оглянулся, пытаясь понять, кого она должна держать и не нужна ли помощь. А руки девушки тем временем обвинили его талию.

— Спокойно, парень... — голос незнакомый, но уверенный, доброжелательный. — Гавань — нейтральная территория. Здесь убивать нельзя. Расслабься...

Рядом стоял крепкий мужчина средних лет, в гавайке и шортах, с огромным венком на шее... Только не лавровым, чемпионским украшением, а составлен-

ным из цветов самых невероятных форм и окраски. Аж в глазах пестрело. Он добродушно улыбался, но хватало одного взгляда на его лицо и мускулатуру, чтобы желание подшутить испарялось быстрее мысли. А кому такой аргументации не хватало, принять правильное решение помогал вид висевшей у пояса сабли.

— Чужеземцы... — констатировал другой голос, принадлежащий закованному в ламеллярный доспех богатырю. Эдакий дядька Черномор. — Как и следовало ожидать. И пару шагов не прошли, а уже создают проблемы уважаемым гражданам.

— Не эти... те... — Мужчина с саблей указал на парочку краснорожих.

— Свидетельствуешь, Ястреб? — уточнил стражник.

— Да... И не я один, — мужчина широким жестом повел рукой вокруг.

Часть случайных зрителей при приближении представителя власти и закона спешно ретировалась. Но те, кто остался, утвердительно закивали. С той или иной степенью достоинства. Кто быстро-быстро, торопясь подтвердить слова Ястреба, другие спокойно, выражая собственное мнение.

И только из одной пары глаз на Леонида глядела все та же ледяная стужа. Мгновение, не больше. Как только Бурый попытался получше рассмотреть их хозяина, взгляд бесследно исчез.

— Понятно... Спасибо за помощь. — Стражник неотвратимо развернулся к возмутителям общественного порядка.

А те, судя по цвету лиц, уже почти протрезвели. Причем по второму кругу.

— Господин начальник городской стражи, мы ничего не сделали. Честное слово, — залезбил неожи-

данно тоненьким голоском один. — Просто хотели познакомиться. Видим, такие же, как и мы — чужаки. Почему не пообщаться? Они нам выпивку — мы им беседу. Это же не запрещено?

— Нет...

Похоже, в голове начальника стражи за раз больше одной мысли не задерживалось. Он посмотрел на Леонида.

— Подтверждаете?

— Ты как? — Виктор уже был рядом.

— Нормально, — Бурый аккуратно пожал плечами, чтобы не потревожить Олю. Ее неожиданные объятия были приятными.

— Ну что, парни? — поторопил с ответом второй здоровяк, растеряв всю недавнюю хулиганскую манеру общения. — Разберемся сами? Раз такое недо-разумение случилось, то теперь, ясное дело, выпивка с нас. Реально, не хотели вашу госпожу обидеть. Местное пойло подвело. Мы его как воду глушили, а оно, видишь... когда накрыло.

— Ладно, — Леонид все еще пребывал в раздрае после ментальной атаки, и руководящую роль взял на себя Виктор. — Но магарыч с вас железно!..

Мужики облегченно вздохнули и заулыбались. Похоже, это у них был не первый привод. И предыдущего знакомства с местным правосудием хватило с лишком.

Обладатель писклявого голоса обозначил движение в сторону монументального стража порядка:

— Мы можем идти, господин начальник?

Богатырь пару раз качнулся с носка на пятку и милостиво кивнул:

— Проваливайте... Фулюганы...

Мужики синхронно развернулись и затопали прочь.

— Эй! А простава?

Тот, который предлагал мировую, развернулся, сунул руку в торбу и вынул горсть мелких монет, среди которых изредка проблескивало серебро.

— Вот. Если вдруг не пересечемся больше. Тут не только на обед, но и на ужин с ночевкой хватит.

Виктор проворно сгреб предложенные деньги, хотел сунуть в карман, но здешний покрой штанов такой детали в одежде не предусматривал. Так что Лысюк просто крепче сжал кулак.

— Может, посоветуете какое-то определенное место? Где перекусить, чтобы вкусно, сытно и не дорого. А то мы еще не разобрались.

— Корчма «Веселый поросенок», — переглянувшись, дуэтом ответили мужики. И бочком, бочком ретировались.

— Чужаки... — проворчал стражник таким тоном, будто это слово состояло в его личном списке самых унижительных ругательств. — Новички...

Скриншот...

Виктор

— Голубчик, ну что вы смотрите на меня, как на врага народа... — Доктор, внешнею больше всего напоминающий классического Айболита, картинно всплеснул руками, а потом сунул их в карманы халата. Очевидно, вспомнил, что жесты и движения пальцев понимающему человеку скажут даже больше, чем мимика и рысканье взглядом. Взгляд, кстати, он тоже на всякий случай зацепил за письменный прибор на столе. — Поверьте, я вас прекрасно понимаю. И тоже считаю, что сорок пять лет не тот возраст, когда можно умирать. Но я же не Господь Бог, а всего лишь врач.

Я могу поставить диагноз, провести подготовительные анализы... Могу, по старой дружбе, позвонить в клинику господину Зильберману. Меня даже хватит на то, чтобы упросить его принять вашу матушку вне очереди, но оплатить ее лечение у меня нет никаких возможностей. Ни собственных, ни тем более бюджетных.

— Доктор, прекратите истерику и... — Виктор хотел сказать «театр», но закончил вполне нейтрально: — И успокойтесь.

— Вам легко говорить! — Исаак Самуилович без сил упал в кресло и нервно забарабанил пальцами по столешнице.

Виктор не понял, почему о почти неотвратимой смерти матери сыну легче говорить, чем лечащему врачу, но уточнять не стал. Тем более что Исаак Самуилович продолжил сам:

— Я же еще при Союзе учился. Клятву Гиппократы давал!.. А сейчас вынужден лепетать не о здоровье людей, а о деньгах за их лечение.

— Да, — кивнул Виктор. — Именно этого я от вас и добиваюсь!

— Добивается он, — доктор словно обиделся. — Вы хоть представляете себе, юноша, какая это огромная сумма?!

— Исаак Самуилович, — держать себя в руках бывший старший лейтенант умел хорошо. Без этого не то что в спецназе — в обычной части долго не протянешь. Армия умеет заставить человека исполнять любые приказы, даже если приходится переступать через собственное самолюбие, — вы наверняка слышали о причудах Гарри Форда, из-за которых менеджеры престижных ресторанов дополнительно инструкти-

ровали швейцаров, если они еще не знали экстравагантного миллионера в лицо.

— Вы о его страсти к поношенной одежде? — врач явно обрадовался смене темы и проявил заинтересованность.

— Именно. И о том, что Рокфеллер свои блокноты начинал исписывать с титульного листа обложки? В целях экономии.

— Не вполне понимаю вас, голубчик...

— Это я к тому, что не судите по внешнему виду. Вы же не знаете моих финансовых возможностей. Тем более не можете знать о возможностях моих друзей. Поэтому просто назовите сумму. И, чтобы не повторяться, не оптимистический минимум, а сразу верхнюю, реальную планку. Со всеми побочными и дополнительными затратами. На уход и реабилитацию. Хорошо?

— Пятьсот... пятьдесят... тысяч... — у Исаака Самуиловича сделался такой несчастный вид, словно эти деньги только что потребовали с него самого. Он даже побоялся поднять голову, чтобы не встретиться с глазами Виктора. И очень удивился, когда услышал уточняющий вопрос, заданный ровным, совершенно спокойным голосом:

— Долларов?

Врач нервно поправил очки и уже увереннее произнес:

— Увы, голубчик. В еврозоне имеет хождение другая валюта. Пятьсот пятьдесят тысяч евро... А в долларах это будет еще как минимум сто тысяч сверху.

При этом Исаак Самуилович чуть искоса глядел на Виктора и думал: «Черт возьми, неужели у этого парня водятся такие деньжищи? Тогда я совсем перестал что-либо понимать в людях. Пора на пенсию...»

— Спасибо, доктор. А сколько у нас времени?

— Месяца два...—Максимум три. Потом начнутся необратимые процессы, и всякое вмешательство станет бессмысленным. Но прошу учесть, что из означенного срока надо еще вычесть десять дней на адаптацию, повторное проведение анализов и подготовку больной к операции. Так что на вашем месте я стал бы рассчитывать только на месяц.

— Хорошо...

— Совет хотите?

— Конечно.

— Если через три недели поймете, что не успеваете собрать всю сумму, отвезите матушку куда-нибудь к океану. В страну, где белым туристам почти легально продают наркотики. Много времени это не займет, но уйдет она без мучений и в приятном месте.

— Я вас услышал, доктор, — кивнул Лысюк. — И вот как мы поступим. Сегодня же звоните господину Зильберману, пусть выписывает счет или обозначит другие формы оплаты и готовит место в клинике. Не позже чем через три недели я буду у вас с деньгами. А чтобы вы, Исаак Самуилович, восприняли ситуацию всерьез и продолжали как следует заботиться о моей матери, часть денег я принесу лично вам. Дней через пять. Договорились?

* * *

Народная мудрость, зародившаяся еще в те времена, когда рубль имел не только хождение, но и настоящий вес, гласящая, что сто друзей дороже ста рублей, не подвела и на этот раз.

Вернее, для решения проблемы хватило двоих. Зато самых закадычных. Ребят, с которыми Виктор Лысюк дружил с самого детства.

Поговаривали соседи-старожилы, что в годы оные их матери довольно часто возили всех в одной коляске. Насчет общей коляски для троих бутузов молва, как обычно, явно преувеличивала. Вряд ли таких богатырей можно впихнуть в одноместное средство передвижения. А вот оставлять под присмотром одной из мамаш — пока остальные занимались покупками или уборкой квартиры — вполне реальная версия.

Так и росли в одном дворе Леонид Бурый, Женька Карплюк и Виктор Лысюк. Деля на троих все радости и заботы детства, отрочества и юности. Аж до наступления призывного возраста... В этой точке их пути разошлись.

Бурого предки впихнули в вуз с военной кафедрой. Евгению — купили белый билет, несмотря на то что парень к этому времени уже имел первый юношеский по авторалли. И только Виктор, несмотря на все уговоры матери, твердо решил пойти по стопам деда — полковника в отставке, и лично отнес в военкомат заявление с просьбой направить его в военное училище.

В общем, разошлись у ребят пути-дорожки. Но доверительные отношения сохранились навсегда. И нерушимость их дружбы нашла очередное подтверждение, когда Лысюк рассказал товарищами о том, что матери необходима сложная операция, которую могут сделать только в Швейцарии. Со всеми вытекающими из этого обстоятельствами... В первую очередь — финансовыми.

— Ну, положим, я покажу место, где можно поднять пару лямов зелени... — почесал Лёнчик заросший стильной двухдневной щетиной подбородок. — Но, как вы понимаете, парни, у денег всегда имеется хозяин,

и просто так их никто не отдаст. А я, о чем вы тоже знаете, противник... радикальных решений. Поэтому наводку дам, только если поклянешься обойтись без крови.

— Без проблем, — Виктор не лукавил. — В этой жизни я ее достаточно пролил.

— Ну, а я... — Женька покрутил на пальце связку ключей. — Как обычно. Отвезу и привезу. Можно шагом, можно — с ветерком.

План локальной экспроприации экспроприаторов был прост и вполне исполним, с одним-единственным, но очень существенным изъяном. Искать грабителей будут не только блюстители закона, но и преступники всего города. Со всем тщанием. Дабы, после показательной экзекуции, другим не повадно было рот разевать.

А значит, браться за дело, не найдя надежного способа, как покинуть город на какое-то время — чистой воды самоубийство. Причем очень неприятным и мучительным способом.

Прикинув по-быстрому, как взять деньги — там и в самом деле не должны были возникнуть затруднения, очень уж уверенно чувствовали себя новые русские буржуины, — все остальное время Лысюк потратил на изучение путей отхода и подготовку грамотного исчезновения. И почти зашел в тупик.

Те варианты, которые приходили бывшему старлею в голову, лежали на поверхности, сотни раз освещались в бесконечных ментовских сериалах и соответственно легко просчитывались службой безопасности. Нет, чтобы провернуть такой экс и безнаказанно унести несколько миллионов евро, надо изобрести нечто нетривиальное.

Решение проблемы пришло само и почти случайно.

Бредя в раздумье по городу, Виктор свернул в арку, чтобы прикурить. Ветерок гулял по улицам не сильный, но какой-то суматошный. И прикрыть огонек зажигалки ладонью никак не получалось. Прямо как в старших классах, когда они с Леней только учились курить. И вот тут зазвонил мобильный...

— Привет, Лысый... Сто лет...

Номер не определился, зато голос в телефоне показался знакомым.

— С кем имею?.. — Виктор не любил неясностей. И, как правило, с анонимами не общался. Следуя старинной французской поговорке «Красивое лицо и добрые дела под вуаль не прячут».

— Seriously, что ли? Одноклассника не узнал? Богатым буду...

— Пилюлькин? Ты?

— А то...

Сергей Пилюль, по прозвищу Пилюлькин, вообще-то одноклассником Виктора стал только в десятом классе, переехав с родителями с Дальнего Востока. Но парнем был отличным и в компанию «трех мушкетеров» вписался с ходу. Настолько, что после возвращения «с войны» Виктор сунулся было к нему в гости, но — по словам родителей, после окончания университета Сергей подписал долгосрочный контракт с каким-то совершенно секретным учреждением и отбыл в неизвестном направлении. И вот — звонит сам...

— Здорово. Рад тебя слышать... Ты где пропадал столько времени?

— Наука, брат, самая ревнивая из женщин... — то ли со смешком, то ли со вздохом ответил Пилюль. —

Ни на шаг от себя не отпускает. Надо бы пересечься. Есть тема для поговорить.

— Извини, брат... Сейчас очень туго со временем. Давай недельки через две? Я скажу парням, что ты в городе. Они тоже обрадуются. В общем, зуб даю, в самом скором времени мы тебя найдем... Если только ты снова не слиняешь в края неведомые.

— Не слиняю. Но и ждать нет смысла. Извини, Вик, но так получилось... В общем, я в курсе, что тете Поле срочно деньги нужны.

В голове у Виктора раздался тревожный звонок, но он сейчас был слишком поглощен другими проблемами, чтобы воспринять его всерьез.

— Нужны, Серега. Только это не та сумма, которую можно собрать, пройдясь по друзьям и знакомым. Или докторам физико-математических наук зарплату сильно подняли? — решил сгладить шуткой неловкость отказа.

— Естественно. Во всяком случае, платят ровно вдвое больше, чем просто физикам или математикам по отдельности, — поддержал шутку одноклассник. — А что до суммы, то американцы говорят: «Иметь миллион и не иметь миллиона — разница в два миллиона». Я заносчивых янки не слишком уважаю, но в экономике они шарят. Так что имеет смысл прислушаться. Окажутся лишними — вернуть всегда успеешь.

— Уговорил. Спасибо... — Виктор вынужденно сдался под таким напором. — Когда и где?

— На углу Ломоносовской и Мечникова кафешку «Жемчужина» знаешь?

— Найду.

— Тогда через час. Годится?

— Жди...

Глава вторая

ЕСТЬ МНОГО В МИРЕ, ДРУГ ГОРАЦИО...

Строение с надписью «Веселый поросенок» и вполне красноречивой вывеской, изображающей упитанного борова, разлегшегося в луже, надо полагать, пива — с шампуром в одном копытце и кружкой в другом, нашлось быстро. Наглое, наверное, от упомянутой веселости, рыло было видно прямо с дороги.

— Нам сюда... — быстрее всех обнаружил местный общепит Виктор. Впрочем, это и не удивительно. После происшествия на рынке Леонид впал в задумчивость и равнодушно брел, куда вели, совершенно механически передвигая ноги.

Внутрь заходить не хотелось. Помещений и интерьеров в большом городе хватает, а приличные пейзажи, достойные кисти Айвазовского или Куинджи — только в картинных галереях. Ну, еще на обоях рабочего стола. Так что расположиться решили на свежем воздухе. Даже специально не сговариваясь.

Место для харчевни хозяева выбрали весьма живописное. Прямо на берегу врезавшейся в сушу бухточки. Красиво и удобно... Помои далеко носить не надо.

Здоровенный, однако, водоем. Только какой-то необитаемый. Кроме кораблей на рейде и у причала — ни единой посуды, даже рыбацкой лодки. Странно? А то... Не верится, чтобы при таком скоплении народа ни у кого не возникло банальное желание порыбачить.

Обещавших закатить пир горой краснолицых здоровяков в харчевне не обнаружилось. Либо решили сэкономить, либо опять куда-то вляпались. Ну, и черт с ними. Отступные получены, так что потерпевшие претензий не имеют.

Столик в дальнем левом углу открытой веранды облюбовал бородатый детина, точь-в-точь как тот, что позировал Васнецову. Даже кольчугу не снял. Он с явным удовольствием сосал пиво из литровой кружки и рассеянно слушал, что говорила ему короткостриженная девица, затянутая в лайку и с «ремингтоном» в руке. Ружье она держала на коленях с такой непринужденностью, словно это был самый обычный дамский аксессуар.

Виктор, привычно занявший место спиной к природе и лицом к входу, тут же беспокойно оглянулся. До самого горизонта было пусто, как в дни акта Творения, но ощущение чужого взгляда не пропало. Лысюк поелозил чуток и передвинулся вместе с креслом так, чтоб и водоем краем глаза «держат».

— Что изволите? — подошедшая официантка словно только что перенеслась сюда из какого-то германского паба. Белокурая, в традиционной одежде кельнеров и такая пышная, будто взошла на дрожжах. Похоже, брожение в юном организме еще продолжалось, поэтому грудь девицы так и норвила вывалиться из низко вырезанного корсета.

Стильно. А с другой стороны, какие варианты? Не анемичным же моделькам в таком заведении работать.

— Рыбка свежая найдется? — Лысюк подбородком указал на озеро, желая убедиться в том, что его подозрения не надуманные. При этом показалось, что под неподвижной поверхностью вод промелькнула какая-то тень. Силуэт кита или подводной лодки.

Девушка дернулась, словно укололась сидением об угол соседнего столика. Внимательно оглядела непрезентабельную одежду мужчин и насупилась, но вид Ольги и особенно размер кошелька, который та держала на коленях, официантку успокоил.

— Шутки у вас...

— Мы сами не местные, — жалобно начал Леонид, ожидая ответной улыбки или смешка, но девушка вообще не отреагировала. Просто ждала, держа перед собою блокнот и карандаш.

— Мы действительно впервые здесь, — перенял бразды разговора Виктор.

— Да вижу я, — снисзошла девица. — Не слепая. Заказывать будете?

— Обязательно. Но нам бы с ценами сперва ознакомиться. Обед, к примеру, во что обойдется?

— На троих?

— Ну, да... — удивился Виктор. — Вы почему уточняете?

— А откуда мне знать? — повела полным плечиком официантка, от чего сдоба в пазухе пришла в поступательное движение и тяжело заколыхалась. — Может, ваша хозяйка на диете или на вас сэкономить решила? Без пива — три медные монеты. С пивом — шесть. Будете брать?

— Да.

— Вот вы где! — с таким радостным возгласом, словно он совершенно неожиданно наткнулся на старых друзей, коих уже и не числил среди живущих, в пустое кресло плюхнулся Пискалявый.

Второй здоровяк задержался, чтобы хлопнуть официантку по крутому бедру.

Та посмотрела на него сочувствующим взглядом, которым взрослые одаривают убогих детишек. Мол, пусть себе потешится. Не так много у бедолаги в жизни радости...

— Чего замерла, крошка? — он подтащил стул от соседнего столика. — Мы с братом голодны, как волки. Неси все самое лучшее. Этим господам тоже...

Теперь стала понятна похожесть мужиков.

— Они уже сделали заказ.

— Забудь. Я угощаю! — и почувствовав, что вновь перегибает, примирительно поднял руки: — Друзья мои, чур, без обид. На рынке неловко получилось, надо загладить...

Повторения официантка ждать не стала. Чужие дела ей без разницы, а от выручки глупо отказываться. Круто развернулась, так что подол взмыл с фырчаньем пропеллера, и унеслась на кухню.

— Я — Константин Иванович. Для друзей Костян. А это братан мой, Миха. Тоже Иванович, согласно паспорту... — мужик хохотнул не вполне понятной и явно семейной шутке.

— Сам такой, — подтверждая догадку, вяло отозвался брат. — Иванович...

— Мы тут уже пятый день гуляем.

— Стало быть, практически местные... — поддержал разговор Лысюк.

— Нет, — чуть потеряв пафосность, мотнул головою Константин. — Местные все при делах и по тавернам не ходят. Тут больше авантюристы или промысловики межсезонье пережидают, — он кивнул в сторону здоровяка в бороде и кольчуге. — И торговцы для них... — он пожевал губами, — ничтожества. Ниже плинтуса. За пределами города обобрали бы до нитки и глазом не моргнули.

— Поясни, — заинтересовался Виктор, — что значит «межсезонье»?

— А то и значит... — мужику тема явно не нравилась. — Время, когда все дороги из Гавани закрыты. Думаешь, мы из удовольствия здесь застряли? Ага, делать нам нечего, как целый месяц собственное пиво потягивать да вырученные за него деньги

просаживать... Одним днем ошиблись. А вот, кстати, и пиво! — Константин протянул руки в сторону семенящей к ним официантки, прижимающей к груди пять литровых кружек. — Грэтхен, ты воплощение моей мечты! Выходи за меня, не пожалеешь.

Девушка комплимент проигнорировала. Привыкла, наверное. Вряд ли в питейном заведении они отличались разнообразием. Грохнула посуду чуть громче, чем положено, и опять упорхнула.

Виктор проводил ее задумчивым взглядом, потом посмотрел на стол. Пиво оказалось с такой густой пеной, что та поднималась над кружкой сантиметра на четыре и даже не думала падать. Лысюк бесцеремонно сдул белые хлопья в сторону обрыва и осторожно от хлебнул.

— М-м-м... Вещь!

Виктор улыбался, изображая удовольствие от хорошего напитка, а сам тем временем думал: «Поведение официантки, как и неожиданных спонсоров, плохо сочетается с ролью игровой программы!.. «Неписи» обычно пользуются набором из двух-трех вариантов вопросов и ответов. А эти... Либо ресурсы испытываемой нами машины запредельны, либо в игре есть и другие люди. Просто Пилюль почему-то об этом не предупредил. Впрочем, какая разница... Пусть будет как будет. Так даже интереснее. Вон, Ленька вообще не заморачивается. Потягивает пивко и на девчонку поглядывает. Запал, что ли?»

А Бурый не замедлил подтвердить результат дегаустации энергичным кивком.

— Реально, отменное пиво. Даже не припомню, когда в последний раз такое пробовал.

Тем временем проворная Грэтхен поставила на стол корзинку с нарезанным крупными ломтями

хлебом, пять тарелок солянки, мясную нарезку и пять порций пельменей. Щедрые, надо заметить, порции. Штук по тридцать в каждой тарелке. И к каждой по стакану сметаны. Отдельно официантка придвинула Оле стакан сока.

— От меня. За счет заведения. А то мужикам только б зенки залить.

— Спасибо, подруга.

— Заходи в гости, подруга... — Грэтхен добродушно рассмеялась и опять унеслась.

* * *

— Закрыты? Ты сказал, все дороги закрыты? — неожиданно очнулся Леонид.

— Ну да, — неохотно подтвердил Константин. — А почему вы удивляетесь? Это же Гавань. Место, откуда уходят на поиски сокровищ и приключений и куда возвращаются... те, кто уцелел и имеет, что продать или рассказать. Три месяца отсюда можно попасть куда угодно. Вернее, куда подфартит. А потом ровно на месяц Гавань закрывается.

Виктор с Леней переглянулись.

— А как же мы вошли?

— Вход свободен, — уточнил Михаил. — Выйти нельзя. Авантюристам это не мешает, наоборот даже... — он покосился на странноватую парочку. — Отдыхают, развлекаются, компанию собирают. А вот мы с братом попались. Мы пиво варим. То самое, что вы сейчас пьете. Привезли новую партию, хорошо расторговались и... В общем, сбились со счета. Перепутали дни и застряли. А вы сами, кстати, откуда путешествуете и к какому сословию принадлежите?

— Мы? — Виктор посмотрел на Олю, а потом на Леонида. — Ну, как тебе сказать... История длинная.

— А вы куда-то торопились? — братья заметно оживились. — Забудьте. Проходы только позавчера закрылись. Так что вы свою историю сто раз по кругу пересказать успеете. Было бы желание.

— Ладно, расскажу, — у Лысюка возникла идея, но пара секунд на ее обкатывание не мешала. — Только в горле что-то першит...

Братья снова переглянулись, синхронно рассмеялись и замахали руками.

— Еще пива? — возникла рядом со столиком официантка.

Похоже, Грэтхен отлично знала привычки братьев. Или так программа прописана?

— Конечно, крошка! Восемь кружек. И орешков соленых... А госпоже Ольге — еще сока.

Официанта упорхнула с грацией балерины, что при ее габаритах казалось сродни цирковому фокусу.

Дальше затягивать с ответом не получалось.

— Отец наш мельницу держал, — неторопливо начал Виктор.

— Так вы что, тоже родня? — удивились пивовары. Вообще-то более непохожую троицу еще поискать надо. Поджарый, жилистый, как волк, чернявый Виктор. Крупный, почти под два метра, страдающий начальной стадией ожирения русский здоровяк Леонид. И миниатюрная золотоволосая Оля.

— Матери разные... — пришел на помощь другу Бурый, не вдаваясь в подробности. Думайте, как хотите. То ли гарем мельник себе завел в близлежащих деревнях, то ли женская смертность на мукомольне повышенная. Но вопрос снял. Уточнять, зачем мельнику три жены, братья не стали.

— А когда он умер... весной, мы решили поискать счастья в другом месте, — продолжил Лысюк. — Мельницу продали и подались, куда глаза глядят.

— Так вы что же, раньше о Гавани ничего не слышали? — братья быстро переглянулись.

Все трое дружно помотали головами.

— Ой, тогда вам повезло... Не придется тут целый месяц куковать. Для тех, кто оказался в межсезонье первый раз, какая-то дорога обязательно остается открытой. И на этом, если повезет, можно неплохо заработать.

— Каким образом?

— Мало ли. Когда поймете, куда можете пройти, расскажите нам. А мы дальше поспрашиваем. Вдруг кто-то еще, как мы, здесь застрял, но очень хочет восточку во внешний мир передать. Или товар... Кстати, а что у вас в тюках?

— Интересуетесь?

— Ну, мы же торговцы, — пожал плечами Константин. — Сюда пиво поставляем, а из Гавани в Город — приобретенные здесь товары. Чего караван порожняком гонять? Так что не сомневайтесь: мы в накладе не будем — на перекупщиках сэкономим и вам цену выше рыночной положим.

— Забирайте, — махнул Виктор. — Парни вы, как я погляжу, свойские. Поэтому что предложите, на том и сойдемся. По рукам?

Пивовары дружно кивнули.

— Заметано. А вы на западную околицу ступайте.

— Почему именно на западную?

— С севера вы пришли. На юге море, — обстоятельно объяснил Константин. — На востоке — отсюда не видно — крепость Академии. Но пока не

поймете, куда попадете, вам там делать нечего. Только деньги потратите... А на западе, как из города выйдете, увидите отдельно стоящую скалу. Не промахнетесь. Побродите вокруг, только далеко не отходите. А лучше возьмитесь за руки, и пусть один из вас все время к камню прикасается. И не улыбайтесь. Это место не зря Перекрестком ста дорог или Перепутьем зовется. Иной раз десятка шагов хватает, чтобы в другом мире оказаться, а обратно вернуться — и десяти седмиц мало. Если не повезет... Поймете потом. Сейчас, просто воспользуйтесь шансом как следует оглядеться и запомнить все, что увидите.

* * *

Сытный обед и хорошие напитки не располагают к пешим прогулкам, а в виде продолжения жаждут покоя и дружеской беседы. Поэтому, дабы свободно обменяться мыслями и впечатлениями, а заодно дать организмам передышку, было решено идти к Перекрестку не сразу, а сперва провести небольшое совещание. Желательно под сенью деревьев. Благо природа начиналась сразу за декоративным палисадником.

Критерий для выбора нового места предъявлялся умеренный. Дерево должно иметь достаточно обширную крону, чтоб обеспечить просторную тень, стоять уединенно и с видом на волны.

— Красота!.. — Виктор с удовольствием растянулся на траве.

— В целом приятное место, — согласился Леонид. — Но это первые пару дней. Помню, меня однажды в Карпаты заманили. Типа воздух, пейзаж... А потом выяснилось, что мобильники не тянут, телевизор

ловит только один канал... румынский. И комары... Кстати, странно — водоем в наличии, а комаров нет. Экологически неверно. Если еще и раков не окажется, я бы в эту водичку не стал соваться.

— Эй, а это ничего, что мы в вымышленном мире? — напомнила Оля. — И требовать от него стопроцентного правдоподобия по меньшей мере глупо. Я в шоке. Это ж какую мощь надо иметь, чтобы такую реалистичную картинку поддерживать!

— Я тоже, — кивнул Виктор. — Особенно если приглядеться к мелочам. Зацените сами. Каждая травинка, каждый листик не скопированы, а прорисованы отдельно.

— Да... — согласился Леонид, рассматривая пучок травы. — Странно это, господа. Допустим, суперкомп Пилюлькина смоделировал для нас эдакую «матрешку», и мы играем в мир еще одной игры. Но реалистичность и в самом деле запредельная.

— Ну да, жизнь игра так себе, но графика обалденная, — хмыкнул Лысюк.

— На что намекаешь?

— Размышляю вслух.

— И?

— И кажется мне, что наш друг Пилюлькин не сказал нам правды. Всей... Или вообще не сказал. Киношку я одну видел. Там сознание чувака переносят в какое-то инопланетное существо. Потому что планета их для человека непригодна и освоить ее не получается. Фантастика, конечно. Но очень уж похоже его в лаборатории укладывали. Почти как нас...

— Фигню городишь. По-твоему, наше сознание в нас же самих перенесли, только живущих в другом мире?

— Не торопись подбивать бабки, еще не вечер. О, кстати о бабках... — почему-то решил сменить тему Леонид. — А не посчитать ли уважаемым кротам?

— Спасибо, что напомнил...

Виктор в три приема достал из-за пазухи монеты, полученные от пивоваров, и высыпал на подол Олиного платья.

В кучке оказались три серебристых кружка двадцаток, две красноватые десятки и меди разного достоинства на общую сумму семьдесят три монеты.

— Нормально. Курица тоже по зернышку клюет... а до вечера весь двор загадить успевает, — одобрил Леонид. — На поесть, особенно если без пива, нам точно хватит на все отпущенное время.

— А у меня... — Оля отвязала кошель и высыпала его содержимое рядом с первой кучкой. — О! Два полтинника, двадцатка, три десятки и мелочь. Ты был прав, Виктор. Чуть больше полутора сотен. Вполне соответствует цене, которую заплатили нам пивовары. Поделим? — Девушка потянулась к монетам, явно собираясь смешать все вместе.

— Гусары с женщин денег не берут, — остановил ее движение Виктор и, чтоб сгладить двусмысленность, прибавил: — Будем считать, что подъемные — это неприкосновенный запас. И потом, Оля, поверь моему игровому опыту, стартовый капитал всегда такой, что ничего путного за него все равно не приобретешь. Пойдем, что нас ждет, вот тогда и подумаем: где, чего и скока. В смысле надо, и как заработать... Согласны?

— В общем и целом...

— Тогда чего сидим? Реально тут все или надуманно, но экспериментаторы ждут от нас данных. Значит, согласно договору, мы обязаны им их предоставить.

— Яволь! — Леонид поднялся не так ловко, как поджарый Виктор, зато не забыл подать руку девушке.

— Спасибо, — естественно, двадцатилетняя Оля не нуждалась в помощи, но знаки внимания Леонида были девушки приятны.

Машинально отряхивая пыль и соринки с подола, она задела пальцами что-то твердое, на ощупь больше всего напоминающее краба, которых она, как и раков, боялась с детства.

Девушка испуганно взвизгнула и, поскольку снять платье или хотя бы прицепившееся к ним мерзкое животное не могла, изобразила на месте несколько па из ритуальных плясок неандертальцев. Подпрыгивая на месте, размахивая руками и продолжая истошно визжать.

— Что случилось? — мужчины бросились к ней, не видя ни малейшего повода для беспокойства. А потому совершенно ничего не понимая.

— Снимите с меня его! Пожалуйста! Снимите! — из-за фобии у девчонки начиналась истерика.

Виктор, не вникая в нюансы, сгреб Олю в объятия, тем самым зафиксировав ее на месте.

— Где?!

— По платью ползет! — Флюиды какие сработали, или мужская уверенность подействовала, но девушка почти успокоилась.

Леонид опустил на колени и методично провел руками по ногам девушки, как при обыске. Искомое обнаружилось справа, на уровне колена. Твердое на ощупь и не пожелавшее отцепиться. Но Леонид настаивал, и грубая сила победила.

— Снял.

Узнав, что ей больше ничего не угрожает, девушка немедленно проявила любопытство:

— Краб?

— Не-а... — Леонид поднялся с колен и протянул товарищам руку открытой ладонью вверх. На ней лежало нечто размером с половинку слегка приплюснутого грецкого ореха.

Геометрическая схожесть тоже наблюдалась. Но на этом она же и заканчивалась. Загадочная полусфера была либо стеклянная, либо из материала, имеющего подобные свойства. И белоснежная, как... белый снег, на котором лыжной палкой нацарапали неглубокую стрелу.

— Фигня какая-то, — оценил неизвестный объект Виктор, осторожно проведя пальцем по гладкой поверхности. — И явно искусственного происхождения. На брошь похоже.

— А чего оно ко мне прицепилось? — Оля все еще не решалась пока прикоснуться, а только глядела.

— Поверхность снизу типа липучки, — Бурый перевернул полусферу «на спинку». Она не возражала. — Я вот что думаю. Эта штука наверняка свалилась с какого-то прилавка на рынке. И случайно прицепилась к юбке.

Оля, преодолев робость, взяла в руки «брошь», как бы мимоходом погладив руку мужчины.

— Красивая. И словно светится изнутри.

Девушка уже явно оценивала, куда бы неожиданное украшение пристроить половчее.

— Не спеши... — придержал ее за руку Виктор. — Мало ли. Вдруг эти штуковины все-таки небезопасны. Нам все равно мимо харчевни возвращаться, вот и спросишь у Грэтхен. Если она еще там.

— Ой! — девушка опять вскрикнула, только на этот раз от удивления.

— Теперь-то что не так? — проворчал Виктор.

— Стрелка...

— Что стрелка?

— Повернулась, — Оля показала «брошь». — Когда мы заговорили о Грэтхен, это... — девушка легонько коснулась ногтем черной черточки, — повернулось в сторону кафе. И теперь, — она специально покрывала ладонью, — держит направление.

— Как компас? — мгновенно сообразил Виктор. — А ну, дай я проверю.

Непонятная полусфера переключалась из ладони в ладонь. Но в результате перемещения стрелка с поверхности почти полностью исчезла. Если б не знать, что она там была, и не разглядеть.

— Не понял? Леонид, а ну, на — поддержи.

В руке Леонида стрелка возникла снова, но не такая жирная, как у девушки. Без энтузиазма, в общем.

— Интересно. Отдавай взад... — Виктор забрал «указатель», и тот немедленно побелел. — Теперь ты, — вещь легла в ладонь Оли. Стрелка будто и не исчезала. — Где можно переночевать?

Если кафе совместить с двенадцатым часом циферблата, то указатель рекомендовал искать ночлег, двигаясь в сторону цифры два.

— Забавно. Навигатор, который сам решает, кто нуждается в подсказке... Но пользоваться можно коллективно, — резюмировал Виктор. — Вещь в хозяйстве, безусловно, нужная. Оля, пристрой его так, чтобы под рукой был. Где деньги лежат... — Виктор сделал паузу, но поскольку указатель никак не отреагировал, вздохнув, продолжил: — ...мы спрашивать не будем, а узнать кратчайший путь к цели никогда не помешает. Кстати, чтоб опять через город

не топать, к развилке зон можно как-то бережком пройти?

И навигатор, который девушка уже прицепила над левой грудью, уверенно указал направление. При этом его стрелка оказалась внутри полусферы...

* * *

— Ух ты, умница моя, — девушка ласково прикоснулась к гладкой поверхности и отдернула руку, ощутив легкий укол. — Ой!

Оля машинально сунула палец в рот.

А с навигатором тем временем происходили странные изменения. Во-первых, он из белоснежного превратился в бледно-розовый, как цвет яблони. А во-вторых, прячущаяся внутри стрелка теперь больше напоминала зрачок.

— Может, ну его нафиг? — неуверенно предложил Леонид. — Как им правильно пользоваться, мы не знаем, о возможных последствиях — даже не догадываемся. Сейчас колетса, а через час — укусит. И хорошо, если не ядовитый и не радиоактивный. Давайте лучше вернем его законному владельцу... Человек, небось, ищет, беспокоится?..

— Ядовитый? — Оля немедленно попробовала отцепить навигатор от платья, но прибор словно врос в ткань. Попытка Виктора, пришедшего на помощь девушке, тоже закончилась неудачей.

— Намертво прилип, — поскреб подбородок Лысюк. — Только если срезать...

— Вот и я об этом же, — продолжил Леонид. — Вещь явно дорогая. Так что можем рассчитывать на вознаграждение. А синица в руках...

— Нашел-таки! Вот молодец!

Все оглянулись на зычный голос, но даже не сразу поняли, кому он принадлежит.

Сперва показалось, будто говорящий прячется за деревом, под которым они отдыхали. Но уже в следующее мгновение в густой тени, отбрасываемой стволом ясеня, проступил более четкий силуэт. Еще миг, и к ним, то ли из этого полумрака, то ли из-за дерева, шагнул некто.

Высокий, худощавый, широкоплечий. Опирался на увесистый посох, себе в рост. Старик, если не ряженый. Пепельного оттенка, длинная, до колен борода заправлена за широкий кожаный пояс. Оттуда же торчит и рукоять какого-то ножа или кинжала. Точный тип оружия Виктор не смог разглядеть, — лезвие пряталось в ножнах. Одет в длиннополую рясу серого цвета, с капюшоном. Подолом одежда доставала до самой земли, так что обувь не разглядеть.

Старик протянул руку и поманил к себе, как всем показалось, Олю.

— Иди ко мне.

— Вот еще! И не по... — начала было девушка, но поняла ошибку и замолчала.

Незнакомый старец звал не ее. Навигатор, до того намертво цеплявшийся за одежду Оли, ожил и, как большой майский жук, расправив крылья, перелетел на посох странного старика. Умогнулся на наверхии в виде какой-то невнятной фигурки и снова замер.

— Уважаемый, а вы кем будете? — Лысюк сместился чуть в сторону, прикрывая собой девушку.

Старик окинул оценивающим взглядом всю троицу и забормотал негромко, словно разговаривал со своим посохом:

— Не самый лучший вариант, но почему бы и нет... Кровь, однако, настоящая. Надо глядеть. Надо... Других-то нет.

— Дедушка! Ау! — почти прокричал Виктор. — Вы нас слышите?

— Чай, не глухой... — проворчал тот. — Чего надо, отрок?

— Нам? — удивился Лысюк такому обращению. Может, двадцать семь лет и не пик мужской силы, но и сопливое отрочество давно в прошлом.

— Ну не мне же... — голос звучал насмешливо. — Сам же вопил: «Дедушка! Ау!» Так говори, зачем звал, а то у меня дел невпроворот. Солнце гляди где...

От такого пассажи Виктор даже растерялся и переглянулся с товарищами.

— Угу, — суммировал старик. — Пока вы и сами еще не знаете, чего хотите. Тогда я пошел. Поговорим вдругорядь... Как в гости соберетесь.

И тут Леониду почудилось что-то знакомое в насмешливом взгляде. Из глаз добродушного на вид старика отчетливо пахнуло той самой ледяной стужей. Как на базаре.

— Простите, а это не вы... — маловразумительно начал он.

И мгновенно получил такой же содержательный ответ:

— Конечно я, кто же еще? А пока вот, держи, отрок, телом слабый, но духом крепкий. За помыслы верные. Соблюдай их — все, что ищешь, найдешь...

Он взмахнул кистью, и в сторону Лени полетел жирно поблескивающий в лучах солнца, желтый кругляш. Бурый хоть и не ожидал ничего подобного, но поймать подарок изловчился. Прямо в подставленную ладонь.

— Фига себе, стольник, — констатировал, демонстрируя улов остальным. — Прикольно. То есть я хотел сказать, спасибо...

Леонид оторвал глаза от золотистого кругляша и посмотрел на странного старика. Но возле дерева, как и за ним, уже никого не было.

— Твою дивизию... — Виктор мотнул головой. — Не знаю, как вам, а мне мысль поучаствовать в эксперименте Пилюля больше не кажется такой мудрой, как изначально.

— А мне, — глаза Оли горели восторгом, — очень нравится. Как в сказке! Другой мир, волшебные вещи, кудесник-волхв... Ребята, я вам так благодарна, так благодарна!

От восторга девушка дернулась было к Виктору, но наткнулась на его задумчивый взгляд, произвольно обошла боком и чмокнула в щеку Леонида.

— Что с тобою, командир? — дернул приятеля за рукав Бурый. — Гляди, как все отлично складывается. И часа не прошло, а мы еще на сотню приподнялись. В сумме — двести двадцать с хвостиком. Ведь прет, черт меня подери. Реально прет... А ты киснешь!

— Не кисну, а размышляю, — Лысюк назидательно поднял палец.

— И о чем же, можно полюбопытствовать?

— О закономерностях и случайностях, — важно ответил тот, глядя при этом на Олю. — А еще о том, кто важнее: лошадь или телега?

— Понятно, — Леонид многозначительно потрогал лоб товарища. — Жаль, торопимся. Сейчас самое время принять водные процедуры. Для охлаждения организма.

— Согласен, — кивнул Виктор. — Надо было заранее у навигатора спросить, где общественный водоем.

С доступным пляжем. Должен же народ хоть изредка мыться?.. А я почему-то сильно сомневаюсь, что здесь в каждой избе установлено джакузи.

Скриншот...

Виктор

Когда к его столику подошел мужчина среднего возраста, одетый в дорогой костюм, Лысюк не сразу признал бывшего одноклассника. За те десять лет, что они не виделись, Сергей Пилюль сильно изменился. Во-первых, напрочь потерял некогда буйную шевелюру, и теперь был лыс, как бильярдный шар. Во-вторых, с детства страдая от близорукости, но стеснясь этого, в школе он носил линзы, а сейчас щеголял массивными очками в солидной роговой оправе.

— Ну, здравствуй еще раз, Лысый! — Пилюль протянул руку Виктору.

— Чья бы корова мычала, — Лысюк сперва ответил на приветствие, а потом демонстративно провел ладонью по уже вполне отросшему до «канадки» армейскому ежику. — Вижу, твоя дама и в самом деле ревнива. Все до единого перышка повыдергивала. Даже пуха не оставила.

— Ой, вот только не надо... Знаешь поговорку, — Сергей вальяжно опустился на стул и поманил пальцем официантку, — если мужчина лысый спереди, это от ума. Если сзади, значит, гуляет. А если лысый полностью — то тоже гуляет. Но с умом...

— Слушаю вас, — официантка нацелила на Пилюля блокнот.

— Девушка, мы с товарищем сто лет не виделись. Я вас попрошу, сообразите двум старинным друзьям

выпить и закусить. Желательно из лучших блюд. Понравится — оплатим-вдвойне.

— Могу сразу подать мясную нарезку, пару салатов, хлеб и?..

— Водку, моя хорошая, — Пилюль вел себя как завсегдатай. — Никакого ячменного самогона или настойки на дубовых опилках. Хорошей, родной водочки. Сразу бутылку. И пару «Нарзана».

— Горячее по готовности или позовете?

— По готовности. С пылу, с жару...

Девушка черкнула что-то себе для памяти и удалилась.

— Пилюлькин, ты удивляешь меня все больше. Твоя женщина... та, которая Наука, часом не дочь нефтяного олигарха?

— Бери выше, — расплылся в довольной улыбке Сергей. — Ее спонсирует Министерство обороны. Но об этом мы еще успеем пошептаться. После того, как опрокинем за встречу. А сейчас скажи, как тетя Поля? Все настолько серьезно?

Виктор ограничился кивком.

— Я понял. Извини... — Сергей пожевал губами. — Обрисую ситуацию в целом. Я знаю, что ты недавно снял погоны и на гражданке пока еще нигде пристроиться не успел. Соответственно денег нет.

— С истиной не расходится. Имеешь что предложить?

— Имею.

Пилюль замолк, потому что стол начал загружаться закусками и напитками.

— Приятного аппетита, — улыбнулась солидным клиентам официантка.

— Спасибо, родная. Ну, чтоб не последняя... — он быстро наполнил стопки.

— Ты куда-то торопишься?

— Заметно?

— Скорее да, чем нет...

— Просто я слишком долго не мог себе этого позволить, Витя.

— В смысле выпить?

— И это тоже. Но главное — с кем... Там, — он неопределенно мотнул головой, — все время словно кто за спиной стоит. Возлияние, мягко говоря, не приветствуется.

— Ух, ты, — хмыкнул Лысюк, тоже отправляя свою порцию водки в рот. Выдохнул. Закусил. — Так ты у нас секретный. Ядерщик? Ракетчик?

— Нет... Я по другой части. Нано-технологии и компьютерные разработки.

— Можешь не продолжать, — жестом остановил товарища Виктор. — Все равно не пойму.

— А и не надо. Смысл моей работы в том, чтобы изобретением могли пользоваться все, а не только специально обученные технари. Но об этом позже. Вернемся к деньгам.

— Как скажешь...

— Десять тысяч шкурок убитых енотов. И это не в долг, а разовый гонорар. Интересно?

— Во всяком случае, не помешают, — кивнул Виктор. — Но смотря за что.

— Участие в эксперименте. Моем эксперименте.

За окном бесцеремонно задребезжал на повороте трамвай, и Виктор, глядя на него, улыбнулся.

— Я сказал что-то смешное? — надулся Пилюль.

— Нет... Вспомнилось, как мы в десятом классе контролерами решили прикинуться. Помнишь? Денег на каток не хватало.

— Было дело, — Пилюль снова взялся за графин. — Авантюрная жилка у нас с детства имеется.

— Только тогда мы убежать успели. А теперь?

— Теперь, Лысый, пусть от нас бегают, — товарищ скорчил устрашающую мину. — Для начала мне понадобится пять дней. Максимум неделя твоего времени. А потом как захочешь. Можно будет и о контракте на постоянной основе поговорить. Соглашайся!

— Серый, я бесконечно рад, что Министерство обороны выделяет на твои эксперименты такие солидные деньги, честно... Но хотелось бы подробностей.

— Будут и подробности, обязательно будут. Дело в том, что мне срочно нужен доброволец. Что-то вроде летчика-испытателя.

— Пилюлькин, ты глухой? — Виктор ладонью прижал к столу свободную руку бывшего одноклассника. — В этой жизни решается все, кроме воскрешения мертвых. Да и то, пару тысяч лет тому нам как бы намекнули на возможность разобраться и с этой проблемой. Но пока не объяснишь, что придется делать... ради науки, разговора не будет. Усек?

— В общем, ничего особенного, — Сергей чуть-чуть напрягся, но освободиться не пытался. — Протестировать компьютерную игру. На экспериментальной машине.

— И опять я тебя не понял, — упрямо мотнул головой Лысюк. — С каких это пор у оборонки проблема с подопытными кроликами? Причем бесплатными. Курсанты в училищах закончились?

Сергей произвольно оглянулся, словно опасаясь, что его подслушивают, и на два тона тише проворкотал:

— Заказчики не предупреждены. Этот эксперимент пробный. Прежде чем объявить о готовности,

я хочу протестировать программу еще раз. Так сказать, в полном объеме. Сперва собирался на себе испытать, но за внешним пультом я реально полезнее. И внутрь абы кого тоже впустить не могу.

Пилюль перевел дыхание и забормотал скороговоркой дальше.

— Пойми, Лысый. Официальным путем — служба безопасности согласованиями измордует. А время поджигает. Через десять дней прибудет приемная комиссия. Да такая, что там генерал-майоры в адъютантах ходят. И тут я о тебе подумал... Все в масть. Бывший офицер спецназа. Послужной список отличный. Допуски не нашего уровня, но тоже весьма впечатляющие. Ну и... — Сергей заметил, как заиграл желваками Виктор, и быстро поправился: — Извини, я имел в виду, что если все пройдет гладко, очень вероятно благодарность самого... — Пилюль многозначительно закатил глаза. — И тетю Полю доставят в лучшую клинику мира на личном истребителе президента.

— А ты не гонишь?

— Нет и нет... Клянусь мамой. Все очень серьезно.

— Серьезно, значит? — в голове Виктора начала формироваться идея. — И я нужен тебе на неделю?

— Я бы с ходу не стал точно устанавливать срок. Но примерно да...

— Эксперимент секретный. Соответственно охрана солидная?

— Не Останкино, — хохотнул Пилюль. — На территорию института не только на КамАЗе — на танке не въедешь. О лаборатории вообще помолчу. Все повзрослому. Форт-Нокс отдыхает.

— А я тебе один нужен, или...

— Вообще-то мне тройка добровольцев нужна, — вздохнул Сергей. — Я пытался выйти на Жеку и Лёню,

но... Карплюк укатил куда-то, и никто не знает, когда вернется. А у Бурого, в налоговой, график на квартал вперед расписан. Так что из тех, кому я могу доверять как себе, только ты.

— Ладно, Пилюлькин, считай уговорил, — Виктор указал глазами на пустые стопки. — Наливай. И начни с начала. Что за программа? Зачем она оборонке? Какая задача ставится перед испытателями? Степень риска? В общем, все подробности! И не финти, мэфистофель ты наш линиялый, не надо. Мою душу ты уже имеешь. А вопрос с явкой парней я беру на себя.

Глава третья

НОРМАЛЬНЫЕ ГЕРОИ ВСЕГДА ИДУТ В ОБХОД

Знающая жизнь бабушка любила говаривать Оле: «Когда тебе что-то советуют малознакомые люди, обязательно прислушайся к их словам! Но сперва убедись в противоположном». Виктор с Леонидом были в этом с ней солидарны. Поэтому прежде чем соваться к Перепутью, двинулись на западную околицу.

— Красиво... — Оля встала рядом с Леонидом.

Обширный выгон, по которому, несмотря на обеденное время, еще бродит небольшое стадо. Рядом с коровами держится плотной кучей отара. За лугом — вольготно, не напирая друг на дружку, расположились десяток-полтора типичных для сельской местности одноэтажных строений с двускатными крышами. А еще дальше, приближая горизонт до километровой отметки, острые вершины гор, снизу покрытые радостной зеленью и только в верхней трети — голые, бледно-серые. Мертвые.

— За деревнею луга, на лугах стоят стога, в небе радуга-дуга спину выгнула. Из-за сумрачных холмов стаю белых облаков в поле алая заря утром выгна-ла... — речитативом произнес Леонид. — Представляю, как здесь красиво, когда солнце встает.

— Присоединяюсь, — кивнул Виктор, но при этом почему-то посмотрел за спину, в сторону Гавани, словно рассчитывал увидеть розовеющий рассвет. — Ну что, перейдем Рубикон?

Несмотря на то что солнце было еще достаточно высоко, скалы уже отбрасывали густую тень, накрывающую большую часть долины и четким терминатором обрывающуюся шагах в тридцати. Словно последнее предупреждение, рубеж, за которым не будет пути назад.

— Мы же только посмотреть, — напомнила Оля и храбро зашагала вперед. Вошла в тень и... с громким визгом отпрыгнула назад. Прямо в руки топающего следом Леонида.

— Ты чего? — опешил тот.

— Оно... ледяное...

— Кто оно?

— Оно, — девушка ткнула рукой впереди себя в пустоту.

— Интересно, — Виктор осторожно приблизился к линии, отделяющей свет от тени, и та словно шагнула навстречу.

Оля только охнула.

Но ничего не случилось. Всего лишь зрительный обман. Солнце тоже не стоит на месте, вот и показалось...

— Реально прохладнее, — Лысюк не ощущал никакого неудобства. — Впрочем, а как иначе? В тени — не на солнцепеке. Разница температур существенная.

— Согласен, — поддержал товарища Леонид. — Помню, как-то градусник на подоконнике забыл. Так он в полдень за пятьдесят показывал, а на том, что в комнате на стенке висел, столбик и до двадцати шести не дополз.

Тень от скал, за время разговора накрывшая троицу, больше никаких неприятных сюрпризов не явила, и Оля успокоилась.

— Извините, мальчики, это от неожиданности. Показалось, будто меня с ног до головы ощупали... ледяными ладонями. Бр-р-р...

Через полсотни шагов бараки приблизились настолько, что можно было разглядеть буйную зелень на их крышах, а еще — нетипичную для жилых помещений длину.

Всклокоченный, широкоплечий мужик рядом с крайним зданием увлеченно выскребивал кожу, натянутую на раму из жердей. Абориген был обнажен по пояс, поджарист, мускулист и загорелый до черноты. Засученные до колен портки удерживала на теле толстая, как буксировочный канат, веревка. Мужик что-то негромко напевал в такт работе и ни на что не отвлекался.

За бараками проглядывал двухметровый частокол и выступающая над ним надвратная башенка.

— Похоже, это и есть та самая цитадель науки и знаний, — сделал вывод Виктор.

— Согласен, — поддержал приятеля Леонид. — Вряд ли ученая братия стала бы селиться в бараках, имея возможность выбора. Да и внешне индивидуум, что зрит на нас с ограды, впечатляет больше кожей. По меньшей мере, у него на голове шлем посверкивает. То бишь чел при исполнении.

— Эй, неофиты! — проорал тем временем дозорный хорошо поставленным командирским го-

лосом. Такой рык никакой лязг и грохот не заглушат. — Забирайте правее! Калитка там! Я сейчас спущусь!..

У караульного не только шлем блестел, но и каждая металлическая бляшка, нашитая на кожаную куртку. Прямо дембельская парадка.

— Доброго дня! — пока мужчины рассматривали классический доспех темных веков, словно в музее, Оля применила один из множества бабушкиных советов. В том смысле, что улыбайся, будь приветлива, и тебя тоже не укусят... сразу.

Мощный мужчина в обмундировании средневекового воина посмотрел на девушку, оценил ее более добротную в сравнении с лохмотьями парней одежду и поинтересовался:

— Здравствуй, красавица. Это ты так визжала?

— А что, вам было слышно? — не поверила Оля, оглядываясь. Расстояние до терминатора впечатляло.

— Отличный голосок. И боевой рог не нужен, — то ли пошутил, то ли высказал комплимент дозорный. — Итак, неофиты, обязан всех предупреждать, что независимо от того, с какой целью вы пожаловали в крепость Академии, вход платный.

— Мы еще не определились... — Оля на всякий случай попятилась. — Только посмотреть хотели. Нельзя?

— Независимо от того, с какой целью неофиты пожаловали в крепость Академии, вход платный, — поскучневшим голосом повторил воин.

— Даже одним глазком?

Дозорный, он же мытарь, весомо промолчал.

— Сколько? — в силу собственной профессии, товарно-денежные отношения Леониду были близки и понятны.

— Пятьдесят монет с человека, — слегка оживился воин.

— Ого! Кусаются цены. За такую сумму в Гавани неделю прожить можно.

— В стоимость входит ночлег и столование в гостинице тетушки Молли, — объяснил дозорный.

— Окстись, дружище! — присвистнул Виктор. — Какой ночлег? Сказано ж тебе: только посмотреть.

— Независимо от того, с какой целью... — как заезженная пластинка, на одной ноте завел привратник.

— Ладно, ладно... Не напрягай горло, служивый. Мы все поняли, — поднял руки Лысюк. — Спасибо. Обязательно воспользуемся вашим предложением, только зайдем в другой раз...

— Блин, не зря говорят, что из-за дурной головы ногам покоя нет, — Леонид демонстративно задрал ступню подошвой вверх. — Теперь понятно, почему сказочные герои семь пар железных башмаков сшивали.

— Потому что дорога длинная? — Оля вдруг застеснялась своих башмачков. И подумала, что при первой же возможности обязательно надо приобрести парням обувь.

— Потому что мозгов нет. Сказано: «Не влезай — убьет», значит, и не влезай... Советовали нам пивовары дранг нах остен, так нет — сюда приперлись. Самые умные, типа.

— Не ворчи, Лёня, — не согласился с другом Лысюк. — В нашей ситуации любая инфа полезна. И, поимев ее, можем с чистой совестью отправляться в противоположную сторону. Сколько там той дороги? По городским меркам до ближайшей станции метро и то дальше топать...

* * *

За восточной околицей дорога упиралась в гранитную глыбу размером с отдельно стоящий подъезд трехэтажного дома.

— О! — жизнерадостно воскликнул Леонид. — Похоже, тот самый камень, который «Налево пойдешь — голову потеряешь, направо — лошадь, а ежели сунешься напрямик — лоб расшибешь»! А мы кудыть двинем?

— Ясен пень, направо, — хмыкнул Виктор. — Коней у нас нет, соответственно и терять нечего.

— Железная логика. Вот тебе моя длань, води нас, Вергилий! Оленька, не отбивайся от коллектива, — несмотря на шутейный тон, Леонид смотрел на девушку серьезно. — Сказано не отходить от камня и держаться за руки, значит, так нужно. Вряд ли программой заложены бессмысленные советы по игровому миру. Машина какая бы умная ни была, на иррациональные действия не способна.

Далеко идти не понадобилось, только за угол завернуть. Десяток шагов, и мир вокруг разительно изменился.

— Какое небо голубое... — насмешливо пропел Виктор, глядя на низкие, словно собирающиеся рухнуть свинцовые тучи.

— Небеса еще те, — согласился Леонид. — А как тебе морская синева? Стекло, а не водичка.

Оля стояла дальше всех, но и ей было видно, что открывающийся взгляду пейзаж не имеет ничего общего с тем местом, где расположена Гавань. Там город плавно сбегал к просторному песчаному пляжу, а здесь...

— Вы о чем говорите? — возмутилась она неуместной дурашливостью спутников. — Какое небо? Какая

синевы? Ничего, что вокруг горы, а мы сами стоим прямо над обрывом? -

— Тихо, тихо! — Леонид заметил, что девушка собирается шагнуть к ним, и спешно дернулся назад, потащив за собою Виктора. — Стой, где стоишь! И не вздумай камень отпустить! Замри, тебе говорю!

— Да что такое? — возмутилась та. — Я же...

— Оля, ты и в самом деле блондинка или крашеная? — с армейской прямоотой высказался Лысюк. — Этот утес обозначает место перехода на новую локацию. Причем вполне возможно, одностороннего типа. Отойдем хоть на один лишний сантиметр — окажемся в другом месте! Оно тебе надо? Начинать приключения совершенно ничего не разузнав о том, что нас ждет, и не имея даже предметов первой необходимости...

— Думаешь, программа разрешила бы разведку и тем более сама ее предложила, если бы пройти этот уровень можно было как по городскому парку прогуляться? — поддержал Бурый.

— А на цвет неба и воды мы с Лёней не зря внимание обратили. Не бывают они такими на югах. Присоединив к этому снежные шапки вершин и обилие сосен, карабкающихся по склонам гор, я склонен предположить, что мы где-то на севере. И скорее всего, видим фьорд. А теперь, внимание, вопрос! Ничего в голову не приходит при слове Скандинавия? С учетом военной специфики исследований.

— Викинги?! — Бурый странно пригнулся, словно у него на загривке вздыбилась шерсть.

— Они самые. Непобедимые морские разбойники! Беспощадные головорезы, державшие в страхе всю Европу, начиная с десятого века и по тринадцатый включительно. А если верить некоторым утверж-

дениям, то именно от них пошли и варяги. Родичи князей — основателей всея Руси. В том числе Белая и Малая.

— И где они? — Оля завертела головой и даже привстала на цыпочки. При этом, естественно, подалась вперед и убрала руку со скалы.

— Э нет, так не пойдет... — Леонид сам прижал ладонь к шероховатой теплой поверхности. — Я не против авантур, но хорошо подготовленных. А тем, у кого ветер свищет, напоминаю: больно будет по-настоящему! — и для наглядности легонько ущипнул девушку за упругую попку.

— Ой! — Оля возмущенно уставилась на Бурого. — Мужчина, что вы себе позволяете!

— Убедилась? — хмыкнул Леонид. — Это хорошо... Вик, я бы настоятельно рекомендовал продолжить обсуждение пейзажа с противоположной стороны утеса.

— Согласен, — кивнул Лысюк. — Потопали обратно.

Если у Оли и было иное мнение, высказывать его она не стала и правильно сделала, переход управлял не только пространством, но и временем. В неизвестном мире они пробыли от силы несколько минут, а когда снова увидели Гавань — здесь уже вечерело.

— Занятная штука, — хмыкнул Леонид, поглаживая скалу. — Жаль, с собою взять нельзя. Прикинь, туда-сюда сходил — рабочий день и закончился. Это тебе не «Масло съел — день прошел». Тут все взрослому...

* * *

В Гавани что-то праздновали.

Визуально с наступлением первых сумерек количество празднующегося люда как минимум

удвоилось. Неторопливая и закономерная суতোлка рабочего дня сменилась хаотично-бессмысленной суетой карнавального вечера. А костюмам, прическам, маскам и свободе нравов тутошнего торжества мог позавидовать самый роскошный карнавал Венеции или Бразилии.

Вот мимо прошла сложнейшая конструкция, изображающая пятиметрового гиганта. Если судить по грохоту шагов, весящая столько, что в ней ни один силач не смог бы передвигаться самостоятельно. И тут же, рядом — восхитительная, изящная работа самого Творца, красоту которой только подчеркивал стильню. С так тщательно прорисованными узорами, словно девушка обменялась кожей с удавом. Для полноты картины не хватало русалок, сидящих на спинах у кентавров.

Все это людское море кипело и бурлило в потоках разнообразных песен, барабанных ритмов и более нежных мелодий, освещаемое набирающим силу лунным светом, газовыми фонарями, факелами и периодически расцветивающими темнеющие небеса вспышками китайских салютов.

— Спасибо, — Виктор поблагодарил незнакомую красавицу, мимолетно одарившую его пахнущим мятой поцелуем и набросившую на шею цветочную гирлянду. Но ее уже оттеснили в сторону.

— Пользуешься успехом, — подколот друга Леонид и едва успел вернуть на место взвизгнувшую Олю, которую какие-то парни в балахонах инквизиторов или последователей ККК приноровились утащить с собой. — А ну, брысь! Это наша девушка.

Но поскольку те не отставали, а, хоть и вполне деликатно, продолжали попытки теснее познакомиться, сам подхватил Олю под коленки и взял на руки.

— Сорри, ма шер, но так надежнее. Иначе рискуем потеряться. Нравы тут, как я погляжу, те еще. Веселые, игривые...

Девушка оказалась не тяжелее кип документов, которые иной раз приходилось перетаскивать из кабинета в кабинет и не только на одном этаже. А на ощупь приятнее. Теплая, упругая и пахла не канцелярской пылью, а какой-то цветочной смесью, вызывающей в воображении благоухающий весенний сад.

Сама Оля если и была озадачена насильственным перемещением на «бельэтаж», то виду не подала. Наоборот, прижалась плотнее и руку за шею забросила. Чтоб удобнее.

— Командор, — окликнул Лысюка Бурый, — тебе выпадает дорогу мостить.

— А куда рулим?

— А какие варианты? Мы все равно кроме «Веселого поросенка» ничего тут не знаем. Да и пивовары обещали дождаться. В том смысле, что могли местечко за столиком придержать. А то в этом вселенском бедламе можно запросто без ужина остаться.

— Окейно.

Виктор не стал изображать из себя ледокол, тем более что некоторые «льдины» из аборигенов были вполне способны потопить судно любого водоизмещения. Хоть Knock Nevis. Он всего лишь отыскивал более-менее перспективный просвет, быстро ввинчивался в него и не позволял толпе сомкнуться раньше, чем сквозь брешь пройдет Леонид. Потом все повторялось.

А праздник с каждой минутой только набирал обороты. Словно неподалеку сгорело конопляное поле и дым отнесло на Гавань.

Пока добирались до харчевни, Лысюка пару раз попытались вовлечь в хоровод какие-то полуобнажен-

ные «дриады». Но Виктор, хоть и перемазался помадой, успешно отразил атаки шалунный. А Бурый — еще раз отстоял свое право на ношение девушки. Теперь уже с активной помощью Оли, лично отпихнувшей ножкой чересчур настойчивого претендента на ее внимание.

Прогноз насчет многолюдности подтвердился на все сто. В «Веселом поросенке» желудю упасть было негде. В самом прямом смысле.

Но расстроиться не успели. Из-за столика по левой стороне поднялся румянощекий Константин и заорал, перекрывая общий галдеж:

— Эй! Мельничуки! Мы здесь! Давайте к нам!

Аккуратно переступать через тела, продолжающие праздновать не только в партере, но и в совершенно горизонтальной плоскости, оказалось даже труднее, чем протиснуться сквозь карнавальную толпу.

Особенно изумила Леонида Грэтхен. Официантку аншлаг несколько не беспокоил. Как и в обед, она непринужденно носилась от стола к столу, подавая напитки и закуски клиентам. Причем не только сидящим на стульях.

Девушка мимолетно показала то ли Леониду, то ли Оле большой палец, улыбнулась и снова унеслась на кухню.

— Рады вас видеть, — Михаил, как настоящий фокусник, выдвинул из-под стола стопку табуретов. — Присаживайтесь. Как прогулка? Дорога открылась? Сумели понять, куда?

— Да, — нейтрально ответил Виктор. — Сейчас расскажем. Но сперва вы. Объясните, что здесь творится? Пир во время чумы?

— Тьфу! Тьфу! Тьфу! — Константин не просто произнес заклинание, а и исполнил его по всем хри-

стианским канонам. Через левое плечо. — Не надо так шутить.

— Извини... Не подумал.

Лысюк и сам уже сообразил, что хуже ситуацию придумать трудно. Случись здесь эпидемия — бежать некуда. И до следующего открытия путей в Гавани одни крысы останутся.

— Забыли... — махнул рукой старший брат. — А мы вам специально стулья припрятали. Чтобы не ужинать стоя. Эй, парень! — подмигнул Леониду. — Секстренку уже можно отпускать.

— Сами разберемся, — вместо него ответила Оля и чмокнула в щеку Бурого. — Спасибо... братец.

— Не за что, — пробормотал тот. Поставил девушку, сцапал со стола чью-то кружку и жадно отпил.

— Ужин? Напитки? — возникла рядом вездесущая официантка.

— Тащи все, — ответил Константин. — Не ошибешься. Аппетит наши друзья нагуляли. Тем более праздничные скидки.

— Что же все-таки нынче отмечают?

— День Благодарения, — ответил Михаил.

— Кого и за что? — уточнил Виктор.

— Творца Всего... «И увидел он, что это хорошо...» — процитировал Михаил Ветхий Завет. — А если хорошо, то почему не отметить?

— Именно сегодня?

— А чем сегодняшней день хуже вчерашнего или завтрашнего?

— Я поняла, — улыбнулась Оля. — У вас тут каждый вечер такое веселье, да? Вот и придумали постоянный праздник.

— Ну, веселье одинаковым не бывает, а повод — тут ты, красавица, права, неизменный. Господь же

точной даты не назвал, так что любой день годится. Кстати, вас тут спрашивали.

— Кто?

— Ястреб! Ну, помните?.. Тот мужчина, что вступился на рынке, — скороговоркой объяснил Константин.

Виктор кивнул.

— Хочу предупредить: будьте с ним осторожны. Поговаривают, именно Ястребу морские братья вручили золотую шпагу Первого капитана.

— Правда?

— Точно никто не знает, но что он из Ловцов удачи — можете не сомневаться.

— И чего такой уважаемый джентльмен хотел от пары оборванцев?

— Не знаю, — пожал плечами пивовар.

— Для начала спросить: как день прошел? — громкий и чуть хриплый голос прозвучал рядом. Слева. — А вообще разговор имеется. Обоюдovýгодный. Если я в вас не ошибся, други мои.

Гавайку, шорты и саблю Ястреб себе оставил, и только мощную шею мужчины украшала гроздь баранок, сменившая гирлянду.

Он оглянулся и без особых усилий выдернул изпод кого-то у себя за спиной стул. Раздался грохот падения тела, возмущенный вопль, но продолжения не последовало. Виктор мизансцену оценил и взял на заметку.

Михаил и Константин торопливо подвинулись.

— Здравствуйте, — вежливость Оли ничто не могло смутить.

— Благодарю.

Ястреб уселся с краю, но смотрелся при этом как руководитель на утренней летучке. В том смыс-

ле, что из присутствующих комфортно чувствовал себя он один. Остальные — хоть немного, но напряглись.

— Приятного аппетита.

Из подноса вездесущей Грэтхен на стол переместилось пять деревянных тарелок, и разговор повис в самом начале. Огромные куски отлично прожаренного мяса источали такой аромат, что ни о чем другом даже думать не хотелось.

— Тебе тоже принести? — официантка взглянула на Ястреба без особой симпатии, но вежливо.

— Нет, я ужинать не буду. Только воды.

— Чего? — Грэтхен замерла вполоборота.

— Стакан чистой воды.

— Вода в заливе, — фыркнула та с возмущением и умчалась.

— Уважаемый, — Леонид наколот кусок мяса на прилегающую к блюду деревянную шпажку. — Вы не будете возражать, если мы совместим разговор и трапезу? Очень уж есть хочется.

— Вполне, — благосклонно отнесся к этому естественному желанию Ястреб. — Не стесняйтесь. У нас тут не королевский дворец. Моряки говорят: когда видишь питье, еду, деньги или женщину — не теряй время.

И, демонстрируя свободу нравов, раздавил в кулаке одну из сушек, а обломки сунул в рот.

* * *

— Как я понимаю, вы уже ходили к Перепутью? И что оно вам открыло? Проход в какой из миров будет доступен? — задавая вопрос, Ястреб дольше всего смотрел на Леонида. Но тот жевал с таким упоением, что даже глаза прикрыл от удовольствия,

и прекращать это приятное времяпрепровождение не собирался.

— Таблички с надписью мы не видели, — поскольку никто из товарищей не изъявлял желания поддерживать разговор, отвечать стал Виктор. Было в госте нечто, не позволившее проигнорировать вопрос. — А по собственным соображениям, с большой долей вероятности — побережье северного моря...

— Что? Фьорд? — подался вперед Ястреб.

— Вроде того.

— Это же великолепно! — искренне обрадовался Ястреб. — Я даже рассчитывать не мог на такую удачу. Вот порадовали.

— В каком смысле? — управившийся со своей порцией, Леонид решил подменить друга.

— Сейчас объясню, — Капитан пиратов посмотрел по сторонам, словно проверял, не подслушивает ли кто. — Только подтвердите еще раз. Перепутье в самом деле показало берег Скандинавии?

— А одного раза не достаточно? — поморщился Леонид. — Тем более что мы ничего не утверждаем. Похоже, но не более. Сравнить не с чем. Никто из нас в тех краях раньше не бывал.

— Да-да, конечно... — Ястреб не глядя поймал летящую в него кружку. Скорее всего — случайную. Заглянул внутрь, вздохнул и отправил обратно в зал. Кто-то охнул, но все утонуло в общем гомоне.

— Угощайтесь, — пододвинул ему свое пиво Михаил.

— Благодарствую, — Ястреб жадно отпил, хотя всего лишь минуту назад отказывался от предложения Грэтхен. — Наверное, вы уже догадались, что я в Гавани не последний человек?

— Заметили, — согласилась Оля. — Начальнику стражи вашего заступничества хватило... почти.

Теперь Ястреб посмотрел на девушку внимательно. Губы его изображали усмешку, но глаза обжигали льдом.

— Умеете видеть, юная госпожа, — наконец-то прервал он затянувшуюся паузу, оживляя застывшую улыбку. — Разумеется, я не из числа членов городского магистрата, но...

— Они с вами считаются, — понятливо качнула кудряшками Оля, добавляя очередной штрих к устоявшемуся мнению об умственных способностях блондинок. — И пожалеют, если осмелятся отказать вам в просьбе,

Ястреб даже выражения лица не сменил.

— Как можно-с! Такие здесь долго не живут. Просто у меня чуть больше опыта, чуть больше везения, — он посмотрел на опустевшие тарелки. — Ну что ж, полагаю, пора перейти к делу?

— Мы... это... коней привязать сходим, — начал подниматься Михаил, толкая в бок брата.

— Оставайтесь, — разрешил Ястреб. — Никаких смертельных тайн и коварства. Обычное деловое предложение. Не слишком сложный способ немного заработать.

— Прошу прощения, — Леонид вытер рот тыльной стороной ладони. — Но когда мне предлагают легкий заработок, я обычно задаю встречный вопрос. А самому поклониться, что — вера не позволяет?

— С трона слезать лень, — хохотнул Ястреб и многозначительно подмигнул. — На самом деле все несколько иначе. Пример с наймом стекольщика для замены разбитого окна вместо того, чтобы возиться самому, не противоречит здравому смыслу?

— Неужто мы здесь самые квалифицированные... стекольщики? — проявил заинтересованность и Виктор.

Тут Ястреб фыркнул и рассмеялся.

— Насмешили. Да не ищите вы подвоха, — он поднял руку, останавливая порывающегося что-то сказать Леонида. — Если придерживаться прежнего сравнения, то необходимо не только мастерство, но и инструмент. А главное — стекло! Верно?

Виктор и Леонид кивнули. Оля, задумавшись о чем-то, удержалась от высказывания.

— Вот. А из всего здешнего народа только вы сейчас можете покинуть Гавань. Я имею в виду — попасть в нужный мне мир. И вот за эту счастливую случайность, не имеющую отношения к вашим личным или профессиональным качествам, я готов заплатить... — Пиратский капитан выложил на стол небольшой столбик монет. Штук семь или восемь. Все достоинством в полтинник.

— Излагайте, — Виктор по достоинству оценил предложенную сумму.

— Итак, путь вам стелется в земли викингов. Не знаю, куда именно, но пока все ходоки попадали не слишком далеко от деревни Гюрдира Безбородого. А у ярла в плену находится мой друг. Так вот, я хочу, чтобы вы освободили его. Устроили побег или выкупили... На это я дам денег и драгоценностей отдельно. В крайнем случае, если договориться с ярлом не удастся, хотя бы передадите весточку. Чтобы не унывал и знал: братья о нем не забыли, — Ястреб чуть-чуть пододвинул стопку монет ближе к середине стола. — Ну, как? Интересное предложение?

— Мне нет, — пожал плечами Леонид. Оглянувшись, увидел Грэтхен и помахал рукой, привлекая ее внимание.

— Мы еще не закончили! — лицо пирата окаменело.

— Да ради бога, — Бурый помотал головой. — У вас остались Виктор и Оля. Убеждайте. А я соглашусь с их решением, — и полностью переключился на официантку. — Солнышко, я бы еще один такой же кусок мяса приговорил. Организуешь?

— На всех?

— Тащи. Что не съедим, то понадкусываем... И пива не забудь!

Ястреб мрачнел буквально на глазах.

— Не понимаю... Я же хорошие деньги плачу. Или вы рассчитываете, что в другом мире вам на голову сразу мешок золота свалится?

— Это было бы неприятно, — не согласился Виктор. — Бедолаге не поздоровилось бы.

— Тогда что не так? Здесь хватит и на наставников, и на проводника. Еще и на одежду поприличнее останется. Мало? Черт с вами, добавлю...

— Проводника? — заинтересовался Виктор. — Ты же говорил, что проход закрыт для всех, кроме тех, кто прибыл в Гавань впервые.

— На то они и проводники, — Ястреб словно за поддержкой оглянулся на пивоваров.

— Да, — кивнул Михаил. — Перепутье проводников пропустит. Когда они сопровождают новичков. А если сами, то — как все.

Леонид высматривал Грэтхен. Оля с Виктором задумчиво молчали.

— Жаль. Похоже, не договоримся, — Ястреб неловко потянул монеты к себе, и те рассыпались по столу блестящим веером. Видимо, капитан не привык, чтоб ему отказывали, и еще не решил, что делать дальше.

— Подожди, — Лысюк накрыл деньги ладонью. — Давай пройдемся, подышим... В отличие от моего друга, я вижу точки соприкосновения. Но и вопросы тоже остались.

Скриншот...

Леонид

— Глядите на подъезд, напротив которого стоит «лендровер», — Леонид протянул руку над плечом Лысюка и ткнул пальцем в лобовое стекло. — Сейчас выйдут.

Сидящие на передних сиденьях товарищи подались вперед и напряглись.

Свою «Ауди» Женька припарковал так, чтобы не бросалась в глаза и, даже случайно, не попала в сектор обзора видеокамер. Поэтому картинка происходящего была как с галерки. Бинокль точно не помешал бы. Пусть даже не полевой, а театральный. Но на ознакомительном этапе подготовки операции подробности не особенно важны.

— Фига себе, — изрек Виктор, после того как пара типов, изображающих инкассаторов, вальяжно погрузилась в джип и укатила. — А разве такое бывает?

— Ты о чем? — Женька посмотрел на товарища.

— Ерунда какая-то. Кто им ставил безопасность? — Лысюк продолжал ворчать. — Сидите здесь. Я должен пройтись. Вон там... — мотнул неопределенно головой, — отличное место для снайпера.

— Какого снайпера, дружище? — расхохотался Женька. — Очнись. Тут не война...

Но Виктор уже вылез из машины и расслабленной походкой праздношатающегося бездельника пофлакировал в сторону дома напротив.

Минут через десять Витька вернулся и плюхнулся на сиденье.

— Прикиньте, никого. По всему периметру. Очуметь... Банкиры совсем страх потеряли.

— Во-первых, теперь не девьяностые, — резонно заметил Леонид. — А во-вторых, позволь спросить, где ты увидел вывеску со звонким словом «Банк»?

— А что же это за место, из которого, по твоим словам, ежедневно миллионы нала выносят?

— «Прачечная».

Леонид Бурый шестой год трудился в налоговой инспекции и знал очень многое не только о легальном бизнесе города, но и о его теневой стороне — самой активной и необлагаемой.

— Чего?

— Да, брат, — хохотнул Женька. — Совсем ты в своей армии одичал. Отмывочная контора. Ушлые дяди, за мзду малую, пользуясь депутатской неприкосновенностью и ментовской крышей, обналичивают незаконные денежки, — потом неожиданно зло прибавил: — Ну, ты и скотина, Ленчик...

— Не понял?

— Чего раньше молчал? Давно б уже подняться могли.

— Нет, Женька, не смогли бы.

— Я, типа, трус?! — вскипел Карплюк.

— Я этого не говорил, — Бурый примирительно положил руки на плечи товарища. — Парень ты рискованный, и если б можно было стырить и уехать — лучше тебя не найти... Но гонять тачки на грани фола и убивать людей — это разный адреналин.

— А Виктор, значит, сможет?

— Да.

— Нет!

«Да» сказал Леонид, «нет» — Лысюк. Теперь товарищи смотрели на него.

— Чего вылупились? Забыли, что ли, почему я из армии уволился?

Леонид задумчиво кивнул, а Женька чуть не подскочил от возмущения.

— Вик, ты что, дурак?! При чем тут какое-то слово? Даже если ты его родной матери давал. Мы же как раз для тети Поли и стараемся! Или ты думаешь, что эти упыри кейсы с деньгами просто так отдадут?.. В виде гуманитарной помощи?! Ага, сейчас. Оттопырь карман пошире.

— Я обещал, — спокойно повторил Виктор. — И это не обсуждается.

— Насколько я понимаю, имеется предложение? — Леонид всегда отличался рассудительностью и умением не спешить с выводами.

— Нужен пневматический пистолет, стреляющий снотворным. Возможно достать?

— По нынешним временам? Да хоть «Искандера», — тут же уgomонился Женька. — Только это серьезный след. Обычных пестиков как орехов в лесу, фиг вычислишь, откуда приплыл. А специальные примочки — товар штучный. Может, все-таки без фанатизма? Двумя братками больше, двумя меньше...

Виктор даже не ответил.

— Вот блин, — выругался Карплюк. — Каким был упертым в детстве, таким и остался. Ни фига тебя армия не исправила. Ладно. Достану. В соседнюю область мотнусь. Есть у меня там концы. Только мне на туды-суды дня три потребуется.

— Заметано, — кивнул Виктор. — Можешь не торопиться. При любом раскладе мне все надо еще раз перепроверить. И пути отхода подготовить. Не

люблю, когда все слишком просто. На подставу смахивает...

— Если б ты знал, кто их крышует, — хмыкнул Бурый, — удивлялся бы гораздо меньше. Зато начал бы бояться.

* * *

Выражаясь научным языком, Леонид Андреевич Бурый стоял на стреме. Без пяти минут кандидат экономических наук делал это не первый раз в жизни, но если в юности Леня с приятелями обносил чужой сад или, по приколу, тырил бокалы из пивной, то теперь на кону стояли миллионы. Настоящих европейских дензнаков. Соответственно ничего странного не было в том, что Бурый волновался. Как бы принимая на себя еще эту часть нагрузки с непосредственного исполнителя и передавая товарищу взамен толику хладнокровия и уверенности.

Леонид обвел взглядом полупустынную улицу, увидел приближающегося Виктора и напрягся еще больше. Кстати, совершенно напрасно.

Молодой парень в кремовом костюме и такого же светлого оттенка шляпе, тащивший огромную охапку всевозможных цветов, вызывал у встречных мужчин снисходительную или сочувственную ухмылку.

Понятное дело, одно из двух: либо бедняга залетел по-крупному и теперь пытается загладить вину нехитрым и относительно дешевым способом, либо — влюблен по уши и потерял чувство меры вместе с головой.

Те из представителей сильного пола, кто хоть раз побывал в первой ситуации, умудренно кивали и грустнели от неприятных воспоминаний. Вторые — помоложе и еще не испытавшие ни радости счастья,

ни горечи измены — гордо расправляли плечи, уверенные, что орлы в неволе не размножаются.

Стайка девушек, выбежавших из сквера напротив, проводила элегантного молодого мужчину, словно сошедшего с глянцевой обложки журнала о светской жизни, мечтательно-завистливыми взглядами и вздохами. Что тоже было вполне объяснимо. Какая красавица и даже умница не мечтает, чтобы к ее ногам бросили ковер из цветов? Особенно, если ими устилают дорогу к свадебному лимузину, а еще лучше — трапу самолета.

И только женщины, чинно беседующие у перехода, распознавали правду. Поскольку были наблюдательнее мужчин, а в отличие от девушек умели не отвлекаться на пышность картины и не упускали важные мелочи... Вроде продолговатой коробки, перевязанной розовой лентой, которую импозантный красавец каким-то образом ухитрился нести вместе с букетом, прижимая к груди локтем левой руки и бережно поддерживая правой. В таких коробках, как правило, продавались большие и дорогие куклы.

Так что, по вескому мнению дам, улицей шел новоиспеченный молодой папаша!.. Узнавший сногшибательную новость буквально только что и еще не успевший насладиться вкусом известия. Чем и объяснялось обалделое выражение его лица, граничащее между тихим счастьем душевнобольного и ступором человека, сорвавшего годовой джек-пот в «Спортлото».

Одним словом, Виктор мог казаться смешным, забавным, достойным сочувствия сумасшедшим — в общем, кем угодно, только не вызывающим опасность.

Не возникло это ощущение и у пары инкассаторов, вышедших из двери неприметного здания без вывески и прочих атрибутов, обязательных для солидного офиса или конторы, претендующей на известность и презентабельность.

Первый из них — огромный, как борец сумо, закрывая спиною напарника, небрежно мазнул взглядом по улице, при этом ни на секунду дольше, чем на остальных объектах, не задержав его на мужчине с цветами.

— Чисто... — почти механически бросил в микрофон группе прикрытия в здании и второму инкассатору.

Охранники синхронно двинулись вперед, к открытой дверце огромного черного внедорожника, припаркованного задом к подъезду в десяти шагах от входа.

Этот дом строился еще при Сталине, и подъехать ближе не получалось из-за просторной клумбы, огражденной палисадником. Будь бизнес владельцев офиса хоть чуть-чуть легальным, они давно перепланировали бы все под бетон и асфальт, согласуясь со своим вкусом и требованиями безопасности, но в данном случае — самым надежным гарантом тишины и порядка казалась полная анонимность. Во всяком случае, за последние два года не произошло ничего такого, что заставило бы хозяев «прачечной» изменить устоявшееся мнение.

Здоровяк занял позицию со стороны водителя, давая время сесть в джип напарнику, несшему два обычных с виду кожаных «дипломата», и только после этого с трудом поместил за руль себя. Но дверцу закрыть не успел. Удивленно хмыкнул, глядя на букет невероятных размеров и... не издав ни звука, тихонько откинулся на спинку сиденья.

Второй инкассатор тоже успел рассмотреть цветы. Потом дернулся от чего-то, болезненно ужалившего в шею, и отключился. А улыбчивый прохожий, не делая ни одного лишнего движения, сменил кукольную коробку на ближайший «дипломат» и пошел дальше, почти незаметно ускоряя шаг.

Все ограбление заняло не больше пяти секунд. И если б инкассаторской машине после погрузки не полагалось немедленно отъехать, никто ничего не заподозрил бы, даже при самом пристальном наблюдении.

Но тут от Виктора Лысюка уже ничего не зависело. Впрочем, ни на моторике движений, ни на выражении лица молодого мужчины это знание никоим образом не отобразилось. И каждый, кто видел его минутой раньше, не заметил бы не то что десять — а даже одного отличия. Конечно, кроме женщин... Уж этих наверняка заинтересовало бы — куда подевалась коробка с куклой?

Завернув за угол, Лысюк взглянул на часы. Очень неловко, уронив на тротуар часть цветов... Но собирать их не стал, что тоже должно было подтвердить крайнюю степень взволнованности и озабоченности. Оглянулся.

Леонид Бурый, отвечающий за контроль ситуации, дал товарищу подтверждающий сигнал, что все в порядке, все идет по плану.

Лысюк тут же воскликнул что-то типа: «Ё-мое! Я же совершенно опаздываю!» — и уже открыто ускори́л шаг, при этом озабоченно вертя головою, словно что-то или кого-то искал. Например — такси.

На самом деле Виктору нужна была только неприметная белая «Ауди», коих тысячи в городе и которая ждала его на условленном месте, буквально в пятидесяти шагах дальше по улице.

Третий соучастник ограбления — Евгений Карплюк — с самым беззаботным видом курил, опираясь на крышу немецкой легковушки. На этой мизансцене Виктор особенно настаивал. На случай провала. Чтоб у товарища был хоть какой-то шанс соскочить.

— Эй! Друг! До аэропорта не подбросишь?! Вопрос жизни! — заорал Лысюк, бросаясь к машине. — Плачу два счетчика!

— А ты ничего не попутал... друг? — с ленцой отозвался водитель. — Ты где-то видишь на моей ласточке нарисованные шашечки?

— Братуха, помоги. Век помнить буду!

— Встречаешь или провожаешь? — якобы сменил гнев на милость Карплюк.

— Теща прилетает!..

— Сурово, соболезную... — Водитель открыл заднюю дверцу. — Кидай сюда свою оранжерею. А то весь обзор перекроешь.

Виктор аккуратно положил на сиденье цветы, прикрыв ими дипломат.

— Вот спасибо... — он полез было в машину, но водитель придержал его за плечо:

— Спереди садись. Будешь анекдоты травить, чтоб я по дороге не заснул. Всю ночь бомбил. Как раз в койку собирался...

Виктор не стал спорить, тем более что товарищ уже садился за руль. Он быстро обошел машину сзади, взялся за ручку передней дверки... и едва не остался без пальцев, когда «Ауди» стремительно сорвалась с места.

Давний и верный друг уезжал, бросив его посреди улицы. Без денег и с вполне вероятной погоней за спиной.

Глава четвертая

И НОЧКА ТЕМНАЯ БЫЛА

Виктор вернулся за столик в тот момент, когда Леонид, довольно урча, словно огромный кот, одержал окончательную викторию над мясом и неодобрительно поглядывал, как Оля вяло колупается ножом в своей тарелке. Братьев-пивоваров с ними не было.

— Договорился, — объявил товарищам Лысюк. — Миха с Костяном куда свалили?

— Место под пиво освободить. Сейчас вернутся. А Ястреб где? — в свою очередь поинтересовался Леонид.

— Ушел. Дела, типа...

— И не вернется?

— А зачем? Мы все обсудили. И полный расчет произвели.

— Тогда я его порцию съем, — Леонид потянулся к лишней тарелке.

— Ну, ты силен жрать, — хмыкнул Виктор. — Впрочем, почему бы себя не побаловать, если ожирение при этом не грозит. Кстати, Оля, возьми на заметку. В реале, небось, не позволяешь себе даже лишнего пирожного. А здесь — можно есть сколько влезет, и без последствий для талии.

— Спасибо за тонкий намек, — девушка то ли презрительно, то ли возмущенно фыркнула. — Осталось пошутить по поводу безопасности виртуального секса, и все встанет на свои места.

— Ты чего? — даже растерялся Лысюк.

— Ничего... — девушка заметно покраснела.

— А зря? — утолившего голод Бурого потянуло на фривольную тему. С незатейливой прямоотой мужско-

го воображения. — Еще неизвестно, что там... за пере-
валом. А если доисторические времена, и мы — трое
последних представителей рода человеческого! Мне
такой расклад уже нравится.

— Фиговый, — не согласился Виктор. — Послед-
них представителей, или — первых, как предлагает Би-
блия, должно быть двое. Иначе очень скоро начнутся
терки, и род людской прервется, так и не начавшись.

— С какой стати? — не врубился Бурый. — Что
нам делить, если весь мир наш? — потом посмотрел
на девушку и усмехнулся: — Дошло... Глупо. Мы же
разумные существа, а не звери дикие. Можно график
составить. Или жребий тянуть.

— А мое мнение никого не интересует? — возму-
тилась Оля.

— Еще как интересует, малая... — поддавшись ве-
селью, Лёня попытался обнять девушку, но та отстра-
нилась. — Видишь, ты не хочешь, и я не настаиваю.
А жаль! Вот, помню... — тут он вовремя сообразил,
что некоторыми воспоминаниями с девушками лучше
не делиться.

— Да ну вас, — надула губки девушка. — С чего
бы ни начали разговор, заканчиваете одним и тем же.

— Интересная трактовка, — продолжил балагурить
Леонид. — Думаю, малая, если бы Ева придержива-
лась таких же взглядов, Земля донине принадлежала
бы динозаврам.

— Очень смешно, дедуля.

— Тсс, потом доспорим, — Виктор прекратил пре-
ния. — Пивовары возвращаются. Не будем шокиро-
вать вольнодумством их нежные души.

— Уф! Хорошо... — Старший брат тяжело упал на
жалобно скрипнувший табурет. — Можно и повто-
рить. Вам заказать?

— Нет, спасибо, — отказался Виктор. — Начинать новое дело с пьянки не лучший способ достичь успеха.

— Хорошо сказано, — уважительно заметил Михаил. — Отец, небось, научил?

— Отец, — не покривил душой Лысюк. — Еще одним советом не поможете?

Пивовары синхронно кивнули.

— Деньги мы у Ястреба взяли. А судя по вашим словам, он не из тех, чьи заказы можно не выполнять.

— Даже в мыслях не держите! — взволнованно подпрыгнул Константин. — Те, на кого Братство обиделось, нигде в безопасности не будут. И в аду найдут, если придется.

— Ну, я так примерно и думал. Поэтому и прошу у вас совета. Что нам дальше делать?

— В Академию идите, — пивовары ответили таким слаженным дуэтом, словно специально репетировали. — Там знания, оружие, амулеты... Проводники. Все, что только можно купить за деньги, собираясь в путешествие. Ну, а если в чем сомнения возникнут — знаете, где нас найти.

— Да, чуть не забыл... Подойдете к крепости, возьмитесь за руки. Как у Перепутья.

— Зачем?

— Секрет, — Михаил улыбнулся. — Останетесь довольны. И если еще заглянете в Гавань, то угостите нас пивом.

— Да мы и так... — начал было Леонид.

— Спорить не будем, — подмигнул Константин. — Если не все потратите — с вас полноценный обед. А теперь лучше поторопитесь. Ворота закрывают в полночь.

* * *

В крепости, похоже, укладывались спать вместе с петухами и прочими пеструшками. Гавань шумела и бурлила в праздничном котле, а на западной окoliце такая стояла тишина, словно за ее пределами отключили звук. Леониду на мгновение даже показалось, что он оглох. И судя по тому, как затряс головою Виктор, не только ему одному.

— Блин, предупреждать надо, — ругнулся Лысюк.

— Подумал, что глаза лопнули? — хохотнул Бурый.

— Глаза? Почему глаза? — не поняла Оля.

— Анекдот... старый, — ушел от ответа Виктор. — Но тишина и в самом деле поразительная. По идее, на одной локации звуковой фон должен быть общий.

— Нашел, чем грузиться, — легкомысленно отмахнулся Леонид. — Как по мне, так и хорошо. А то уже голова разболелась.

— Это не от него, — ввернула Оля. — Не надо было так на пиво налегать.

— Извини, мамочка, больше не буду. Если только на улице ночевать не придется. Тогда лучше обратно за стол...

Ворота, как и следовало ожидать, оказались закрытыми, и никто не торопился встречать гостей.

— Угу, — пробормотал Леонид, — картина Репина «Приходите завтра».

— Какое нафиг «завтра»? — возмутился Лысюк, развернулся и старательно заколотил пяткой в ворота. — Эй! Есть кто живой?! Отворяй!

— Чего ломитесь? — недовольно проворчали сверху. — Не видите, ночь на дворе! Нормальные люди давно спят.

— Так то нормальные, — ответил Виктор.

Наверху довольно заржали.

— Насмешил. Погоди, сейчас спущусь...

Тот стражник, что встречал их в обед, если и смеялся, то передал пост своему брату-близнецу. Такой же крепкий, кряжистый. И доспех как у одного бронника «шитый». В одной руке факел, другая лежит на оголовье меча. Может, придерживает, чтоб не мешал при ходьбе, а может, и для другой надобности. Судя по некоторым индивидуумам, замеченным в Гавани, соседи у академиков вполне способны доставить беспокойство.

— Ну, и чего надо, неофиты?

— Угадай, — продолжил в прежнем духе Лысюк.

— Забавный малый, — то ли с одобрением, то ли с осуждением проворчал стражник. — Шутник... Обязан предупредить, что не зависимо от того, с какой целью вы пожаловали в крепость Академии...

— ...вход платный, — закончил вместо него Леонид.

Стражник кивнул и протянул руку ладонью вверх.

— Сто пятьдесят монет.

Оля сняла с пояса кошель и принялась отсчитывать деньги.

— Сто пятьдесят, говоришь? — Леонид вспомнил совет Михаила. — А если так? — взял друзей за руки.

— Умный, значит, — поскущел стражник. — И какого рожна тогда в Академию приперся?

— Ты не ответил, — не отступил Бурый.

— Тогда сотня. Для группы вход дешевле. Зато ночлег сами будете оплачивать, — прибавил с ноткой злорадства в голосе, принимая от Оли существенно урезанную пошлину.

— Подожди, — Виктор повернулся к девушке. — Дай еще десятку, — а потом протянул красноватый

кругляш стражнику: — Дружище, сам понимаешь, мы здесь первый раз. Соответственно ничего не знаем. Не подскажешь, где тут у вас что? А то будем торкаться, как слепые кутята. Людей зря тревожить. Непорядок это, верно говорю?

— Верно... — Стражник сразу повеселел, принимая подношение. — Ночью положено соблюдать тишину. Поэтому сделаем так. Вы сейчас топаете в гостиницу тетушки Молли, а как проснетесь — возвращайтесь. Все расскажу. А если пару медяков добавите, то и покажу... С дозорной башни. Я здесь до обеда торчать буду, так что не проспите.

— А вдруг? — как всякий экономист, Леонид любил ясность и точность. — Кого тогда искать?

— Спрашивайте Третьяка. Это я.

* * *

Гостиница производила двойственное впечатление.

Добротная каменная постройка. Надежная, солидная. Такие возводили до революции, когда еще не было пятилетних планов, квартальной отчетности и месячников по улучшению жилищных условий. А с другой стороны, штукатурка, облупившаяся местами до «живого» камня; неокрашенные, потрескавшиеся рамы окон, потемневшие от влаги; крыша, поросшая мхом, как болотистая лужайка, — не просто говорили, кричали о казенности и бесхозяйственности. Люди в этом доме не жили. Им пользовались.

Внутри гостиница тоже не поражала роскошью. Вернее, тут даже слова такого не знали. Как и многих других из лексикона современного отельного бизнеса. Типа «сервис», «комфорт» или «клиент всегда прав».

— Ночлежка на втором этаже. Комната общая. На всех, — с ходу объявила встретившая их на пороге тусклая блондинка. Средних лет, зато выдающейся комплекции. Из той породы, что скромно позировали Рубенсу. — Если оплатите жратву, получите по одеялу. Отхожее место — во дворе. Вода — в колодце.

— Здравствуйте...

Женщина окатила девушку высокомерным взглядом и прокомментировала по-своему.

— Понятно, одеяла вам не нужны. Не замерзнете.

— А что у вас на ужин, тетушка Молли? — поторопился сменить тему Леонид, пока Оля не успела постичь ход мысли хозяйки гостиницы.

— То же, что и на завтрак, племянничек, — чуть-чуть добрее ответила та, поняв, что денежки не офитов все-таки не проплывут мимо. — Увидите. Все в кухне. Ну, и обслужите себя тоже сами. Не баре. Прислуги не держу. За все про все — шесть монет. Деньги сразу.

— Добро, — Виктор начал отсчитывать деньги. Потом передумал и протянул хозяйке десятку.

— Сдачи нет, — отрезала та, хмурясь.

— И не надо. Со знакомством!

Женщина повертела в руке кругляш. Пожала плечами и сунула монету в декольте. Хорошая кладовая. Вместительная. Туда легко поместился бы средних размеров каравай, не то что денежка. Потом тетушка Молли, наверное, чтобы не оставаться в долгу, показала рукой правее:

— Занимайте места с этой стороны, ночью не так сыро... Нары утром чтоб раздвинули, нечего народ смущать, — и величественно уплыла, покачивая мощным крупом.

— А зачем их вообще... — недоуменно начала Оля.

— Ой, братья и сестры, — чуточку наигранно вскричал Леонид, перебивая ее, пока та не просекла намека. — Я вас умоляю, оставим разговоры на потом! Чес-слово, очень кушать хочется. И прежде чем ласы точить, давайте сперва приобщимся к местной кулинарии, а? Тем более уплачено! — и, схватив девушку за руку, потащил в сторону кухни.

Увы, приобщиться не получилось. Во всяком случае на Олю и Виктора, после изысканных разносолов «Веселого поросенка», гостиничные меню и обстановка произвели самое удручающее впечатление. Начиная с неопрятных табуретов и столов, которые если и вытирали время от времени, то только рукавами и штанами постояльцев.

Привкус хлеба отчетливо отдавал плесенью. Каша пригорела и горчила так, словно ее заправили переработанным моторным маслом. А сало... Каждый уважающий себя украинец немедленно сжег бы гостиницу вместе с ведьмой-хозяйкой за столь кощунственное надругательство над провизией. То, что здесь именовалось салом, годилось не в пищу, а на подметки, кои сто лет не знали бы сносу. Поскольку солью его, похоже, не пересыпали, а усердно втирали внутрь. Из расчета килограмм на килограмм.

Взглянув на россыпь хорошо проваренных червячков, плавающих на поверхности, от компота отказались все. Даже Леонид, который единственный из компании несмотря ни на что навернул миску каши вприкуску с добрым шматом подошвенного сала.

— М-дя! — в это глубокомысленное восклицание Виктор вложил все свежие эмоции. — Пошли, водицы, что ли, попьем? Надеюсь, колодец они чистят, хотя бы раз в год.

Одолеваемые сомнениями, вышли во двор. При таком отношении к делу и имуществу можно было ожидать чего угодно. Но колодец не подвел. И сруб оказался чистым, скобленным, и козырек имелся приличный, закрывающий от дождевой воды и лишнего мусора. Деревянное ведро тоже не валялось на боку, а аккуратно висело вверх дном рядом на колышке.

Вода была холодная, чистая, но имела немножко странный вкус. Словно в ней чего-то не хватало.

— Хлорки всыпать забыли, — видимо, Леонид подумал о том же, — а так ничего.

— Сойдет и без хлорки, — Виктор зевнул. — Ну, что, братья и сестры, уж полночь близится... Пошли спать. А с утречка начнем сеять разумное, вечное, а может, и доброе.

Возражений не последовало. Виртуальный мир вокруг или какой иной — глаза слипались по настоящему.

* * *

Леонид проснулся от пронзительного: «Ку-ка-ре-ку!»

Снилось какое-то грандиозное пиршество. Вернее, в этом сновидении официанты как раз заканчивали накрывать столы и вскоре должны были пригласить гостей к трапезе. Вот только он сам был не среди их числа, в смысле гостей, а почему-то исполнял роль чучела огромного бурого медведя. Гризли, а может, и сибиряка*. Чучело стояло на дыбах в прихожей, перед

* За седой окрас гризли называют серым медведем. На самом деле это один из подвидов *Ursus arctos*, то есть бурого медведя.

открытой дверью в трапезную, и держало в передних лапах серебряный поднос для визиток. При этом Леонид ощущал себя вполне живым и понимал, что это всего лишь капризы сновидения.

Естественно, что просыпаться на самом интересном месте Леонид не собирался. Он сунул голову под подушку, сверху натянул одеяло и приготовился к дальнейшему просмотру.

Ага, сейчас... Треклятый петух прокукарекал во второй раз. Еще громче. Словно в самое ухо горланил.

Чертыхаясь и поминая недобрым словом весь куриный род вообще, а также отдельных его представителей в частности, Леонид приподнялся на лежанке и сунулся в окно. Но за мутноватым и пыльным стеклом не было ничего, кроме ночной тьмы.

— Вот зараза... Чтоб тебе в суп попасть!

Леонид попытался улечься удобнее. Но несмотря на мягкость и неожиданное удобство соломенного тюфяка, сон пропал бесследно. А вместе с ним улетучилось и видение лакомства и яств странного торжества. Зато проснулся организм, за последние двое суток употребивший пищи в количестве, соизмеримом недельному рациону Бурого, так сказать, в обычном режиме.

Леонид еще немного поворочался, но понимая, что неизбежность все равно не отсрочить до утра, встал и вышел во двор.

Странно, но снаружи оказалось гораздо светлее, чем можно было подумать, глядя сквозь окно. Наверное, из-за пыли и мутного, «бутылочного» качества стекла. А еще — вполне тепло, поскольку разогретые за день скалы превратились в одну огромную печку. К счастью, не раскаленную, а лишь чуток протопленную.

Леонид огляделся по двору, высматривая сортир. Тот был неподалеку, но доверия не вызывал даже внешним видом.

— Ага, не хватало мне, для полноты ощущений, провалиться в выгребную яму, — пробормотал Леонид. — За такое вполне могут насчитать штрафные очки и заставят втридорога покупать душистое мыло с одеколоном. Нет, мы пойдем по непроторенным тропам...

Он заглянул за угол гостиницы, куда не падал лунный свет. Узрел чуть поодаль от стенки здоровенный валун и поспешил пристроиться рядом с ним на корточках.

— Не спится? — насмешливо произнес знакомый старческий голос прямо над головой.

Вскакивать в столь ответственный момент не рекомендуется ни физиологией, ни гигиеной. Чревато... Впрочем, испуг от неожиданности быстро прошел, поскольку Леонид вспомнил, где уже слышал этот голос.

— Ф-фу, ты, дьявол. Так и зайкой стать можно. Не спится? Только я по нужде, а сам чего ночью бродишь?

— Ничего-ничего, — насмешливо ответил тот. — Испуг тоже можно с толком использовать... Если умеючи. Да ты сиди, сиди, ни мне говорить, ни тебе слушать это не мешает. Или ты стеснительный?

— Уже нет, — проворчал Леонид.

— Вообще-то я рассчитывал, что зов Хельга услышит... Но так даже лучше. С мужчинами легче. А расусоливать времени нет.

— Хельга? В смысле Оля?

— Обойдемся без наводящих вопросов, отрок. Слушай меня. Пытать счастье не торопитесь. Когда на кону вся жизнь, два-три дня ничего не изменят.

Используйте их с толком. Обучитесь у наставников всему, что они смогут предложить. А если вдруг чего объяснить не сумеют или не захотят, не берите в голову. Я сам потом вами займусь. Как только освобожусь чуток.

— С чего такая честь? — хмыкнул Леонид.

— Долго объяснять, да и ни к чему сейчас. Запомни одно: как окажетесь на распутье, выбирай правую тропинку. Она приведет вас в лесную избушку. Если все сложится удачно, я буду вас там ждать. Но даже если меня не будет, ничего не бойтесь. А главное, сами никуда не суйтесь. Побродите по округе, отдохайте...

— Извини, уважаемый, — прервал его Бурый, — у нас другое за... — он едва не ляпнул об эксперименте, но вовремя опомнился и умолк на полуслове.

— Не перебивай, а то не успею сказать все необходимое, — недовольно повысил голос тот. — Если в хижину придут чужие, назоветесь моими учениками, и они вас не тронут.

— Назваться можно, — Леонид начал заводить-ся, — да только чьими? Старика, который людям ночью спокойно оправиться не дает?

— А ты молодец, отрок, — похвалил тот. — Не из пугливых. Ормульв Травник я, по прозвищу Жнец.

— Ну и какого ж дьявола вам от нас понадобилось, уважаемый?! — Бурый, несмотря на неудобство позы, тоже ухитрился повысить голос.

— Не успею объяснить... — вместо ответа расстроенно вздохнул тот. — Уж извини. Впрочем, не последний раз видимся. Вы только обязательно дождитесь меня.

Пока Леонид завершал утренний туалет и приводил в порядок одежду, то бишь натягивал штаны, странного старика и след простыл.

— Что за фигня? Почудилось, что ли?

Леонид провел ладонью по влажной от росы траве и освежился.

Помогло. Но не очень. Классический тест со щипанием показал, что нет — в отличие от чучела медведя, Ормульв Травник ему не приснился.

— Рано поднялся, — с ноткой одобрения заметила тетушка Молли, выходящая по каким-то хозяйским надобностям. — Деревенский, что ли? Или живот с непривычки прихватило?

— Петух разбудил, — проворчал Леонид, не желая открывать всю правду. — Уж больно голосистый, зараза. С таким будильником долго не поспишь. Хуже аварийной сирены.

— Петух? — недоуменно переспросила хозяйка. — Чей?

— Так ваш же...

— Шутник, — кивнула та с пониманием и подмигнула. — Ох, и хитер... Ладно. Если раскошелишься на пару монет, неофит, так и быть, пожарю вам на завтрак яичницу. Согласен?

— Да я готов ее вместе со сковородой проглотить, — заверил женщину Леонид. А живот немедленно, для пущей убедительности, громко и требовательно заурчал.

— Значит, договорились, — повела полным плечом тетушка Молли. — Только не объедайся... Вы же с утра к наставникам?

— К ним. А что? Сытое брюхо к ученью глухо?

— Нет. Просто их снадобья лучше на голодный желудок принимать. И если слаб животом... — хозяйка гостиницы многозначительно хмыкнула.

— А-а, — понял Леонид. — Спасибо, что предупредили, тетушка Молли. Обязательно друзьям скажу.

Пусть поостерегутся. А лично я готов рискнуть. Жуть как есть охота.

Довольное урчание проголодавшейся утробы стало подтверждением правильности заключенной сделки.

* * *

Поскольку Леониду больше не спалось, а законы солидарности настоятельно требуют делиться всем, в том числе и переживаниями, с друзьями, он не церемонясь растолкал Виктора.

— Какого...

— Хорош дрыхнуть. Я тебе такое расскажу!

— А до утра никак нельзя...

— Так уже утро, — Леонид опять толкнул в бок попытавшегося отвернуться друга. И не очень громко, чтобы не потревожить Олю, скомандовал: — Рота, подъем!

— Эй, неофиты! — из дальнего угла кто-то недовольно прохрипел простуженным или прокуренным голосом. — Разговаривать идите на улицу. А то, если я встану, вам будет неприятно.

— Прощения просим, — извинился Леонид, только сейчас обнаружив, что они тут не единственные постояльцы. — Виктор, просыпайся. Я серьезно.

Потом громко втянул ноздрями воздух.

— О, чуешь аромат? Это наш завтрак поспевает.

— В гробу я его...

— Не-е... Хозяйка сегодня добрая и готовит нам яичницу.

— Яичницу? — оторвала от подушки голову Оля. — Что ж ты меня не разбудил? С ее кулинарными талантами... Точно пережарит. Пойду, приглядю.

Девушка торопливо собралась и побежала на кухню.

— Хозяйственная, — одобрительно заметил Лысюк. — Ну, чего хотел, полуночник?

Леонид оглянулся.

— Выйдем. Забодало шептаться. Все равно не спишь.

Виктор еще проворчал что-то по поводу бессонницы и шила в одном месте у некоторых представителей рода человеческого, но с лежанки слез.

— Ты петуха слышал? — не утерпел Леонид.

— Нет. А что?

— В том и закавыка, братишка. Никто кроме меня не слышал. И по ходу его вообще нет. Если тетушка Молли не обманывает.

— Дался он тебе, — дернул плечом Виктор. — Нет так нет. Мне иной раз такая... приснится.

— Но ведь странно. Никто не слышал, а я... — Леонид упрямо сжал губы. — Четко, ясно.

— Принцу Датскому тоже всякое виделось. В том числе и призрак отца.

— Намекаешь на мою неадекватность? — они уже были на улице, и Леонид заговорил в полный голос. — Так вот, я только что разговаривал с тем чудным стариком, что столтник нам подарил и чего-то о крови бубнил.

— А вот с этого места подробнее, — с интересом посмотрел на товарища Виктор. — Что, где, когда?

— Ребята! — показалась на пороге гостиницы Оля. — Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста, — с улыбкой процитировала она Василия Алибабаевича из бессмертных «Джентльменов удачи».

— Сейчас, только руки вымою, — в тон ответил Виктор. — Кстати, ты вовремя. Присоединяйся, послушаешь. Наш Леонид кое-что новое разузнать успел.

— Крохи, если объективно, но содержательные, — поправил его Бурый. — Он торопился...

— Кто? — с ходу не сообразила девушка.

— Старик с набережной и рынка. Представился Ормульвом Травником. Погоняло — Жнец.

— А это точно? Может, приснилось?

— Да ну вас к черту! Не верите, ну и не надо, — Леонид обиженно махнул рукой, отодвинул Олю и вошел в гостиницу.

Девушка озадаченно переглянулась с Виктором и пошла следом за Бурым.

Леонид зашел в трапезную, сел за стол, пододвинул к себе миску с поджаренной на сале огромной болтанкой, не меньше как из дюжины яиц, поднос с ломтями хлеба и принялся за завтрак. В задумчивости он даже не сообразил, что это общая порция, а Оля говорить не стала. Присела напротив и затихла.

Ждала, пока Леонид сам успокоится.

— Ну, что ж, — Виктор появился пару минут спустя и первым делом отобрал у Леонида миску с жалкими остатками завтрака. — Лопнешь.

— Чего?

— Ничего. В общем, так... Высокий суд Великого Турина постановил Флориндо оправдать!

— Ты что-то узнал?

— Да. Оля, ты не жди. Перекуси. Я потом доем. Леонид, не сияй как надраенный самовар... Я не слышал кукареканья и не встретил Жнеца. Зато я сходил за угол и посмотрел следы. Там земля сырая, все отчетливо видно. Твои следы и кого-то еще. Судя по размеру лаптей — рослого, но не тяжелого.

— Ты прям Дерсу Узала.

— Жизнь и не тому научит... Спасибо, — Виктор принял от Оли миску и хлеб. — В общем, теперь я го-

тов тебя выслушать. Со всем вниманием. Выкладывай. В подробностях.

— Проснулся я от крика петуха...

Учитывая присутствие девушки, Леонид пересказал предрассветную встречу с Травником, не вдаваясь в детали. Но и не упуская ничего важного.

— Он назвал меня Хельгой? — уточнила Оля.

— Не знаю. Я переспросил, но он не ответил, — Леонид мимикой изобразил недовольство. — Друзья, сделайте поправку на то, что я спал одним глазом. Да и быстро все произошло. Минуты две, не больше... Бла-бла-бла, потом он вякнул, что больше нет времени, и пропал.

— Это хуже, — Оля демонстративно трижды поплевала через левое плечо. — Впрочем, он же к нам первый раз днем приходил. Хоть и в тени стоял, но при солнечном свете. Значит, не вампир.

— Голливудской фигни насмотрелась? — Виктор поднялся. — Это все?

Леонид кивнул,

— Ну, и добре. По ходу событий разберемся. А теперь пошли к нашему вчерашнему знакомцу Третьяку. Может, он прольет немножко света. Но в целом ситуация, мягко говоря, странноватая...

— В смысле?

— Ну, сами посудите. Мы же не сами по себе странствуем, а играем. И обычные человеческие взаимоотношения тут не катят. Только игровые.

— Не въехал?

Виктор доел яичницу и вытер хлебом сковородку.

— Хорошо, — пробормотал, не совсем понятно, что имея в виду, ответ или завтрак. — Попробую на пальцах. В игре нет случайностей, в смысле лишних персонажей. Тут все подчинено одной программе и ра-

ботает на конечную цель. Герои, то бишь мы, получают квест, а вся последующая информация должна либо помогать нам в ее достижении, либо мешать. И если поведение Ястреба в эту картину вписывается... — Лысюк поглядел на босые ноги, — типа дополнительный квест, дающий нам немножко денег на экипировку и подталкивающий в нужном направлении, то каковы мотивы у Жнеца?

— Вообще-то старик нам тоже денег отслонявил, — уточнил Бурый. — Но отчасти ты прав. С его появлением тень на плетень еще та ложится.

— А может, его квест на следующем уровне? — предположила Оля.

Леонид с Виктором только переглянулись. Очевидно, вспомнили брошенную в шутку фразу Пилюля. Ту самую, о разумном члене группы...

Скриншот...

Оля

Дав отмашку Виктору, что все идет по плану, Бурый шагнул к бровке тротуара, высматривая свободное такси. Улочка не слишком оживленная, но он и не торопился особенно. Сбор команды назначен в лаборатории Научно-исследовательского института энергетики и мозга только через полтора часа. А за это время, если придется, в район пересечения Ломоносовской и Мечникова можно и пешком добраться.

Скорее машинально, чем из надобности посмотрев еще раз в сторону друзей, Леонид оторопел. Вернее, он попросту не понял, что происходит. Белоснежная Женькина «Ауди» стремительно уносилась прочь, а Лысюк в растерянности застыл на проезжей части, глядя ей вслед.

Родные, знакомые, друзья и сослуживцы считали Леню неповоротливым тюфяком, которому нужно сто раз все взвесить и обдумать, прежде чем хоть что-то предпринять. И только он сам знал, что в некоторых случаях в нем словно оживает кто-то другой. Ловкий, быстрый, умеющий действовать мгновенно и единственно правильным способом.

Так было, когда он еще в школе подхватил падающий на младшую сестренку чайник с кипятком. А на производственной практике — чудом удержал однокурсника, вываливающегося из окна цеха примерно на высоте седьмого этажа. Хотя в тот момент, когда Юрка уже начинал падать, Леонид только порог помещения переступал. А шланг, соскочивший с вентиля подачи пара?.. Сам после не верил, что за какое-то мгновение успел не только увидеть, как шланг отделяется от трубы, а поймал его и нахлобучил на «сосок» обратно. Раньше, чем струя перегретого пара ударила в лица стоявшим рядом операторам.

Вот и сейчас меньше секунды понадобилось Бурому, чтобы оценить обстановку и начать действовать.

В паре шагов от него урчали мотором какие-то «Жигули», а водитель сосредоточенно пинал передний скат.

— Эй, ты чего?! — только и сумел воскликнуть изумленный хозяин, когда Леонид запрыгнул в его авто. В следующее мгновение машина сорвалась с места, как на финале «Формулы-1». Ездить Бурого учил Карплюк.

Взвизгнув колодками и шинами, «Жигули» притормозили возле Виктора, дверца распахнулась.

— Садись! Быстро!

Служба в армии неплохо подготовила Виктора к нештатным ситуациям. Миг, и он оказался в салоне легковушки.

— Погнали!

Лене дополнительные распоряжения не требовались. Заскрипев всем нутром, несчастный «жигуленок», с которым наверняка так по-зверски не обращались с момента сборки, рванул вперед.

— Что случилось? Почему Карп тебя бросил?

— А я знаю? — Виктор вынул мобильник, нажал вызов, приложил к уху. — Абонент недоступен. Гони, уйдет!

— Уже ушел, — спокойно констатировал Леонид. — Из нас троих он автогонщик. Да и город лучше меня знает...

— Фигня какая-то, — пробормотал Виктор. — У него что, крыша съехала от обилия денег?

— У Жеки? — переспросил Леонид, словно в их компании был еще кто-то. Потом кивнул. — У Жеки может... Представил себе, какую тачку за такие бабосы можно взять, и усе... Слаб человек, а соблазн велик. Куда рулить-то, командир? К нему на хату?

— Нет, — Лысюк попытался еще раз дозвониться, но безуспешно. — Он же не совсем идиот. Действуем по прежнему плану. С деньгами или без — сперва уйти надо. А с крысой разберемся после.

— Тебе видней, — Бурый кинул взгляд в зеркало заднего вида и присвистнул: — Поздравляю, братуха, теперь на нас еще и киднеппинг повесят.

Виктор рывком оглянулся. На заднем сиденье, забившись в угол, скукожилась молоденькая девчушка. Лет семнадцати, не больше. Во всяком случае, так ему показалось с первого взгляда. Уж больно она была миниатюрной.

— Все хорошо, тебе ничего не угрожает, — произнес он скороговоркой, — не бойся.

— Сто пудов! — веско подтвердил Леонид. — Мы хоть и не в белых шляпах, но парни хорошие. Зуб даю. Просто у нас сейчас некоторые проблемы.

— Но тебя не тронем, — продолжил Виктор. — Еще немножко отъедем и высадим. И приятелю компенсацию за беспокойство оставим.

Лысюк вынул из кармана две купюры по сто долларов, показал их девушке и положил в бардачок.

— Не приятель он мне, — голосок у девчонки оказался приятный и совсем не дрожал. — Таксист. Сказал, колесо спустило, вышел поглядеть. А тут этот вскочил, — кивок в сторону Леонида, — и по газам...

— Да? Колесо? Странно. А руль совсем не тянет, — удивился Бурый. — Тебя где высадить, малая?

— По фигу, — девчонка отвечала слишком уж ровно. И вдруг добавила: — Вообще-то я из дому ушла...

— Бывает, — дежурно посочувствовал Виктор. — Мы с друзьями в детстве тоже убегали пару раз.

— Третий, — Леонид внимательно смотрел на дорогу.

— Что? — удивился Виктор. — Почему третий? Два... Я точно помню. Один раз в Одессу, а второй в...

— Нам... третий... нужен, — с расстановкой повторил Бурый.

— Е-мое! Точно! — хлопнул себя по лбу Лысюк. — Вот гнида! И тут подставил. Что же нам...

Потом сообразил, на что намекал Леонид, и опять развернулся к случайной попутчице.

— Я понимаю, что похищение не самый лучший способ для знакомства, и все же: тебя как звать, прелестное дитя?

— Оля. И я давно не дитя.

— Да ну? — сделал большие глаза Лысюк. — Может, у тебя и паспорт имеется?

— И не только паспорт, — девушка возмущенно сверкнула глазищами. — Я, между прочим, на третьем курсе мединститута учусь. Студенческий показать? Паспорт тоже при себе.

— Ух, ты, — Бурый даже затылком ухитрился излучать заинтересованность. — И кем планируешь стать, когда закончишь? Терапевтом, хирургом?

— Компьютерная диагностика. Но какое это имеет...

— Сейчас все объясню, Оленька, — Виктор улыбнулся, как только мог обаятельнее. Иногда у него это получалось. — Это просто замечательно. В том смысле, что вам уже... не дитя, в общем, и даже паспорт имеете. Видите ли, мы с другом попали, мягко говоря, в неприятную ситуацию. И нам позарез нужна ваша помощь.

— Надо где-то отсидеться? — проявила сообразительность девушка.

— Типа того.

— Увы. Дачи у меня нет, а из дома я...

— Как раз в этом, Оленька, нет нужды, — мягко перебил ее Лысюк. — Имеется все необходимое, кроме количества.

Виктор нарочно сделал паузу, давая проснуться любопытству.

— В каком смысле? — заглотнула наживку девушка.

— Нас буквально с распростертыми объятиями ждут в... научной лаборатории. Прямо сейчас. Но по условиям контракта, добровольцев должно быть трое. Понимаешь?

— Не вполне.

— Оленька, солнышко, мой красноречивый друг пытается задать один из главных вопросов российской действительности, — хохотнул Бурый. — Третьим, в смысле третьей будешь? Присоединяйся, не пожалеешь. Тем более что испытания предстоят почти по твоему профилю.

— А если я скажу нет?

— Хозяин — барин. В смысле барыня. Высадим, как и обещал. Но я бы не стал отказываться. Во-первых, скорее всего, там будет очень интересно. Во-вторых, ты была с нами, и плохие парни могут не поверить в случайность встречи... А в-третьих, тебе за это еще и неплохо заплатят.

— Вот дурак, — пробормотал Леонид, оглянувшись, поймал задумчивый взгляд девушки и негромко добавил: — Помоги нам. Пожалуйста.

— За дорогой следи, придурок, — схватился за руль Виктор. — Только разборки с гайцами нам для полного счастья не хватало.

* * *

Машину Леонид припарковал в каком-то глухом дворике за украшенной раритетной липой, старой и толстой, как афишная тумба, — оставив дверцу открытой, а ключи в замке зажигания.

— Если местные пацаны возьмут поката́ться, все только запутается, — объяснил коротко.

Потом они долго пробирались проходными дворами куда-то в сторону Старого города, пока Оля не выдержала и, нырнув под очередную арку, не остановилась. Да так резко, словно черную кошку увидела.

— Объясняйте, куда мы идем, или я дальше ни шагу не сделаю.

Девушка упрямо топнула ногой, заставив внимательно поглядеть на себя проходящую мимо старушку. Бдительная пенсионерка тоже остановилась. И на всякий случай объявила:

— Я сейчас полицию вызову.

— Не волнуйтесь, гражданка. Все под контролем! — Леонид многозначительно хлопал себя по нагрудному карману куртки. — Органы уже здесь.

— Оленька, солнышко, — Виктор умоляюще сложил руки, — только не это. Время поджигает. Не до разговоров.

— Точно? — старушка подслеповато прищурилась.

— Да-да, бабуся. Спасибо. Мы не чужие. Роль репетируем, — Оля мило улыбнулась. Но когда заговорила с мужчинами, никакого снисхождения в ее голосе и в помине не было. — Я хоть и блондинка, но не барби. И подобной мутотени, что сейчас не до разговоров и тебе позже все объяснят, достаточно в кино насмотрелась. Мы уже почти полчаса топаем. Телефонный справочник перелистать можно. Так что либо выкладываете все тут и немедленно, либо — дальше без меня.

— Хорошо, хорошо, — Леонид покосился на старушку и осторожно взял девушку под руку. — Я расскажу. Одна просьба — разговариваем в движении. Время и в самом деле деньги.

Смотрел он прямо в глаза, взглядом не рыскал. В общем, имел вид вполне доверительный.

— Ладно, верю, — Оля сдвинулась с места. — До свидания, бабуся. Здоровья вам и вашим внукам. Начинай...

— А ты что хочешь услышать? Полную историю или резюме?

— Начни с резюме.

— Ты действительно находишься в компании грабителей.

— Вдохновляющее начало. И?

— Деньги понадобились. Срочно. На операцию. Вот мы и позаимствовали немножко. У людей, которые нажили их нечестным путем. У бандитов. Настоящих. Не как мы... Тех, которые наркотой торгуют, людьми и так далее...

— Это вас оправдывает?

— Не знаю, — пожал плечами Бурый. — Наверно. Вот если бы, не дай бог, конечно, кто-то из твоих родных умирал, тебя бы сильно напрягали вопросы законности?

Оля задумалась и замолчала. Вообще-то и бабушка, и мама с раннего детства приучали ее к мысли, что чужое брать нельзя. Но она уже давно вышла из того возраста, когда верят в сказки... Да и благородные разбойники не вчера появились. Вспомнить хотя бы Робин Гуда. Или Кармелюка...

— Можно переходить к нюансам? — вырвал ее из задумчивости Бурый.

— Сорри, — вмешался Виктор, указывая на длинный высокий забор из ажурной ковки. А за ним, в глубине небольшого парка, серое здание сталинской постройки. — Мы уже на месте. Вон КПП. Твое решение?

Оля еще раз внимательно оглядела неожиданных знакомых. Честные, открытые лица. Держатся спокойно, уверенно.

И девушка кивнула. В конце концов, что она теряет? Хотели бы убить или еще чего удумали — что мешало раньше? К чему такие сложности? Тот же дворик, где бросили «жигуленка», вполне для злодея годился.

Оля вздохнула. Суматошно и глупо начавшийся день никак не желал вернуться в нормальное русло, продолжая наращивать странности.

С отчимом она никогда особенно не ладила, так это нормально. Большинство подруг и с родными-то предками общего языка найти не могут, — те по всем вопросам тормозят, как старое «железо». Но и до конфликтов тоже не доходило, вовремя раз-руливали. Зато сегодня за завтраком отчим словно с цепи сорвался. Поговорил с кем-то по телефону. Вернее, послушал. Потому что сам весь пяти-минутный разговор только невнятно мычал, сопел, багровел и зло зыркал на Олю. А отложив мобиль-ник, открыл рот...

Оля в ноябре собиралась праздновать второй десяток и не была тепличным растением, но такого отборного мата еще никогда не слышала. Тем более в свой адрес. Обалдев от хлынувшего потока ругани, она даже не поняла, в чем ее обвиняли. Но догадалась, из-за наиболее часто употребляемого отчимом слова, начинающегося на «б».

Мама слабо попыталась урезонить мужа, но была обвинена в том же — мол, яблоко от яблони... и увяла.

Оля плевать хотела на отношение отчима к себе, но в данном случае тот хватил лишку. Да и претензии смешные. Если бы он наехал на нее года два тому, на первом курсе, когда у всех тормоза отказывают, куда ни шло. Но это же ошибки молодости, гормональ-ный всплеск... Все давно в прошлом, забыто и бывшем поросло. Даже вспоминать стыдно... хотя и приятно. Зато теперь, когда ума прибавилось, обвинять ее в рас-путстве?

— Иди в жопу, старый козел, — с расстановкой произнесла Оля, глядя ему в глаза. — Лучше поду-

май, как и с кем живет твоя родная дочь, которую ты бросил, когда ей и семь не было.

Пока отчим глотал воздух, демонстративно спокойно подошла к матери и чмокнула в макушку.

— Все, я пошла. Успокойся или свалит куда — позвони. Не дождусь, заночую у бабушки. Не впервой...

Выбежав из дома, Оля прыгнула в стоявшее перед подъездом такси. Даже не задумавшись о том, откуда оно здесь взялось. В их подъезде мало кто мог позволить себе частного извозчика. Назвала какой-то адрес. Вроде института... Неважно. Денег все равно на весь маршрут не хватит. Девушка собиралась выйти, как только проедет пару кварталов.

Потом в машине забормотала рация. Совершенно невнятно, но таксист понял.

— Извини, ты сильно торопишься? — спросил, поглядывая в зеркало заднего обзора.

— Не очень.

— Кузьмича подобрать надо. Ты не против? Завтра уважить — святое дело. Тут рядом. А за задержку я половину счетчика скину.

Оля кивнула. Таксисту хватило. Больше не переспрашивал. Вообще молчаливый дядька попался. Даже знакомиться не пытался.

Пытаясь отслоить словесную шелуху матов от нормальных слов, ну чтобы понять, с какого лешего отчим так на ней оторвался, Оля за дорогой не следила. В себя пришла только после того, как такси утнали. Вместе с ней...

М-да, рассказать кому — не поверят. Уж больно все нарочито. Как в реалити-шоу. И если бы вдруг раздался гомерический хохот, специально для тех, кто не догнал, что уже пора смяться, — а приличные с виду мужики стали кривляться и визжать нечто

типа: «Обманули дурака на четыре кулака!..» — Оля не слишком бы удивилась...

Да, не удивилась бы, но расстроилась. Толком не поняв, откуда возникло такое желание, девушке действительно захотелось приключения. Не романтического путешествия, а настоящего, опасного. Впрочем, вряд ли Оля справилась бы с заданием, если бы ее попросили четче сформулировать пожелание.

— Согласна. Я с вами. Только, чур, при первой же возможности — со всеми подробностями.

— Тогда вперед и с песнями!

Виктор говорил спокойно, даже улыбался, но взгляд у него при этом был цепкий, колючий.

— Может, я и перестраховщик, но вводная будет такая. Вы с Леней беретесь под руки и не спеша флагируете на ту сторону. Если что — бегите к проходной и заскакивайте внутрь. Не останавливайтесь и не оглядывайтесь.

— Если что «что»? — недоуменно поглядел на товарища Бурый.

Лысюк неопределенно пожал плечами и глазами указал на припаркованный неподалеку от институтских ворот большой черный внедорожник БМВ, в простонародье именуемый «боевой машиной воров».

— А давай ментов вызовем. Типа доброжелатели?.. И пока «пепсы» будут их досматривать, мы спокойно войдем внутрь.

Лысюк несогласно помотал головой.

— Не стоит внимания привлекать. Если это не по наши души, то позже такая непонятка вполне может всплыть. А опытному сыщику лучше маячка и не надо. Сразу в разработку возьмет. Так что через недельку нас на выходе и примут.

— А если уже?

— Кто предупреждён, тот вооружен. Там нас не достанут, а мы получим семь дней на размышление... В общем, действуем, как я сказал.

Бурый с девушкой пересекали разделительную полосу, когда водительская дверца «бехи» начала открываться. Виктор, успев за это время отбежать с десятков метров в сторону, рванул к машине наискосок, заходя сзади. Если бандиты вооружены, шансов ноль, — но с учетом внезапности Лысюк мог устроить небольшую неразбериху. До проходной всего ничего... А потом и сам как-то вывернется. В общем, бой покажет.

Дверца открылась, и на тротуар вылез типичный браток. Бритоголовый, мордатый, самого себя шире. Потянулся, зевнул и... стал приседать, размахивая руками. Больше в машине никого не было. Виктор едва успел изменить траекторию. Инерцию погасить не удалось, так что пришлось довольно чувствительно приложиться плечом об чугунную решетку ограды. Но что значила эта боль в сравнении с наступившим облегчением!

«Мимо...»

И все же ощущение, что чей-то внимательный взгляд буравит спину, не проходило. У входа Виктор резко развернулся, сканируя обстановку, — браток по-прежнему продолжал разминку. А кроме него и парочки, целующейся у подъезда противоположного дома, на улице больше никого не было. Не считая аккуратно свернувшего с проспекта трамвая.

«Параноя не диагноз, а образ жизни. Одни страдают, другие — наслаждаются впрыском адреналина».

Глава пятая

КТО ХОДИТ В ГОСТИ ПО УТРАМ...

Занимающийся восход очень эффектно подсвечивал фигуру дозорного на стене. Видимо, Третьяку надоело торчать в башенке, и он вышел размять мышцы — поскольку воин не стоял на месте, а размеренно приседал и размахивал руками. Отполированные до блеска чешуйки его панциря при этом ярко поблескивали, сверкая и разбрызгивая во все стороны солнечные зайчики, словно диковинный бенгальский огонь.

— Отличная мишень, — пробормотал Виктор. — Нет, братцы, что ни говорите, а ратная житуха в средневековье была намного привольнее.

— Однобоко рассуждаете, сударь, — хмыкнула Оля. — Совершенно игнорируя факт, что при здешнем уровне медицины девяносто процентов ранений заканчивались либо увечьем, либо летальным исходом.

— Зато и ранения нанести было куда сложнее, — не сдавался Лысюк. — А нынче такого красавца прихлопнули бы, даже не выходя на расстояние прямой видимости.

— Прекрасная тема для погожего утра, — возмутился Леонид. — Ну вот совсем больше не о чем поговорить, да?

— А чего? — Виктор пожал плечами. — Нам же при любом раскладе только больно будет. Я имею в виду как максимум.

— И чего? Предлагаешь кейф словить? Извини, я в мазохисты не записывался. Так что давай попробуем пройти уровень бескровно. О'кей?

— Поживем, увидим... — невнятно ответил Лысюк. — Чего заранее хвост поджимать. Может, нас еще и не будут бить.

— Эй! Неофиты! — жизнерадостно заорал сверху Третьяк. — Поднимайтесь наверх! Отсюда все как на ладони видно.

Стена возвышалась всего метра на четыре, но и этого хватило. Оказалось, что никакого замка с неприменным донжоном, он же жилище феодала, тут нет и в помине. На огражденной площади, примерно в четыре гектара, вольготно располагалось полтора десятка одноэтажных зданий. Десяток добротных пятистенков с крыльцом, выгулом и холодным прирубом. Один дом длинный, словно составленный из нескольких обычных изб. И еще пяток квадратных сооружений, похожих на гостиницу тетушки Молли. Видимо, общего назначения.

— Ночлежку вам показывать уже не надо, — все так же улыбаясь произнес Третьяк и тут же, вопреки собственным словам, ткнул в нее пальцем: — В домах тутошний народ проживает. В казарме, — кивок в сторону длинного строения, — стражники. А вот это, — он перевел палец правее, — «Корчма». Когда надоест стряпня тетушки Молли и захочется чего-то съедобного, там вы все и найдете. Проводника тоже можно нанять. Если денежка водится, — последнюю фразу Третьяк выделил вопросительной интонацией и выжидающе замолчал.

— Не жируем, — на всякий случай уточнил Леонид. — Но для хорошего человека... — протянул стражнику заранее приготовленный пятак.

— Благодарствую, — Третьяк заулыбался еще шире. — О чем бишь я? Ах, да... Но самое главное здание для неофитов — вон то, — дозорный взял Леонида за плечо и развернул в нужном направлении и произнес с уважением: — Гимназиум! Именно там вас сделают более сильными, ловкими и... умными.

Опять-таки, если в кошеле не только медяки бряцают.

Главное строение ничем особенным не отличалось. Даже вывеской. Ну, может, самую малость пошире и не под соломенной крышей, а тростниковой. Типа классом выше. Почему именно такой выбор сделал дизайнер, в лесистой и совершенно не заболоченной местности, объяснить трудно. Но и не суть.

— А этот курень — лавка Хмеля. Не в смысле хмельное продают, а лавочника так кличут. Мужик он правильный, три шкуры драть не станет, но вы все равно, пока туда не суйтесь. В обучение, помимо всего, еще и умение торговаться входит. Так что после Гимназиума всяко пару монет сберечь сумеете.

— Спасибо за совет, — Оля улыбнулась Третьяку.

— Да чего там, — словно застеснялся тот. — Если ко мне по-человечески, так и я завсегда... А теперь ступайте, — стражник по-прежнему отводил взгляд. — Десятник не одобряет... когда неофиты...

Виктор с Леонидом понимающе переглянулись. И к гадалке ходить не надо, чтоб понять настоящую причину. Заметит десятник гостей на башне — придется мздой делиться.

— Десятника сердить не стоит, — еще один пятак словно по волшебству возник в руке Леонида и так же немедля сменил хозяина.

— Вижу, вы из купеческого сословия, — ухмыльнулся стражник. — Умеете человека уважить. Но и Третьяк в должниках ходить не обучен. Послушайте, что скажу... В Гимназиум не торопитесь. Ступайте к наставникам ближе к обеду. Ни вчера, ни сегодня кроме вас другие неофиты в Академию не приходили. Значит, наставники сидят без учеников. Глядишь, сможете поторговаться. А пока переждите в корчме,

на проводников посмотрите. Авось приглянетесь к которому. С виду они звероватые и дикие, но договор блюдут свято.

— А сколько берут? — Леонид решил использовать источник информации до дна.

— Извини, — развел руками Третьяк, — тут я вам не помощник. С ними никогда не поймешь. Могут и за пятак провести, а от иного и с торбой денег нос воротят. У них свои правила, обычным людям непонятные...

— Ну и ладно, — протянул на прощание руку Виктор. — Разберемся...

— Ага, — облегченно вздохнул стражник. — И это... Если что, я либо у ворот, либо в казарме. Найдете, в общем.

* * *

— Ну что, последуем совету дозорного? Кажется, он был искренен в своем желании подзаработать.

— Почему нет? — пожал плечами Леонид. — Судя по пустынным улицам и площадям, люди тут предпочитают вести послеобеденный образ жизни, и вряд ли мы кого-то сейчас застанем. Но не торчать же здесь, как три тополя...

— А вот мне бабушка говорила, что ничто так дешево не стоит и так дорого не обходится, как бесплатные советы, — не согласилась Оля. — Мы зачем сюда пришли? Вот и давайте учиться.

— Оленька, солнышко, — дурашливо вздел руки Бурый, — твоя бабушка совершенно права. И поскольку совет мы от Третьяка получили платный, то можем смело им пользоваться. И это, вы только не смейтесь, я снова проголодался... Уважьте. Хоть корочкой хлеба? Хоть вприглядку?..

Он ошибался. Несмотря на раннее время, полу-дюжина аборигенов в питейном заведении все же присутствовала. Мужики, разодетые даже воинственнее Третьяка, только без шлемов и мечей, хмуро и молча цедили что-то из больших кружек.

Учитывая степень помятости физиономий, служащих им лицами, догадаться о причине мрачного настроения не составляло особых трудностей. Синдром похмелья мучил, а поправиться не получалось. Может, денег не хватало... А может, банально опасались начать, зная, что остановиться уже не получится.

— Доброе утро, господа.

Во взглядах, направленных на вошедшую троицу, читалось решительное несогласие с тем, что утро бывает добрым. По определению.

— Неофиты... — протянул один из завсегдатаев, выделяющийся из остального контингента огненно-рыжей шевелюрой.

Слово «неофиты» было произнесено тоном, который объяснял все. А заодно ставил Олю, Леонида и Виктора в разряд пятиклассников, случайно забредших на вечеринку выпускников. А если продвигаться и дальше в таком ключе, то следующей могла стать фраза типа: «Вы не заблудились, детишки?» Либо еще обиднее. Вроде «Брысь отсюда, мелюзга!» Оскорбление потребовало бы адекватного ответа. Тем более в присутствии девушки.

Оля интуитивно ощутила назревающий конфликт раньше остальных и поспешила выложить главный козырь:

— Нам нужен проводник!

В глазах аборигенов появилась некоторая заинтересованность. Но судьбу не обманешь.

Рыжий детина, нагло уставясь на девушку, ухмыльнулся и причмокнул губами:

— Ох, я бы тебя проводил, малышка...

Оля неплохо знала таких мужчин и умела с ними управляться. Особенно в компании. Достаточно пары острот, чтобы сбить накал. После этого ситуация обостриться могла, только если повезло нарваться на клинического хама или нападение задумано всей группой.

Она уже открыла рот, чтоб угостить рыжего соответствующим комплиментом, но справа и сзади послышалось глухое рычание. Какая-то сила схватила девушку за талию и, как пушинку, переставила в сторону. А вперед выпрыгнул Леонид. Сразу оказавшись возле ближайшего столика.

Он не произнес ни единого слова. Рыкнул еще раз, ухватился за столешницу и одним движением оторвал от нее доску. Словно она не была прибита гвоздями, а просто лежала сверху.

И только после этого все задвигались. Виктор бросился к товарищу и обхватил его сзади. Оля взвизгнула. А вот шестерка похмельных мужиков отреагировала спокойно, чтоб не сказать — безразлично.

— Эй-эй, парень! Не психуй! — будто ребенку погрозил пальцем высокий и худой, как жердь, мужик. — Улаф пошутил. А ты, Рыжий, за языком следи. Не забывай, что неофиты к твоему чувству юмора еще не приучены.

Рыжий Улаф поскреб подбородок и извинительно проворчал:

— Угу... В общем, да... Шутка это.

— Нормально, — ответил за всех Виктор, оттаскивая Леонида, который так и замер, словно у него завод закончился.

Затевать свару с первых же шагов не лучший метод знакомства. Тем более мужики совершенно не выглядели испуганными. Наоборот — Лысюку показалось, что они по-прежнему глядели на них как на чересчур расшалившихся детишек. Решая — пусть еще порезвятся или пора в угол поставить?

Впрочем, Леонид и сам остыл. Он, как и тогда на базаре, обалдело помотал головой и растерянно посмотрел на кусок столешницы в руках.

— Блин, Лёня! — сердито зашипел Виктор. — Ты что творишь? Совсем озверел? Мы пришли проводников нанимать или подраться с ними?

— А чего он?..

— Ну, пошутил мужик, и что? Оля даже не обиделась.

— Вот еще, — фыркнула девушка. — С какой стати? На его уровне развития — это почти комплимент. Кстати, — обратилась она к Рыжему, — твое предложение остается в силе?

— В смысле? — не въехал тот.

— Проводить нас... В деревню Гюрдира Безбородого.

— Нет, — помотал тот огненно-красными патлами. — И никто из наших вас не поведет.

Остальные мужики нестройно подтвердили.

— Почему? — удивился Виктор. — Если вы насчет денег сомневаетесь, то не волнуйтесь. Кое-какая монета у нас водится. Называйте цену, сторгуемся...

Проводники еще раз переглянулись, и Виктор услышал, как кто-то тихонько пробормотал: «Точно, братцы, это они. Те самые, о которых Ормульв Травник предупреждал. Вы как хотите, а я со Жнецом связываться не имею желания. Себе дорожке встанет».

— Не в деньгах тут дело, парень, — после минуты молчания сообщил Худой.

— А в чем? Объяснить можно? Я понимаю, у вас тут свои правила. Тайны гильдии и все такое. Ну, а просто, по-людски?

— Ничего вы не понимаете!.. — ответил тот раздраженно. — И пока первый раз через Перепутье не пройдете — так и вообще *ничего*. Могу совет дать... Если по-людски. На обучение в Гимназиуме не скупитесь.

— Спасибо и на том, — Виктор приобнял Олю и Леонида за плечи. — Пойдем... Не знаю, как вам, а мне что-то расхотелось есть.

У Бурого, может, и было свое мнение, но после порчи мебели его никто не спрашивал. Пришлось подчиниться решению большинства.

— Извините, — Оля оглянулась в дверях, — еще спросить можно?

— Ну?..

— Кто такой Ормульв Травник по прозвищу Жнец?

Виктор тихонько хмыкнул. Значит, не слышалось.

Худой хмыкнул громче и поскреб кольчугу на груди.

— Вы... это, идите, ребятаки... — но потом, видимо, решил, что все же должен объясниться: — Извини, малышка. Вы давно в Гавани?

— Со вчерашнего дня. А что?

— А то, что если увижу любого из вас здесь... когда пути откроются — отвечу на все вопросы. Бесплатно.

— Обещаешь?

Худой поморщился, словно лимон надкусил, но бить себя в грудь не стал, а только кивнул.

* * *

— Скажи-ка мне, дружище, — поинтересовался Виктор, как только они вновь оказались на свежем воздухе. — Пока я армейскую лямку тянул, ты никакими восточными техниками не увлекался? Кун-фу, айкидо?

— Я?!

Леонид удивился так искренне, что переспрашивать не имело смысла. Впрочем, сколько Виктор знал друга, тот всегда был за небольшой дебош и приключения, но при этом оставался истинным апологетом дивана, книги и телевизора.

— Вот-вот, — почесал затылок Лысюк. — Что тебя Господь здоровьем не обидел, и невооруженным взглядом видно. Но одно дело мышечная масса, а совсем другое — реальная сила, резкость... Быстрый ты больно. Поэтому и спрашиваю: где учился?

— Да не учился я ничему... кроме экономики, — проворчал Леонид. — Не знаю, не могу понять, что на меня находит. Вдруг налетает леденящий порыв ветра, да такой, что волосы стынут, и шепчет кто-то: «Это враг! Убей!»

— Шепчет?

— Не цепляйся к словам. Шепчет, орет — какая разница, если кроме меня его никто не слышит? — огрызнулся Леонид. — Думаешь, я псих?

— Нет, — помотал головой Виктор, поглядывая на девушку. — Я думаю, почему это происходит, только когда ты Олю защищаешь?

— Чего? — Оля и Леонид возмущенно уставились на Виктора.

— Факты упрямая вещь, — пожал плечами тот. — Первый раз тебя накрыло на базаре, когда пивовары с ней познакомиться хотели. То есть имело место

оскорбление действием. Теперь — оскорбление словом.

— Бред, — отмахнулся Леонид. — Нет, не спорю, я, конечно... — посмотрел на девушку. — Но убивать?.. И вообще, что за поспешные выводы? Для чистоты эксперимента желательны третье подтверждение.

— Лады, замнем для ясности, — согласился Виктор. — Подумаем, что дальше предпримем, раз с проводниками облом вышел?

— Вообще-то нам советовали к наставникам заглянуть, — напомнила Оля, указывая на квадратную домину.

— Не хочу учиться, а хочу жениться... — пробормотал Леонид. — Тем более что другой классик по тому же поводу сказал: сколько ни учишься, все равно глупцом помрешь. Кстати, как думаете, если тетушке Молли предложить отдельную плату, она способна соорудить более съедобную пищу? Я к тому, что раз тот мужик, у баракон, шкуру скоблил, то и мясо должно быть. Хотя бы теоретически?

— Кто о чем, а вшивый о бане, — засмеялся Виктор. — Ты что, в самом деле так изголодал или прикалываешься?

— Чтоб моим недругам всю жизнь так прикалываться, как я жрать хочу, — досадливо махнул рукою Леонид и побрел в сторону Гимназиума.

Вблизи здание не впечатляло. Еще один барак, только крупнее остальных. Даже дверь не удосужились нормальную навесить. В том смысле, что вход прикрывало нечто, больше похожее на фрагмент дощатого забора, кое-как подогнанный под проем. Еще и на кожаных петлях.

Дверь резко распахнулась, словно приглашала войти, но на самом деле из нее наружу шагнул высо-

кий, атлетического сложения мужчина. Да так быстро, что Леонид непроизвольно попятился.

— Вам чего? — пророкотал неизвестный могучим басом. — А, неофиты... — прогромыхал, окидывая быстрым взглядом замершую перед дверями троицу. — Похвально, похвально. Учение свет... Я — Аристарх Силуянович Левша. Наставник.

— Мы еще ничего не решили, — ответил Леонид, поскольку невольно оказался на острие условного треугольника и ближе всех к наставнику. — Может, посоветуете, с чего начать?

— Почему нет? — голос понизился на пол-октавы. Наверное, в исполнении Левши так звучал шепот. — Вообще-то, делиться знаниями и давать советы моя работа, за которую принято взимать плату... но коль уж мы с вами вот так случайно встретились... в неурочное время, и я до вечера совершенно свободен... А если заметят, — он подмигнул, — я ухаживаю за девушкой. Юные барышни, особенно столь прелестные, в наших местах такая редкость, что этому никто не удивится.

Наставник ловко проскользнул мимо Леонида и, заняв место между Виктором и Олей, галантно поклонился девушке:

— Разрешите предложить вам руку.

— Руку? — растерянно переспросила Оля.

— Увы, — со вздохом, больше похожим на приближение урагана, подтвердил наставник. — Поскольку сердце ваше уже не свободно.

Подхватив девушку под локоток, он демонстративно указал свободной рукой на дверь, из которой только что появился, и буквально преобразился в типичного балагура гида.

— Итак, друзья мои! Прошу обратить внимание на здание, в которое вы не успели зайти. Именно здесь

вас обучат полезным навыкам, помогающим выжить. Причем, прошу обратить на это особое внимание, за вполне умеренную плату.

— У вас классно получается... наставник, — изобразил аплодисменты Виктор.

— Благодарю, — Левша улыбнулся. — Но в каждой шутке имеется...

— ...доля шутки, — закончил Леонид.

— Вот именно. Общие знания — одно занятие, стоимость двадцать монет с неофита или тридцать с группы. Повышает уровень ваших навыков наставник Ицхак Гольденберг. Увидите его, не ошибетесь. Он же отвечает на всякие важные вопросы.

Леонид и Виктор многозначительно переглянулись.

— Азы и мастерство владения всеми видами оружия — наставник Сирко. Полный курс обучения занимает трое суток, поэтому обойдется в шестьдесят монет каждому. Как вы сами понимаете, это умение — дело личное, суеты и толпы не терпит. А еще Иван Сирко улучшает навыки выживания, и стоит это будет примерно пятьдесят монет. Зависимо от того, что вы уже знаете и умеете.

— Секунду, — Виктор недоверчиво посмотрел на наставника. — Когда я начинал заниматься боксом, нас только правильно передвигаться и удерживать равновесие больше месяца учили. А тут за три занятия из новичка фехтовальщика делают? Это шутка?..

— Надеюсь, вы не обидитесь, если я не стану обсуждать с вами секреты чужого мастерства? — прогудел Левша. — Ну, а я... за жалких сорок монет подниму ваш интеллект, а также способности к восприятию на новый уровень. И вы гораздо легче сможете обучиться всему, что понадобится. Например — владению

языка той местности, куда попадете после Перепутья. Легче и быстрее поймете чужие обычаи. Навыки мореплавания. Травничество и общие знания молодого знахаря. Могут научить охотиться, а заодно освоить азы искусства следопыта... К последним прилагается новый уровень ловкости.

Левша сделал паузу, давая улечься в головах слушателей полученной информации.

— Ну, как? Интересно?

— И что, все перечисленное за сорок монет? — как настоящий экономист, уловил нестыковку Леонид.

— Простите, неправильно сформулировал, — как бы немного смущенно, но при этом хитро улыбаясь, пробасил наставник. — Конечно же, каждый выбранный навык оплачивается отдельно. Но, поверьте, эти деньги будут потрачены не зря. И в своем путешествии вы не раз вспомните добрым словом время, проведенное в стенах Гимназиума.

— Кто ж спорит, — кивнул Леонид. — Особенно если при этом не надо пять лет протирать штаны.

— Совершенно с вами согласен, — Левша назидательно поднял палец. — И чтоб не откладывать обучение на завтра, предлагаю совместить нашу приятную прогулку с ознакомительной беседой. За чисто символическую плату.

— Сколько? — уточнил Виктор.

— Отдадимся во власть Фортуны, — небрежно взмахнул кистью наставник. — Что из кошелька вытащите, то и сойдет. Беседа не лекция, тут гильдией наставников точная цена не предусмотрена.

* * *

Фортуна решила, что за осмотр местных достопримечательностей вполне достаточно пары монет.

Серебряной и медной. Впрочем, уж совсем на ее благосклонность команде новичков не стоило уповать. Просто монеты достоинством в полтинник и парочка «золотых» лежали в отдельном от мелочи мешочке, спрятанном в самом надежном, по мнению женщин, месте. То есть на груди. Точнее, между ними. И в декольте Оля, естественно, руку совать не стала. Все-таки хорошая вещь шнуровка на платье... экономичная.

— Годится, — одобрил размер гонорара и наставник. — Итак, друзья мои, предлагаю сразу переместиться к самому важному месту во всей округе. Я бы даже сказал, точке, ради которой существует и все остальное.

— Переместиться? — переспросила Оля. — Как?

— Обыкновенно, — Аристарх Силуянович куртуазно, словно в танце развернул девушку кругом. — Вот по этой тропинке. Здесь недалеко... Да, — повторил он с ноткой грусти, — здесь все недалеко... Знаете, — прибавил неожиданно, — я всегда завидовал неофитам.

— Позволено ли будет узнать, чему именно, — поинтересовался Леонид. — Не тому ли, что тобою помыкает каждый, кому не лень? Пользуясь тем, что ты ничего не знаешь... Даже проводники не захотели с нами разговаривать, пока первый раз сквозь Перепутье не пройдем.

— Это правда, — согласился Левша. — Зато вы никогда больше не ощутите того флера неизвестности, который сейчас окутывает каждый ваш шаг. Впереди много радостей и горечей, испытаний и побед, но момент узнавания не повторится. Вспомните дивный рассвет, который вы встретили, познав любовь, и сравните то ощущение с утром всех остальных дней! Что

ни говорите, а нет ничего прекраснее первого поцелуя, первого глотка прекрасного вина, первого прикосновения...

— Да вы романтик, — улыбнулась Оля. — А с виду суровый мужчина.

— Есть немного, — повинился тот. — Это ваше благотворное влияние... Нам сюда. Кстати, я не ослышался? Вы сказали, что проводники отказались с вами разговаривать?

— Да.

— Очень интересно! — прогудел Левша. — Но — невозможно.

— И тем не менее.

— Странно, — наставник непроизвольно потер мочку уха. Ту самую, которой, по мнению Оли, не хватало серьги. — Ведь это их прямая обязанность. Чтоб отказать в найме неофитам, нужна веская причина. Очень веская... Вы не расскажете мне, как это произошло?

Виктор взглянул на Леонида.

— Не вижу причин темнить, — пробормотал тот.

— Только самую суть. Без оценок и комментариев.

— Без так без... — кивнул Лысюк и по-армейски четко, несколькими предложениями описал инцидент, имевший место в кабаке.

— Вот как? — Левша задумчиво поглядел на Бурого. — Что ж, это меняет дело. Мне не вся суть предельно прозрачна, но мотив просматривается. Проводники не любят связываться с берсерком.

— А кто такой Берсерк? — Оля воспользовалась привилегией юных барышень задавать наивные и бесцеремонные вопросы. — И еще, наставник, может, хотя бы вы объясните нам, кто такой Ормульв Травник?

Левша сбился с шага и обескураженно глянул на девушку.

— А его вы откуда знаете?

— Аристарх Силуянович, — пожал плечиками Оля, — а зачем бы я спрашивала у вас, если б мы его знали?..

— Понятно... — Наставник кивнул. — Оно и к лучшему, что не знаете. А если встретите, не связывайтесь. Ормульв Травник по прозвищу Жнец не тот тип, с которым следует иметь дело. Особенно неофитам.

— Местный плохой парень, — хмыкнул Виктор. — Бармалей... С которым нельзя играть детишкам.

— Не точный вывод, — энергично мотнул головою Левша. — Ормульв не плохой и не хороший. Он — другой. Но вам сейчас этого не понять.

— Анекдот вспомнил, — простодушно улыбнулся Леонид. — Сын-третьеклассник спрашивает у отца о звездах. А тот отвечает, что сейчас слишком долго объяснять. И предлагает вернуться к этому разговору, когда сын будет изучать астрономию. Мол, тогда он ему за пять минут все растолкует.

— В точку, дети мои! — как на проповеди, прогудел наставник. — Но все не так печально. Ваше обучение и все остальное не требует многих лет. Кое-что я и другие мастера расскажем вам на курсах. А остальное поймете сами, с повышением уровня.

— Пусть так, — согласился Бурый. — Не хотите говорить, ну и не надо. Забудем о Жнце. Может, хоть о берсерках расскажете?

— Легко. Это открытая тема. Но только в общих чертах. Более подробно — если закажете курс изучения обычаев и традиций.

— Из вас, Аристарх Силуянович, получился бы отличный зазывала.

Левша развел руками. Мол, а что поделать, так устроен мир, и не нам его менять. По меньшей мере, с ходу.

— Слово берсерк образовано от старонорвежского *berserkr*, имеющего двоякое значение. Его переводят и как «медвежья шкура», и как «не носящий рубашки». Поскольку корень слова *ber*, может означать «медведь» или «голый». Ну, а *serkr* переводится как «шкура» или «шёлк». В более широком понимании — «ткань». В русском языке чаще используется вариант «берсерк». Что в переводе с английского имеет значение «неистовый, яростный».

— Это что, звуковая версия Википедии? — проворчал вполголоса Виктор, обращаясь к Оле. — Вернусь, дам Пилюлькину в ухо. Знал бы, куда нас запихнут, сам бы справочники полистал.

Вряд ли тутошнему наставнику полагалось знать, что такое Википедия, но отреагировал он правильно.

— Запомните, друзья мои, жизнь не имеет сослагательного наклонения. Либо сделано, либо нет. Рассказывать дальше?

— Рассказывайте, — пнул Виктора Леонид. — А кому не интересно, пусть грибы ищет. Не думал, что я такой страшный...

Теперь Левша замер на секунду, удивленно глядя на Леонида.

— Что, простите?

Потом улыбнулся.

— Ах, вот вы о чем. Уж не знаю, что принесет мой ответ — облегчение или разочарование, но могу заверить: ваше поведение в корчме совершенно ни при чем. Если только не рассматривать вас самих как первопричину цепи событий... А вообще-то боевой транс — очень нужное для воина умение. Особенно

осознанное. Но мы уже пришли, — Левша согнал с лица серьезность и снова превратился в разбитного гида: — Дамы и господа, обратите внимание — перед вами Алтарь Знаний!

Метрах в десяти тропинка упиралась в обычную двухметровую цилиндрическую колонну, диаметром с полметра. Возможно, мраморную. Вся необычность которой состояла из раскраски. Строго пополам, слева столб был белоснежный, а с другой стороны — чернее угля.

— Занятный камень, — оценил Леонид. — Инь и Янь, только не изогнутые.

— И каково предназначение Алтаря? — поторопился задать вопрос Виктор, чтоб замаскировать излишний багаж знаний товарища. Абсолютно не подходящий для носильщика с босыми пятками. Даже если он сын мельника.

— У Алтаря? — переспросил наставник, задумчиво глядя на Бурого. — А-а, ну да. Как обычно: место для поклонения и подношений. За обучение вы платите звонкой монетой непосредственно наставнику. Он, после занятия, выдаст вам амулет, свидетельство, что обучение пройдено. Этот амулет вы должны возложить к Алтарю Знаний. И только после этого обретенные навыки навсегда останутся с вами.

— А если не возложить?

— Не пройдет и месяца, как те умения, которыми вы не пользуетесь ежедневно, сотрутся и забудутся.

— Вот здорово! — восхитился Леонид. — Куда бы мне свой диплом возложить... вместе с аттестатом. А то еще немного, и все образование, кроме дебета и кредита, коту под хвост уйдет. Скоро на восход солнца молиться начну.

— А что, в вашей местности закату поклоняются? — проявил заинтересованность Аристарх Силуянович.

— Закату не закату, — ухмыльнулся Виктор, — а многие на Запад с вожделением посматривают. Будто там медом намазано...

Скриншот...

Пилуль

В дверь, украшенную неброской табличкой «Научно-исследовательский институт», Оля шагнула вслед за Леонидом, державшим в руке пластиковый прямоугольник пропуска. Виктор, нагнав их у входа, вежливо пропустил девушку, придерживая тяжелую створку, и вошел в здание последним.

Внутри НИИ походил на сотни своих же собратьев, как ксерокопия. Окраска стен и та типового светло-лазурного оттенка, с неизменными «немаркированными» панелями. В смысле на тон темнее. Длинные коридоры и двери, двери, двери...

Мужчины остановились у одной из них, наглядно демонстрирующей вершину человеческого разума в применении к хозяйственной части. А чем еще можно объяснить, почему створку сначала застеклили, а потом наглухо покрасили? Нельзя было сразу сделать сплошную? Фанеру сэкономили?

Дверь открылась так своевременно, словно в нее были вмонтированы датчики движения.

— Ну, где вас черти носят?! — На пороге возникла классическая фигура ученого в белом халате. Абсолютно лысого и в очках с толстой, «под черепаху» оправой. Ученый механически поправил

их, — хотя с такой мясистой переносицы они не свалились бы даже в бурю, — и возмущенно уставился на Лысюка.

— Сколько можно ждать? Блатом пользуетесь?

— Не пыли, Серый, — Виктор сунул ему под нос согнутую в запястье руку. — Ты на часы вообще смотришь когда-нибудь или только по солнцу время определяешь? Мы договаривались на одиннадцать, сейчас десять пятьдесят. Вопросы есть? Вопросов нет...

— Умные стали, — слегка понизил тон Сергей. — Эксперимент в одиннадцать должен начаться, все верно, но до этого еще целая куча подготовительных моментов.

Тут его взгляд переместился на Олю, и ученый отчетливо завис.

— Эй, ты чего? — Лысюк ткнул Пилюля кулаком в живот. — Говоришь, торопиться надо, а сам встал на воротах, как таможенник.

— Сейчас не понял. А где Жека?

— Не смог... Занят.

Виктор положил ладони Сергею на плечи и буквально затолкал товарища внутрь помещения.

— В команде замена. Или ты латентный мизогин* и программу затачивал так, чтобы она отторгала женщин? Признавайся, Серый, не любишь девушек? Боишься, что наука заревнует?

— Да иди ты... — Ученый высвободился из цепких рук Лысюка и поправил халат. — Просто мозг женский и мужской отличаются строением. Придется по-другому шлем настраивать. А на это тоже время понадобится...

* Женоненавистник.

— Зато будет больше разного материала... для изучения и сопоставления.

— Ну и где вы ее подобрали? — Пилюль по-прежнему недовольно супился. — От родителей справка имеется?

— Я, между прочим, не глухая, — отозвалась Оля. — И может быть, вам покажется это странным — даже разговаривать умею.

— Брек, — протиснулся вперед Леонид. — Оля, не обращай внимания. Пилюлькин, хорош выделяться.

— Ладно, черт с вами... — махнул рукою тот. — Возможно, так и надо. Фактор неожиданности. Только договор надо изменить. А то комиссия по технике безопасности потом из меня все жилы вытянет. И это не фигура речи...

Лаборатория напоминала небольшой демонстрационный зал, совмещенный с операционной и студией звукозаписи.

Перед огромным, во всю стену экраном располагалось три кресла, очень похожие на те, что устанавливаются в кабине космических аппаратов. А по всему периметру — столько всевозможной аппаратуры, что в глазах зарябило. Ну, и десяток живых существ. В таких же белых халатах, марлевых повязках, закрывающих лица, и — белых медицинских шапочках.

— Ого! — не сдержала восклицания Оля.

— А вы, милая барышня, думали, вас в песочницу куличики лепить пригласили? — ехидно проворчал Пилюль. — Кстати, паспорт с собой?

— Зачем?

— Пилюлькин, не грузи, — Виктор примирительно улыбнулся. — Такие страсти развел, что можно

подумать, ты астронавтов в полет к далеким звездам готовишь. А на самом деле пару суток на компьютере поиграть надо.

— Это он анкету хочет заполнить, — объяснил Бурый девушке. — А заодно посмотреть, что у тебя записано в графе «семейное положение». Да, ловелас ты наш, молю побитый.

Сергей аж задохнулся от возмущения.

— Ты... Да ты... Понимал бы что, сапог кирзовый. «Как надену портупею — все тупею и тупею!» — ну точно про тебя. Ольга, я по глазам вижу, вы интеллигентная барышня. Как вас угораздило с этими питкантропами связаться? А знаете, я даже рад, что вы с ними. Честное слово. Ну хоть кто-то умный в звене должен быть. Пусть даже блондинка...

— Это вы меня сейчас похвалили или обидели? — насупила бровки девушка. Неожиданная авантюра нравилась ей все больше.

— Как я понимаю из ваших реплик, — оставил вопрос без ответа Сергей, — вы даже не удосужились объяснить девушке, во что втравливаете?

— Точно, — кивнул Лысюк. — Не успели. Не до разговоров было. Но пока ты свою бухгалтерию оформишь, мы введем Олю в курс дела...

— Нет уж! — ученый снял очки, протер их полою халата и водрузил обратно. — Такое важное дело, как инструктаж, доверить вам — совершить преступление против науки. Наташа! — он подозвал к себе одну из сотрудниц. — Возьмите у девушки паспорт, оформите контракт и допуск. Потом принесите журнал по технике безопасности на подпись.

— Хорошо, Сергей Данилович.

Девушка в белом приняла от Оли удостоверение личности и плавно удалилась. Походкой дорогой се-

кретарши, а не лаборантки. Леонид с Виктором даже засмотрелись.

— Эй, очнулись! — щелкнул пальцами Пилюль. — Занимайте места и слушайте. Виктор, твое левое кресло. Леонид, твое среднее. А Оле то, где должен был сидеть Жека. Хорошо, что наш гонщик мелкий, как жокей. Не придется подгонять...

Бурый подмигнул товарищу.

— Вот видишь, все срастается. А ты паникуешь.

— Я не паникую! — Сергей даже ногою топнул от возмущения. — Я просто не люблю неожиданностей. Особенно на последней стадии испытания. Ты даже не представляешь себе, сколько Министерство обороны вбухало денег в проект! И если мы его запорем, меня завтра мобилизуют и отправят служить куда-нибудь поближе к линии перемены дат.

— Теперь понятно, откуда такая нелюбовь к военным, — многозначительно кивнул Лысюк. — Как и положено хомо сапиенсу, огрызаемся на кормящую руку?

— Не огрызаемся. А опасаемся, что она сегодня кормит, а завтра за загривок ухватит.

Сергей немного помолчал, дожидаясь, пока все рассядутся. Потом дал знак, и будущих испытателей немедленно окружили ассистенты.

— Так вот, Оленька... Как понятно из названия института, наша профильная тема — свойства человеческого мозга. Вернее, возможность его взаимодействия с электронными системами. Эксперименты в этой области ведутся давно, и не только в нашей стране. Есть результаты удачные и наоборот... В общем, пару лет тому была выдвинута теория, что лучше всего человек раскрывается во время игры. Не зря же этот принцип стоит во многих обучающих системах. Итогом стало

появление виртуального тренажера для подготовки бойцов особого назначения в нестандартных ситуациях. Курсант погружается в состояние транса, а его сознание переносится в виртуальный мир. Вполне возможно, вы будете помнить, что вокруг все понарошку — не знаю... Но что ощущения абсолютно реальные, не сомневайтесь. Сунете руку в огонь — вззоете во весь голос. Поэтому постарайтесь напрасно не рисковать. Умереть вам никто не даст, но и того, что испытаете, для психики хватит.

— Куда именно ты собираешься нас забросить? — проявил интерес Лысюк.

— В тренажере сотни игровых схем и исторических данных. Что именно он смоделирует, предугадать не берусь.

— То есть с учетом интересов заказчика мы вполне можем оказаться на передовой, где-нибудь под Смоленском, в году одна тысяча девятьсот сорок первом во время наступления немцев?

— Как один из вариантов, — пожал плечами ученый. — Но в любом случае вас не убьют. Система предусматривает три способа эвакуации: добровольный и два принудительных. Добровольный прост, как «Отче наш». Достаточно трижды произнести вслух или мысленно: «Я больше не играю!» — и все, кина не будет. А принудительный... — Сергей сперва показал на мониторы, занимающие всю стену, потом прикоснулся ладонью к рукояти в изголовье кресла Леонида. Такие же были и на двух остальных «рабочих местах».

— На экранах мы увидим все, что будет происходить с вами. И как только ситуация выйдет из-под вашего контроля или станет смертельно опасной, а вы сами по какой-либо причине покинуть игру не сможете, я «дерну за веревочку».

— Что ж это за ситуация, когда можно не успеть подумать пару слов? — удивился Леонид.

— Тебе весь список огласить?

— Удар по голове, — вместо Пилюля ответил Виктор.

— Совершенно верно, — кивнул Сергей. — А если это будет сопровождаться падением с большой высоты или... за борт? Захлебнешься раньше, чем очнешься. Именно во избежание таких неприятностей и вшит тройной уровень защиты. Кстати, Оля, что-то вы притихли. Не передумали? Пока не поставили подпись в журнале, можете отказаться.

— Могу?

— Конечно, — взгляд серых глаз за толстыми линзами заметно погрузтел, но твердости в голосе не убавилось. — Насильно удерживать не станем. Во-первых, не имеем ни морального, ни какого другого права. А во-вторых, принудительный труд, то бишь рабство, давно отменен из-за неэффективности.

— Тогда... — Оля посмотрела на своих недавних знакомых. Взвесила напряженный взгляд Виктора, чуть просительный Леонида и кивнула: — Я остаюсь. Но вы не сказали, на какой срок рассчитан эксперимент.

— Разве? Дней пять. Максимум неделя. Таймер обратного отсчета для первого вхождения выставлен на сорок восемь часов. Каким будет поправочный коэффициент в игровом поле, я не знаю. Но, думаю, не больше двойки.

— Семь дней?! — Оля чуть не вскочила с кресла, но тут же и успокоилась. Вот и хорошо. В институте отмазаться не проблема, а родные пусть поволнуются. После такого наезда на пользу пойдет. — Жаль... Я рассчитывала на месяц, не меньше...

— Слышь, Серый, — снова окликнул товарища Леонид. — А как это вообще будет? Хоть приблизительно?

— Никогда в РПГ не резался?

— Да так, не особенно. Меня больше экономические симуляторы привлекали. В крайнем случае — стратегии.

— Как я уже упоминал, количество вариантов зашкаливает. Но общие принципы вряд ли изменятся. Сперва вы окажетесь в каком-то предбаннике, где игрокам объясняют условия игры. Потом в тренировочной зоне или на нулевом уровне сложности. Мир будет хоть и придуманный, но вполне реалистичный. Без магов, эльфов, троллей и синих марсиан. Поскольку на сегодняшний день Министерство обороны таких потенциальных противников не рассматривает. Вам будут противостоять воины, охотники, разбойники... Гораздо лучше вас приспособленные к тому времени и предложенным обстоятельствам, но — обычные люди. Которым не чуждо ничто человеческое. Соберитесь, проявите смекалку, свои сильные стороны, найдите их слабые места — и вы не просто выживете. Вы — победите.

— Звучит не слишком оптимистично... Так и хочется воскликнуть в ответ: «Ave, Caesar, morituri te salutant!»*

— Чем богат. Если честно, я даже не знаю, подкинет вам машина индивидуальное прохождение или нарисует что-то для всей группы. Неоспоримо одно — летальный исход исключен! А теперь закройте глаза, расслабьтесь и думайте о приятном.

* Славыя, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя! (Лат.)

— И окажемся в другом мире?

— Не так быстро, — рассмеялся Пилюль. — Сейчас ассистенты только подгонят аппаратуру. А потом вас ждут менее приятные процедуры. Гигиенического плана...

— Хорошо. Но прежде ответь еще на один вопрос. Только честно. Почему мы?

Сергей снял очки, подышал на них и старательно протер стекла. Потом водрузил их обратно на мясистый нос и вздохнул.

— Правду сказать не получится, а врать не хочу. Зато, парни... — он изобразил поклон в сторону Оли: — Пардон, мадемуазель. В свою очередь я не стану спрашивать, по какой причине и от кого вы прячетесь. Думаю, это справедливый обмен. А главное — обоюдовыгодный.

Глава шестая

ОРЕШЕК ЗНАНИЙ ТВЕРД

Голоса других носителей знаний услышали издали. Двое мужчин, подходящих под описание Левшой остальных наставников, оживленно спорили о чем-то у входа в здание Гимназиума.

— О! А вот и мои коллеги проснулись! — чуть переигрывая, радушно и громогласно объявил Аристарх. — Доброе утро, господа! Минуточку внимания! У нас пополнение. Еще трое неофитов изъявили, так сказать, желание припасть к источнику.

— Это великолепно, — кивнул наставник, одетый в национальный костюм аптекарей, лавочников и корчмарей, того покрою, который они носили еще

до того, как стали уважаемыми юристами и банкирами. — Разрешите представиться, молодые люди. Ицхак Гольденберг. Если вам будет угодно, то я поведаю вам о многих вещах, которые вы доныне считали обыденными и неважными мелочами и которые на самом деле вполне способны сыграть в жизни человека решающую, я бы даже сказал, роковую роль.

— Очень приятно, — Оля изобразила книксен. Увидев это, Леонид, сунувшийся было с рукопожатием, остановился в нерешительности. А после ограничился неуклюжим кивком.

— Доброго дня, — Виктор избрал самый нейтральный вариант.

— Жизнь всегда прекрасна, новики, — проворчал третий наставник. Среднего роста, широкоплечий, жилистый. Загорелый до черноты. С вислыми седыми усами и прической в стиле запорожского чуба, невольно вызывающего улыбку. Но встретившись с ним глазами, Виктор вздрогнул. — Иван Сирко. Наставник по оружию, — представился тот. — Мое обучение самое длинное и трудоемкое, поэтому сперва определимся с ним. Остальные науки доберете в свободное от войсковых тренировок время.

— Атаман, — прогудел Левша, — мы с Ицхаком, конечно же, в курсе, что наглость — восьмое чудо света, а бесцеремонность — твое второе имя, но нельзя же так с ходу...

— А чего тянуть вола? — пожал широкими плечами тот. — Ну что, поглядим, кого судьба на наши шеи послала в этот раз...

Он остановился перед неофитами и, подбоченясь, стал разглядывать их, словно товар на ярмарке.

Виктор отнесся к этому с полнейшим пофигизмом — не первый строевой смотр в его жизни. Леонид

чуток нервничал, но тоже не дергался. Первой не выдержала Оля.

— И во что же вы нас оцениваете?

— Один ломаный грош. В базарный день и за всю троицу... — почесал бритый затылок наставник. — В общем, так. Ваше право выбирать, чему учиться. Но чтобы зря не тратить мое время и ваши деньги, скажу прямо. С девицей заниматься бесполезно. Не бабское это дело. И не хмурься, красавица. Не хмурься. У тебя свой арсенал имеется, не менее смертоносный, чем кинжалы и сабли. Вот только как им пользоваться, учиться нужно не у меня... — Сирко пожевал ус. — Если будешь настаивать, я покажу, как работать посохом и метать ножи. Чтоб от зверья отбиться. Хотя поверь старому казаку, это не твой путь.

— Понятно, — надула губки девушка. — Парням солдатики и танчики, а нам — куклы и бантики...

— Кто мы такие, чтоб оспаривать права натуры, создавшей мужчину и женщину по разным чертежам? А если ты и с этим не согласна — поговори с Ицхаком... Адаптация — его парадия.

Наставник потерял к девушке всяческий интерес и подошел ближе к Леониду. Внимательно посмотрел ему в глаза, и похоже, увиденное ему не понравилось.

— М-да... И как же, парень, тебя так угораздило... Головой в детстве не ушибался, часом?

— Шрамов нет, родители не рассказывали, а сам не припоминаю, — честно ответил Бурый. — А что?

— Помутнение разума случается?

— Чего?! — вскинулся Леонид, но тут же и увял под ледяным, пронизывающим насквозь взглядом. С такими глазами и клинок не нужен. — Хотя если вдуматься...

— Неожиданные приступы ярости, увеличение силы и проворства? Видения странные? Сны яркие и необычные?..

— Раньше очень редко... Теперь участились. С первого дня экспер... Как мы в Гавань пришли.

— Что ж, тело не в самой худшей форме, хоть и многовато дурного мяса. Зато с разумом крепко поработать надо... Только времени для этого нет, и денег у тебя не хватит. А не доводить начатое до конца не в моих правилах.

— Наставник, вы хоть намекните, что со мною не так? — попросил Леонид.

— Это можно, — кивнул Иван. — Если оплатишь однодневное занятие, я научу тебя, как владеть собой, когда темная сторона разума очнется. Заодно еще парочку полезных воину мелочей покажу. Остальное — опять не ко мне. Ну, да не беда, умного жизнь всему научит, а дурень никому не нужен... Что касается тебя, — Сирко шагнул к Лысюку, — тут все понятно. Можешь оплатить полный курс.

— Спасибо, наставник... — Виктор отступил и спрятал руки за спину. — Воздержусь. В другое время я принял бы ваше предложение с радостью, но не теперь... Уж простите. Всерьез воевать я больше не намерен. Обрыдло... А по мелочи и того, что уже умею, хватит.

— Вольному воля... — наставник обескураженно хмыкнул. Видимо, впервые встретил того, кто не хотел стать лучше. Но убеждать не стал. А тем временем вперед высунулся Бурый.

— Наставник Сирко, возьмите меня. Я хочу пройти обучение. Пусть даже самое начальное. Мне не нравится то, что со мною происходит, и я готов заплатить и потратить столько времени, сколько понадобится... Чтоб понять хоть что-то.

В этот раз атаман жевал усы дольше. Потом кивнул.

— Добро. С тебя сорок монет. Определись с временем групповых занятий, если таковые будут, и приходи...

Заметив некую общую растерянность, Левша добродушно прогудел:

— Выше нос, друзья! Один мудрец говорил, что битву нужно выигрывать до ее начала. Так что оружие — это всего лишь последний аргумент в споре.

— Зато самый убедительный, — проворчал Сирко.

— И все же последний, который применяют, если другие методы не помогли. Или — вы не сумели ими правильно воспользоваться!

Тут он умолк, не опуская палец. Выдержал паузу и торжественно завершил:

— Так вот, именно для того, чтобы разум мог победить грубую силу, и наличествуют другие знания. Которые мы с Ицхаком можем вам открыть. Добро пожаловать на занятия по общим предметам.

— Вам бы в депутаты, с таким талантом, — тихонько пробормотала Оля.

Виктор напрягся, но Сирко с Ицхаком многозначительно переглянулись и рассмеялись, а Аристарх даже не мигнул.

— Если помните, я говорил, что начинать обучение следует с адаптации. И это логично. Как можно выбрать нужное знание, если понятия не имеешь — что именно понадобится в жизни. Ицхак, очнись и принимай учеников. А мы с Атаманом используем случившийся выходной по прямому назначению.

— Разумно, — согласился Сирко. Потом повернулся к Леониду: — Если не передумаешь, жду тебя

завтра на рассвете. Опоздаешь — можешь не приходить вообще. Разгильдяйства не терплю!

— Как скажете, наставник.

— Пошли, пошли, — Левша бесцеремонно схватил Ивана за рукав и потащил прочь. — Не мешай раввину работать. Сегодня ему за всех нас отдуваться...

— Господа наставники! — неожиданно окликнул их Виктор. — Не будет ли чрезмерной наглостью, если я попрошу разрешения угостить вас?

— Угостить? — Аристарх поглядел на Сирко.

— Хозяин барин, — пожал плечами Атаман. — Вообще-то принято выставлять магарыч за науку, а не вперед, но если новик хочет оказать уважение старым казакам...

— Уверен, что общение с вами даст мне пользы и знаний не меньше, чем моим друзьям лекция господина Гольденберга, — сделал небольшой прогиб Лысюк.

Виктор всего лишь на секунду представил себя сидящим за партой и понял, что не сдюжит. Оля с Леонидом могут проходить «учебку», курс молодого бойца и все такое, а ему необходимо действие. Хоть какое-то. Чтоб не думать о матери. Но и бросаться очертя голову в прорубь по меньшей мере не профессионально. Не салага-первогодок, в самом деле.

— Ладно, пошли, — кивнул Иван. Видимо, старый воин тоже что-то такое почувствовал в парне. — Только не плачься потом, что не дюж...

* * *

Алкоголь способствует общению. И то, о чем трезвый умалчивает, легко соскальзывает с языка, смоченного горилкой. А Виктору очень хотелось с помощью наставников выяснить, что собой представляет та-

инственный Жнец. Или хотя бы узнать, чего от него можно ожидать — помощи или пакости? Поскольку в его представлении эта личность не монтировалась с игровыми традициями. В смысле совершенно. Поскольку разную мелочевку, типа проскальзывающие в разговоре словечки или понимание «неписями» лексики современного человека, можно было списать на небрежность программистов.

— Я не знаком со здешними обычаями и меню... — начал было Лысюк.

Сирко положил ладонь ему на плечо и буквально развернул на месте. Словно не с живым и довольно увесистым мужчиной имел дело, а управлялся с вырезанной из фанеры ростовой фигурой.

— Не тушуйся, новик, разберемся. Давай, двигай, вон к тому столу... Привет честной компании! — сотрясая стены точно раскатами грома, проорал Сирко. Голос у наставника оказался зычным. Не хуже баса Левши. Таким хорошо командовать армиями или управлять кораблем в шторм.

С десяток мужиков, сидевших за столами ближе к очагу, где жарилась на вертеле полутуша какого-то животного, ответили не менее радушно:

— И тебе не хворать, Атаман!

— Где пропадал, Иван?

— Не надоело с неофитами нянчиться? Может, присоединишься к нам? Когда пути откроются. Эй! Калита! — не снижая голоса, продолжил Сирко. — Принимай гостей! Уснул, что ли, черт колченогий?!

— Здорово, Атаман! — ответил кто-то у дальней стены, неразличимый со света. — Чего шумишь?

— Соскучился по тебе, корчмарь! — хохотнул тот.

— Другое дело... — не менее жизнерадостно заржали в ответ. — Челом, Аристарх! Горло промочить заглянули или всерьез отдохнуть?

— У новика спроси. Он платит. А я в его мощну не заглядывал, — ответил Сирко.

— Что скажешь, парень? — К столику приблизился хозяин заведения. Красномордый, пузатый, но с такими мощными лапищами, что у иного горожанина ноги и то тоньше.

Происходящее сильно напоминало проверку на вшивость. Начнет Виктор мяться — плохо для имиджа. Проявит сгоряча щедрость — может в долги попасть. Вдруг тут цены как в «Арагаве»? Черт! Вот что Сирко имел в виду, когда намекал, что инициатива наказуема! И решать надо быстро... А, плевать! Он пришел получить ответы и просто так не уйдет! Впрочем, он для них кто? Неофит, новик. Так что если это и подстава, то вряд ли беспредел. В рамках издевки. Чувствительной, но не смертельной. Чтоб очередной раз напомнить салаге, что он здесь никто и звать никак.

Калита ждал. И не только он. В корчме повисла оглушительная тишина. Как перед грозой...

«Интересно, — подумал Виктор, — сколько новиков, мнящих себя крутыми, в подобной ситуации уже облажалось? Но тут вам не обломится, господа-товарищи. Не на того напали. Не первый год замужем... Сперва прапорщиков научите на место ставить, а потом губу раскатывайте».

— Не знаю, что в ваших краях значит «отдохнуть», — чуть небрежно произнес Виктор, — тем более «всерьез», но наставникам подай все, что закажут. А заодно поднеси по кружке и всем остальным...

Тишина не нарушилась. Видимо, кульминация еще не наступила. Ну да, сумма-то не озвучена.

— И чтоб не отвлекаться потом от веселья, — неторопливо продолжил Виктор, — скажи сразу: сколько с меня полагается?

— Угу, — ожил корчмарь, — думаю, со... — он посмотрел на Сирко и быстро поправился, — пятьдесят монет в сам раз будет. А если еще десятку набавишь — завтра всех опохмелю бесплатно.

На секунду Виктору показалось, что попал под прицел. И стрелок уже выбрал свободный ход спускового крючка... Корчма ждала ответа.

— Держи.

Виктор выложил на стол полтинник и придавил его сверху десяткой. Если честно, ожидал больших растрат. У него еще оставалось двадцать монет. Впрочем, не вечер...

— Закусить тоже что-нибудь съедобное подай.

Хозяин корчмы проворно сгреб монеты.

— Все споровим в лучшем виде. Не сомневайся.

— Любо, — прогудел Сирко. — Это по-нашему, показачки. Что не пропил, то пропало!.. — потом негромко поинтересовался: — Не мое это дело, парень, но глядя на тебя, не скажешь, что в поясе деньга водится.

— А ее до вчерашнего вечера и не было, — простодушно ответил тот. — Задание я взялся одно исполнить. За Перепутьем... Вот и разжился чуток.

— Любопытно, — Левша и Сирко переглянулись. — Расскажешь? А то я впервые слышу, чтобы кто-то рисковал неопитам наперед платить.

— Да это и не задание вовсе. Скорее, поручение... — но поскольку наставники глядели выжидающе, Виктор продолжил: — Ястреб попросил меня передать своему приятелю весточку.

— Ястреб... весточку... — задумчиво повторил Сирко. — И сколько он тебе за эту услугу отсыпал?

— Пять сотен... — чуть замешкавшись, Лысюк решил сказать правду. Явного подвоха в вопросе наставника не ощущалось. — А что?

— В общем-то, это не наше дело, — произнес Левша, после того как они с Иваном снова переглянулись. — Но если Ястреб готов платить, значит, все труднее, чем кажется. Как минимум вдвое. Так что гляди в оба, парень.

— Может, вернуть оплату и ну его? Терпеть ненавижу, когда мною играют втемную.

— Виктор, — Левша задумчиво потеревил мочку уха, — я бы не советовал!.. Судьба не любит тех, кто, сделав шаг вперед, тут же начинает пятиться. Особенно если ты намерен пройти весь путь.

— Нет так нет, — флегматично пожал плечами Виктор. — Спасибо за совет. О, а вот и хозяин...

— За смертью его хорошо посылать, — проворчал Сирко, беря с подноса кружку, увенчанную тяжелой пенной шапкой. — Варить ты его ходил, что ли?

— Угадал, — незлобиво огрызнулся тот. — Ячменя на вас не напасешься. Тор с его бездонным рогом и тот обзавидуется.

— Не стоит поминать богов всуе, — погрозил корчмарю Левша. Совершенно серьезно.

— К слову я... — стушевался тот и убрался к стойке.

— Ну, будем здоровы! — Сирко отодвинул пустую кружку, а здравницу произнес, поднимая следующую: — А ты, новик, чего на пиво как на врага смотришь?

— Да вот, подумал, — ощущая какой-то веселящий кураж, ответил Лысюк. — Может, не оттягивать не-

избежное, а взять и прямо сейчас податься к Перепутью? Как считаете? Скучно мне здесь.

— Это твоя судьба тебя там ждет, а не наша. Решил, что знаешь и умеешь достаточно, твое святое право, — лениво произнес Левша.

— Пей, — махнул на него наставник оружия. — Чувствую, не скука, а тревога гонит тебя, парень. Но поверь старому казаку, голой задницей ты ежа не напугаешь. С голыми руками в путь собрался? Учиться не хочешь, твое право, но высовываться в мир без оружия — безумие. И поскольку ты не слишком бедствуешь, думаю, Хмель сможет подобрать кое-что по руке. Тебе что больше по душе: секира или меч?

В ответ Виктор только плечами пожал.

— Понятно, — вздохнул Иван. — Порох да свинец окончательно воинов испортили. Впрочем, за угощение один совет все же дам. Прими как истину! Хочешь выжить — на первых порах стань невидимкой. Иначе юной пленнице на пиру победителей проще сохранить невинность, чем тебе дожить до конца недели...

Потом удрученно махнул рукой и присосался к кружке с таким видом, что даже самый тупой смог бы понять: разговор окончен.

«Ну уж нет, — подумал Виктор. — Так просто вы с темы не съедете. Пейте, пейте... Главного вопроса я еще не задал!»

* * *

В отличие от Левши, так и не пожелавшего ничего дополнить к сказанному ранее о личности Ормульва, наставник оружия отвечал на расспросы не то чтоб охотно, но и не делая таинственного лица. Загадочности хватало в ответах.

— Ормульвом Травником интересуешься, новик? — оторвался Атаман от пивной кружки, когда это имя прозвучало за столом в третий раз.

— Интересуюсь, наставник Сирко, — подтвердил Виктор, словно это и так не было понятно.

— Зачем он тебе? Только не говори, что и от Жнеца кому-то весточку передать надо.

— Нет, — Лысюк посмотрел в глаза старого казака и решил сыграть в открытую. — Но он слишком часто возникает рядом и проявляет чересчур пристальное внимание к моим родным.

— Сестре или брату?

— К обоим.

— М-да... — подергал серьгу Сирко. — Не могу сказать, что это хорошо. Но и опасаться вам, скорее всего, пока нечего. Травник не хуже остальных понимает, что связываться с неофитами бессмысленное занятие. Вы все что пыль... Ветер повеет — и унесетесь, даже следа не оставив. Верно, Аристарх?

— Соответствует истине, — прогудел тот. — Но в любом случае от Жнеца лучше держаться подальше.

— Спасибо, конечно... — Виктор ощутил досаду. — Я и сам на свидание к нему не спешу. Он сам приходит. Только вы так и не объяснили: кто он?

— Жнец? — задумчиво переспросил Сирко, словно разговор сейчас шел как минимум о нескольких личностях.

Виктор только вздохнул и пригубил пиво. Кстати, в отличие от того, что подавала Грэтхен в «Веселом поросенке», совсем не супер. Видимо, товар братьев пивоваров в «Академгородок» доступа не имел.

— Травник компании не ищет, живет сам по себе и распространяться о своих делах не любит. Просто будьте начеку. Хотя Ормульв может и помочь вам,

если разглядел что-то, незаметное остальным. Но может и подставить... Если то, что он разглядел, хоть как-то помешает его делам.

— В точку, Атаман, — Левша хлопнул Сирко по плечу. — Ты удовлетворен? — наставник смотрел на Виктора насмешливо прищурясь.

Виктор промолчал. С одной стороны, за потраченные деньги можно было получить и более конкретный ответ. Но в то же время оба наставника повторили дважды: Травник, скорее всего, не опасен. А раз так, то он может с чистой совестью оставить Леонида и Олю одних.

— Аристарх Силуянович, наставник Сирко, спасибо за компанию и беседу, — Лысюк решительно поднялся. — Я запомню ваши советы. И в лавку к Хмелю загляну обязательно. Просьба у меня будет одна.

— Говори, — кивнул Атаман.

— Передайте, пожалуйста, моим, чтобы не торопились и прежние планы не меняли. Я их сам найду...

* * *

— Молодые люди предпочитают совместные занятия, или мне предстоит обучать вас по отдельности? — глядя на Олю с Леонидом, как бы в предвкушении удовольствия от неожиданного барыша, потер руки наставник.

— Вообще-то, господин Гольденберг, мы вместе, — заметил Бурый неуверенно.

Поступок товарища оказался слишком неожиданным. И даже то, что Виктор, уходя, подал условленный знак: «Все хорошо, так надо», ни в чем его не убедило.

— Верное решение, — улыбка слегка увяла на тонких губах наставника. — И экономное. За тридцать

монет я помогу вам полнее понять смысл жизни, ее тонкости и нюансы.

— Непроизвольная ассоциация с тридцатью серебряниками возникает... — сморщила носик Оля.

— Вы тоже заметили, да? — обрадовался Ицхак. — Говорил я, надо сорок монет взимать... Но раз уж вы остались и окончательно решили потратить мое время на обучение, то не будем забегать вперед. По ходу занятия большинство вопросов отпадут сами. Ну, а совсем уж непонятные оставим на закуску, чтобы сейчас не отвлекаться на каждый пустяк. Договорились?

Леонид кивнул. Пословица гласит, что один глупец способен задать больше вопросов, чем сто мудрецов смогут найти ответов. А Бурому совершенно не хотелось оказаться в этой роли. Тем более в глазах Оли.

Наставник подвел их к скамейке у стены Гимназиума.

— Присаживайтесь, и начнем... Итак, молодые люди, я имею сказать вам, что как только вы минуете Перепутье, то окажетесь на чужой земле среди людей, для которых привычные вам закон и порядок даже не пустой звук — они о них попросту никогда не слышали. А живут сообразно собственным верованиям и традициям... Посмотрите сюда. Видите этот чудесный кристалл на моей ладони? Кто сможет сосчитать, сколькими цветами сверкают его грани?..

Леонид послушно уставился на нечто яркое и переливающееся всеми красками радуги...

— Проснитесь, молодые люди, — окликнул своих слушателей наставник Гольденберг спустя пару минут, а может, и часов, суховатым деловым тоном.

Показалось или нет, но на улице заметно повечерело. А еще — отчетливо затекли ноги и спина.

— Завершая занятие, хочу подчеркнуть: мир устроен так, что если не переть сквозь него напролом, а с умом использовать опыт предков, то можно не просто выжить, но и жить.

— Интересная мысль, — хмыкнул Леонид, отчаянно пытаясь проморгаться и сосредоточиться. — Только, кажется, я ее уже слышал. От отца, наверное...

В голове гудело, словно он отключился при просмотре какого-то научно-документального фильма, и в дальнейшем информация накладывалась на сон, приобретая самые причудливые формы. Судя по осоловелому взгляду Оли, девушка ощущала нечто похожее.

— Родители всегда мудрее детей, — кивнул Ицхак. — Как бы молодым ни хотелось это оспорить, доказывая, что они способны жить своим умом. Даже не понимая, что ум — суть результат знаний, а мудрость — наследие опыта. И не приходит раньше определенного срока, как ни тужься. Надеюсь, понимание этой простой истины, вместе с теми знаниями, что вы сегодня почерпнули, поможет вам насладиться жизнью долгой, интересной и приятной...

— Нихбад Ицхак, — Левша и Сирко неслышно возникли рядом со скамейкой, на которой проходило занятие, — вечер уже... Сколько можно вещать?

Наставники старательно поддерживали друг друга, взявшись под руки. Но даже при этом слегка покачивались, словно под ногами у них была не земля, а палуба.

— Держи вот. Промочи горло... Пересохло, небось? — Сирко протянул Гольденбергу полную кружку. Как только не расплескал?

— Спасибо, Иван, — наставник сделал большой глоток. — Вовремя. Я как раз закончил с неофитами. Можно и причаститься.

— Закончил? Ну, и добре. Кстати, друзья мои, ваш брат просил передать, чтобы вы не ждали его, а сами действовали, как уговорились раньше.

— А где он сам? — спросила Оля.

— Пошел к Перепутью...

— Но почему без нас?!

— Он сказал, что не хочет тратить время попусту, все разведает и встретит вас там. Дня через два.

— Опять чудит, — с некоторой обидой произнес Леонид. — Ладно, это его дело. Не маленький. Аристарх Силуянович, мы бы с сестрой хотели вместе изучить язык того мира, куда можем попасть вероятнее всего. Но завтра мне к наставнику оружия. Может, вы подскажете, чему Оле не помешает обучиться?.. В индивидуальном порядке. Чтоб день зря не пропал.

— Подскажу, — охотно кивнул Левша. — На плечах у женщин обязанностей не меньше, чем у воинов. Особенно, когда мужчины получают раны и нуждаются в уходе. Да и вообще хозяйке в доме всегда есть чем заняться...

— Спасибо, наставник. Я согласна. Завтра увидимся, — Оля вскочила на ноги и дернула за рукав Леонида: — Пойдем к Перепутью. Может, еще успеем Виктора перехватить?

— Это вряд ли, но почему не попытаться, — Бурый не стал спорить, засидевшийся организм требовал разминки. — Спасибо за занятия, наставник Гольденберг...

— Всего доброго, молодые люди. Кстати, если от Перепутья возьмете вправо, примерно через милю будет чудесный, милый пруд. Можно искупаться, и вообще...

— Да, — подтвердили Сирко и Левша, синхронно качнувшись и переглядываясь с многозначительными улыбками. — Вообще тоже можно...

— И не забудьте вот эти амулеты к Алтарю отнести, — наставник Ицхак протянул на ладони парочку странных предметов, похожих на расплюснутых и высушенных до окаменелости лягушек. — До рассвета. Потом знания начнут стираться... Не сразу, но зачем терять то, что уже оплачено?

Глава седьмая

БЫЛ ГОЛОС РОБОК, МЕЛ В РУКЕ ДРОЖАЛ

Виктор никогда не страдал буйным воображением, но сейчас ему было, мягко говоря, не по себе. То ли хмель оказался чересчур заборист, то ли шалил избыток адреналина в крови, но даже от скалы на Перепутье веяло угрозой. Словно Лысюк оказался на месте ужасного преступления. Том самом, где серийный маньяк расчленил очередную жертву. И хоть труп уже убрали, земля вокруг еще помнила душераздирающие крики и мольбы о помощи.

— Нормально... — Виктор сплюнул. — Вот только шизы мне и не хватало.

Чтоб отвлечься, Виктор любовно погладил искиппице*. Хорошо отполированное дерево было теплым на ощупь и успокаивало, словно привычный приклад автомата.

Взять рогатину ему посоветовал Хмель. Хозяин оружейной лавки походил на корчмаря, как единоутробный брат. Такой же квадратный, только седой и не такой упитанный.

Порасспросив Виктора о том, где новик обучался ратному делу, и выслушав туманный ответ о трени-

* Древко рогатины.

ровках с соседом-ветераном, Хмель призадумался и взял из оружейной стойки рогатину — короткое толстое копьё с длинным, листообразным наконечником. Без каких-либо украшений или резьбы.

— Вот. Тут все просто. Уколол, шаг назад, удар тупым концом. Древко крепкое, не подведет. Ну, а наловчишься, сам видишь: рожон длинный, обоюдоострый — можно не только колоть, но и рубить. Как длинным мечом. Отдам за шестьдесят монет...

Виктор, взяв рогатину в руку, тут же понял, что лучше оружия ему даже искать не стоит.

— Договорились.

— Одежу менять будешь? — продолжил Хмель.

— Нет, — Виктор протянул оружейнику названную сумму. — Я на люди выходить не собираюсь. А для игры в прятки моя одежда вполне годится. Обувку только возьму.

— Понимаю. Сапоги или чуваки?

— Сапоги привычнее...

Если лавочник и заметил оплошность в ответе покупателя — интересный голодранец, привыкший носить дорогие сапоги, — виду не подал.

— Добро. Сейчас подберем. И сеть возьми. Недорого отдам.

Понадобится ли ему ловчая сеть по прямому назначению, Виктор уверен не был, а вот превратить ее в маскировочную...

— Сколько?

— Десять.

На этом и ударили по рукам.

Лысюк еще разок погладил крепкое искипище, словно набирался от него силы, и решительно кивнул. Дольше усидеть спокойно не получалось. Бессмысленно объяснять себе, что вокруг никого нет, если

спиной и затылком ощущаешь чужой пристальный взгляд. Виктор встал и, чуть задирая голову, побрел прочь от границы Перепутья. Сделал пару шагов и резко развернулся.

Сзади никого не было. Только равнодушная скала.

— Черт, черт и еще раз черт... Соберись, парень. Решил идти, так не топчись, как монах перед борделем. Тут же все понарошку, игра такая. Забыл, что ли?

Но внутренний голос с этим категорически не соглашался. Знаем, мол, какие бывают игры. Одни в штабах флажки по карте двигают, а другие на минах подрываются.

* * *

Перекресток за околицей Гавани, увенчанный отвесной скалой, пустовал.

— Не успели, — вздохнула Оля.

— Беспокоишься?

— А не следует? — Девушка высмотрела место с чистой травой, не прячущей в себе ни бодяков, ни муравейника, и присела. — Уф... Устала. Ноги гудят, словно весь день по городу носилась.

— Виктор не пацан. Боевой офицер. Если на войне уцелел, то в игровом мире тем более не пропадет... — ответил Леонид, присаживаясь рядом.

— Наверно, — Оля подняла голову, рассматривая высыпавшие на небо звезды. Еще блеклые, но непривычно больше. — Жаль...

— Чего? — не понял Леонид.

— Что астрономию в школе плохо учила, — без тени усмешки ответила девушка. — Сейчас бы и определили, куда нас забросило. Солнце везде одинаковое, а звезды разные. В северном полушарии одни, а в южном — другие.

— Да, — кивнул Леонид, — о Полярной звезде и созвездии Южный крест я тоже читал. Но, к своему стыду, должен признаться, что во всей этой россыпи различить могу только Большую и Малую медведицу. Кстати, а их как раз что-то не видать. Зуб даю... Но что это значит, даже не спрашивай. Тем более что все эти искорки могут вообще не иметь никакого смысла, а оказаться результатом игры воображения дизайнера. Поленился копировать что-то реальное и разбросал их, куда взбрело...

Бурый оторвал взгляд от звезд и посмотрел на девушку.

Оля по-прежнему всматривалась в небо, запрокинув лицо вверх, и чуть заметно шевелила губами. словно считала или разговаривала полусшепотом.

Леонид минуту или больше смотрел на нее, а потом, неожиданно даже для самого себя, наклонился и поцеловал.

Оля не отстранилась, но и не ответила.

— Извини... — Леонид отодвинулся.

— Зачем?

Голос девушки звучал очень ровно. Даже слишком...

— Не знаю, — честно ответил Леонид. — Как-то само собою получилось. Место романтическое, располагает. Да и ты мне нравишься... Очень.

— Давно?

— А это важно? — пожал плечами Бурый. — Умные люди говорят, что любовь на часы не смотрит.

— Возможно... Но ты так больше не делай... Пожалуйста. Хотя бы пока мы в нормальный мир не вернемся, — Оля взяла его за руку и легонько погладила, как мама, успокаивающая ребенка. словно это

не Леониду было под тридцать, а ей. Впрочем, давно подмечено, что девушки взрослеют раньше парней.

— Не обижайся, хорошо? Судя по всему, ты славный. И если мы с тобой... воспользуемся тем, что тут все понарошку, а потом не сложится... В общем, я не хочу, чтобы тебе было больно.

— Хорошо, я понял, — Бурый высвободил руку и обнял девушку за плечи. Почувствовал, как она напряглась, и прибавил: — Не бойся. Больше приставать не буду. Слово...

— Да я не из-за этого, — рассмеялась Оля, щупая землю под собой. — Давит что-то... Как ни высматривала, а камешек какой-то подвернулся. Принцесса на горошине... ага.

— Это лучше, чем собака на сене, — пробормотал себе под нос Леонид, а вслух добавил: — Ну, что? Сходим искупаться? Смыть гранитную крошку от надгрызенной науки, или сразу к Алтарю?

— Как, без благословения? — опять прыснула смехом девушка.

— Да ну тебя, — дуться и в самом деле было бы чересчур по-детски, и парень тоже рассмеялся.

* * *

— Эй, уважаемый Ицхак! Будь любезен, высунься на минутку! — позвал кто-то снаружи. Видимо, важный или нужный. Наставник вздел очи, оборвал объяснение, извинился, пообещав скоро вернуться, и вышел.

Честно говоря, Оля была только рада.

Ничто так не напрягало в этом неожиданном приключении, как отсутствие зеркала. Это ж настоящий кошмар — четверо суток находиться в компании с мужчинами и не иметь возможности проверить,

как ты выглядишь. А в комнате наставника стояло великолепное ростовое зеркало, чуть ли не в треть стены. Старинной венецианской работы. Одним словом, королевское загляденье, а не зеркало.

Оля, конечно же, демонстративно игнорировала его, чтобы не давать повода для насмешек, но мысли ее нет-нет, а возвращались к вожделенному предмету. И только лишь господин Гольденберг шагнул за порог, девушка тотчас оказалась перед зеркалом.

Отражение доставило удовольствие.

Большое зеркало охотно демонстрировало милое личико и точеную фигурку, выгодно подчеркнутую платьем средневековой горожанки. Вылитая Дюймовочка из одноименного мультфильма. Собственно, большинство знакомых так ее и называло. А какое еще прозвище пристанет, если роста в тебе чуть больше полутора метров, а весу — только-только за сорок килограммов. При этом — зеленые глаза в пол-лица и грудь третьего размера.

Вспомнив свое прозвище, она оправила одежду, развернула плечики, подмигнула отображению и улыбнулась.

— Хороша...

Как-то раз, при просмотре программы, обсасывающей демографический кризис, который государство пыталось решить, материально стимулируя женщин, не желающих рожать, бабушка сказала: «Вот балаболы. Неужели никто не понимает, что проблема не в деньгах. Рожать не от кого! Мужчины перевелись...»

Бабушка за полвека работы в родильном отделении помогла появиться на свет больше тысячи младенцев и скорее всего знала, что говорила, хотя Оля ее реплику не поняла. О чем и не преминула сообщить в свободной манере.

— Ты чего, бабуля? Да этих козлов как мух возле варенья. Только пальцем помани... Если свадьбой не пугать, ни один не откажется.

В свои двадцать лет Оля имела достаточный опыт общения с противоположным полом — причем различной возрастной категории, и он не оставил в душе девушки ни особо радостных воспоминаний, ни места для радужных надежд.

— Ты плохо слышишь? — бабушка убавила громкость телевизора. — Я говорила не о самцах, и даже не о мужиках. А о мужчинах! Это совершенно разные категории.

— Да? Они что, другого покроя штаны носят? — фыркнула девушка.

— Дуреха... — беззлобно проворчала бабуля. — Я даже время тратить на объяснения не стану. Встретишь суженого — поймешь.

— А если серьезно? — Оля знала, что бабушка любит пофилософствовать. Так почему не предоставить родному человеку несколько приятных минут?

— Серьезно?

— Еще как, — в искреннюю заинтересованность Оленьки поверил бы даже подвергающий все сомнению Станиславский.

— Ну, это долгий разговор. А если вкратце, мужчина — тот, с кем женщина готова завести потомство.

— В смысле папик с толстым кошельком, которому по карману обустроить и наполнить гнездышко? Бабуля, ты куда меня толкаешь?

— Разуму учу... Если не опоздала, — проворчала бабушка. — Папикам от таких дурочек совсем другое нужно. Семьи свои они давно создали, и если не сглупили, то и сохранить сумели. Нет, не буду объяснять. Поймешь, когда созреешь.

Разговор так и закончился без конкретики. Бабушка походя обвинила в деградации человечества парфюмерию, маскирующую настоящие запахи. Тем самым не давая людям сразу же, при первой встрече, отсекаать особей, неприятных на генном уровне. И свернула тему.

А ведь — вполне! От запаха иного ухажера воротило независимо от того, каким бы дорогущим одеколоном и дезодорантом тот ни пользовался. А Леонид, изрядно пропотевший, четвертые сутки не меняющий одежды, по-прежнему не вызывал у нее никаких негативных эмоций. Может, не следовало вчера так резко проводить грань в отношениях?

Оля на секундочку задумалась, а потом решительно тряхнула головой.

— Или все из-за того, что мы здесь понарошку и программой не предусмотрены запахи героев? Черт, голову сломать можно. Все так реально, что уже не знаешь, где реал, а где игра... Впрочем, курортный роман мне при любом раскладе не нужен. А о чем-то более серьезном я, как говаривала Скарлетт, подумаю завтра.

— Разумное решение, — одобрил бесшумно вошедший наставник. — К чему бы оно ни относилось. Ибо утро вечера мудренее. А сейчас продолжим. На чем нас прервали?

— Вы объясняли мне устройство и секреты использования очага открытого типа.

— Точно. Итак, продолжим. Костер...

* * *

— Алл-ла-а!..

Здоровенный турок выскочил из-за края реду-та, словно чёрт из табакерки. Перекошенное лицо,

зловещий оскал и острый ятаган в руке — страшное зрелище.

Вот только подпоручик Леонид Бурый не боялся ни турок, ни чертей. Первых он отправил на тот свет уже не один десяток, а в существование вторых попросту не верил.

Стремительный выпад, и шпага офицера вонзилась в живот османца. Тот гортанно вскрикнул и кувыркнулся с редута, утаскивая за собой застрявший в брюхе клинок. Леонид что было сил сжал рукоять мокрой от пота ладонью, но удержать оружие не смог — темляк дернул за кисть и лопнул.

К счастью, этот азеб* был последним из тех, кто успел добежать до редута, иначе безоружному подпоручику пришлось бы туго.

Очередная атака захлебнулась, и пестрая масса турецких солдат откатывалась назад, покидая простреливаемую зону. Обратно к морю... Туда, где из сотен лодок в прибрежные воды спрыгивали свежие силы.

Леонид вынул из-за обшлага рукава изрядно запачканный платок и вытер им лицо. Это была не первая отбитая сегодня атака, а потому ткань платка не стала грязнее, разве что потемнела от пота, — зато зрение у подпоручика прояснилось. Вот уже восьмой раз, наподобие морских волн, многотысячный турецкий десант накатывал на русский редут, обороняемый всего лишь двумя мушкетерскими ротами.

Вспомнив, что остался без шпаги, офицер нагнулся и поднял мушкет убитого солдата.

Погибший лежал лицом вниз, и Леонид не узнал его. Хотя — какая разница, кому не повезло уже, а кого костлявая прихватит чуть позже?..

* Род войск в Османской империи.

Потянулся было за тесаком, но передумал. Мушкет хоть тяжеловат и не так удобен в бою, как привычная шпага, но даже разряженный, при определенных навыках, не менее страшное оружие. Вместе с вставленным в дуло багинетом, он общей длиной не уступал пике, и если не убивал сразу, то оставлял глубокие, долго не заживающие раны.

Грохот сражения существенно поутих, отдаленно напоминая полуоглохшему офицеру прибой, не смолкающий и в самый полный штиль. Только изредка постреливали с пригорка обе пушки, заставляя басурман по фронту отступать к самой кромке воды. Что те и делали. При этом обтекая позицию русских со всех сторон, как море непокорную скалу.

Подпоручика за обшлаг рукава осторожно тронул чумазый и запыленный денщик, состоявший при командире сводного отряда — премьер-майоре Салтанове.

— Вашбродь, господин майор к себе требуют...

— Что говоришь? — прохрипел подпоручик. Вроде и не много орал, а голос осип, как после недельного запоя.

— Самойло Иванович всех офицеров созывают. Они у церкви сейчас. Возле пушек... Вот, — денщик протянул офицеру флягу. — Промочите горло, Леонид Андреич.

— Спасибо, братец, — подпоручик жадно припал потрескавшимся губами к горлышку. Сделал несколько небольших глотков, только кадык дергался. Потом прополоскал рот и с видимым усилием заставил себя выплюнуть воду на землю. Денщик, принимая флягу, отнесся к этому с пониманием. Сам служил не первый год и знал, что чем меньше все-

го внутри, тем больше шансов выжить при ранении в живот или пах. — Доложи, сейчас буду.

— Слушаюсь, вашбродь.

— Стой. Много полегло?

— Не могу знать, вашбродь, — не по-уставному пожал плечами солдат. — Шульц сейчас господина майора перевязывает. У него и узнаете.

— Командир ранен? Тяжело?

— Нет, чуток плечо зацепило. Самойло Иванович и перевязываться-то не хотели, но немчура ж разве отстанет.

— Ладно, ступай...

Живительная влага сделала свое. Звон в голове поутих, мысли прояснились, туман перед глазами развеялся, и только тошнотворный запах пороховой гари все еще витал в воздухе.

Именно эта вонь, стоны раненых и чужой говор, доносившийся от турецких позиций, напоминали подпоручику Брянского полка Леониду Бурому, что он не спит. И что жаркое раннее утро июля семьдесят четвертого года может стать последним в его не столь уж длинной жизни.

«Интересно, какая смерть мне суждена? — мелькнула вдруг отстраненная мысль. — Пуля пробьет голову или клинок пронзит сердце? А, будь что будет, лишь бы не искалечило, а сразу наповал...»

Виденье безногого инвалида на костылях, с обезображенным лицом, так ясно встало перед глазами, что подпоручик даже головою потряс, отгоняя навязчивое, и перекрестился. «Помилуй мя, Боже...»

Леонид оглядел поле боя. Увиденное радовало: ряды защитников Ялтинского редута, казалось, и не поределели, тогда как трупы азебов плотно устилали все предполье. Если б не двадцатикратно превышающая

численность врага, можно бы и викторию праздновать. Но турок слишком много. Они высадили в устье Водопадной такой огромный десант, что смогли окружить Ялту со всех сторон. И без помощи извне защитникам поселка долго удерживать позицию не удастся.

Так это или нет, бой покажет. А пока следовало поторопиться. Уж коль командир спустился с наблюдательного пункта, значит, ему есть что сказать младшим офицерам.

Салтанов сидел на зарядном ящике, набросив китель на плечи, и что-то негромко втолковывал старшему артиллеристу. Остальные офицеры — капитан Михачевский, поручики Берлзиев и Ачкасов были уже здесь. Жадно курили и допрашивали лекаря. Еще бы, не одного Леонида волновали понесенные потери. Две роты против целого экспедиционного корпуса — тут каждый мушкетер на счету.

— Как я уже имел честь сообщить, господа, убитыми двенадцать будет. Девять человек насчитываю тяжелораненых. И два десятка младших чинов имеют ранения средней тяжести, но все ходячие. Кровь легкораненым солдатам останавливают фельдшеры, а потому доложить об их численности не имею возможности.

— Да кто бы их считал, Отто Карлович, — отмахнулся Михачевский. — В обороне не бывает легкораненых.

— Господин премьер-майор... — кивнув товарищам, попытался доложиться командиру подпоручик. Не самый младший по званию, с учетом артиллерийского прапорщика и подъесаула донцов, но не столь давно получивший второе офицерское звание, Бурый никак не мог избавиться от вколотенной в училище привычки.

— Бросьте, подпоручик, не до Устава сейчас, — оборвал его Салтанов. — Господа, прошу ближе. Побережем голос, пригодится еще... — Майор дернул себя за ус, как всегда поступал в минуты крайнего раздражения. — Итак, по имеющимся сведениям нам противостоит шеститысячный корпус Гаджи-Алибея... Егеря Колычева оставили Алушту и отступили. Мы оказались в окружении, а восемь донцов, коих я отрядил с донесением в штаб, погибли.

На немой вопрос офицеров Салтанов дернул за ус еще сильнее.

— Видел... в подозрную... Азебы воюют неважно, но лучники неплохие, мать их гаремную... В общем, помощи ждать не приходится. А посему считаю целесообразным прорываться с боем. Пока к туркам не подошли янычары паши Бекира. Эти хоть и не чета нашим молодцам, но и не толпа крестьян-ополченцев. И с ружьями... Скоро полдень. Голомозые* по своему обыкновению отобедают и попрячутся в тень, пережидать жару. Вот по самому солнцепеку мы и пойдем.

— А пушки? — капитан второй роты Михачевский разрешил себе перебить командира. — Бросим туркам?

Словно в ответ на его слова, со стороны артиллерийской позиции зазвенели кувалды.

— Заклепаем, — произнес Салтанов, хотя в его пояснении уже никто не нуждался. — Тяжелораненых на носилки. Внутрь каре и быстрым шагом вон к тому лесу. Успеем укрыться, у многих будет шанс уцелеть. Здесь — как один поляжем. Или у кого-то будут другие мнения? Прошу, излагайте, господа. Приказа я еще не отдавал... И хоть мы не на флоте,

* Презрительная кличка мусульман.

предлагаю начать с младшего по возрасту и званию. Слушаем вас, Леонид Андреич.

— Надо уходить, — кивнул Бурый, заметив при этом некоторое удивление на лице командира. Интересно, почему кавалер ордена Георгия Победоносца может быть уравновешенным и предусмотрительным, а он должен геройствовать? Молодость не всегда тождественна глупости. Или командир хотел услышать, что его офицеры готовы умереть, но не отступить без приказа? Так и приказа защищать поселок любой ценой тоже не было. Задержали десант, сколько смогли, пора и честь знать. Кроме истории о трех сотнях спартанцев, что сумели остановить у Фермопил целую армию персов, о подобных случаях больше и не упоминается историками. Но там и обстановка другая была...

Остальные, в том числе и капитан Михачевский, чуть замешкавшийся с ответом, придерживались такого же мнения. Попытка прорваться из окружения с боем хоть и не покрывала брянцев славой, но и не клеймила бесчестьем. А еще дарила русским воинам надежду выжить.

...Как и рассчитывал премьер-майор Салтанов, разомлевшие от жары и дремлющие после обеда, турки спохватились, когда русское каре преодолело почти половину открытой местности. А пока командиры сумели навести какой-то порядок в возникшей суматохе и организовать преследование, до спасительного леса оставалось рукой подать. Просветлев лицами, мушкетеры даже поддали чуток, только окриками офицеров удерживая строй и не срываясь на бег. Казалось, еще несколько мгновений, и все... Но не в этот раз.

Опытный, прошедший не одно сражение, премьер-майор не мог не знать, что пехотное каре способно

успешно обороняться, пока сохраняет целостность строя. Что совершенно невозможно в лесу. Но место боя выбирать не приходилось. Ялтинские склоны не милая сердцу степь... И не ошибся — как только мушкетерские роты шагнули между деревьев, каждый стал сам по себе. Теперь тысячной толпе османцев противостояли не стрелковые роты, а такая же толпа русских. Лучше вооруженных, более дисциплинированных, но в гораздо меньшем числе.

В закружившей свистопляске, отбиваясь от басурман, выскочивших словно из-под земли, подпоручик Бурый с горсткой солдат всего на пару шагов приотстал от основных сил и, как ни пытался нагнать своих, с каждой последующей стычкой расстояние только увеличивалось.

Этим тут же воспользовались турки. Они, как пчелы улей, облепили десяток русских, с визгом и дикими воплями наскакивая со всех сторон. Причем, похоже, подкрепление к ним все же успело подойти. Потому что привычных к луку азебов сменили более умелые в рукопашной схватке башибузуки. Удалью и презрением к смерти вполне оправдывая название своего отряда. Хорошо хоть ялтинские склоны да лес заставили голомозых спешиться и оставить в обозе длинные пики, — а уж с одной саблей супротив штыка не так сподручно.

Непрерывно поминая государя-батюшку, пресвятую Покрову и общую многострадальную мать, Леонид выстроил горсточку солдат в некое подобие каре, больше напоминающее треугольник со стороны в пять штыков, встал впереди и повел на прорыв. Умышленно забирая чуть в сторону от общего движения, так как позади арьергарда основных сил русских рот башибузуков набежало — не протолкнуться.

Сперва вниз по склону, набирая разбег, а потом — не дав басурманам разгадать маневр, опять вверх.

Небольшой отряд хоть и более уязвим, так зато и маневреннее. Даже самому Суворову не удалось бы вот так, мгновенно развернуть на бегу ротное каре, как подпоручик Бурый — свой треугольник. И поскольку бросившиеся в погоню башибузуки не ожидали этого, основная масса турок, вопя во все горло и визжа от злости, не успели остановиться и пронеслись дальше, вниз по склону. Тем более что в спину их подталкивали товарищи, ничего не видящие, но торопящиеся достать убегающих гяуров.

Притормозить успели только самые последние. Да и от тех, пока развернулись, десяток русских успел оторваться шагов на двадцать... С учетом того, что сюда спешила не одна сотня свежих азебов, выигрыш не столь существенный, но все же.

И тут взгляд Леонида зацепился за нечто, чего в данной местности попросту не могло быть!

Хотя кто знает, что и как тут было на самом деле, скажем, лет двести тому? Когда побережье Черного моря осваивали греки Ольвии и Херсонеса. Может, именно отсюда и открывался самый лучший вид на побережье? Поэтому и возвели прежние хозяева морской сторожевой пост, каменные руины которого только сейчас углядел подпоручик Бурый — все еще возвышающуюся над местностью полуразрушенную цилиндрическую башню, отдаленно напоминающую сильно раздобревший минарет мусульман, или, если на европейский манер, донжон.

— Братцы! Будем жить! Все за мной!

Вообще-то решение было не лучшим, но так уж устроен человек, что всегда ищет защиту за толстыми стенами. Да и пробиваться вдесятером совсем

не то, что двумя ротами. Чуть раньше или позже, но их догонят и сомнут. А добить солдат по одному много умения не надо. Зато закрепившись в руинах, мушкетеры могли бы и дух перевести, и раны перевязать. Артиллерии у турок нет, а без нее выбить засевших в башне русских не так просто. Даже без воды и провизии есть шанс продержаться несколько дней. А там видно будет... Может, ишак заговорит, а может — эмир умрет. Десант высадился удачно только потому, что их тут не ждали, но как только в ставке узнают о нападении, к Ялте выдвинется не один полк.

Жаль, что с ним всего дюжина солдат. Сюда бы взвод, и неделю оборону можно держать. Тем более что в таких сооружениях зачастую и потайной колодец имеется.

Конечно, все это подпоручик додумывал на бегу. Слыша топот множества ног за спиной, он даже не оглядывался, уверенный, что солдаты, получив приказ, последуют за офицером. А потому, когда Бурый, перепрыгнув через груды осыпавшихся камней, развернулся лицом к противнику и никого не увидел, — подпоручик, мягко говоря, опешил.

Вот склон, по которому он бежал. Вот камень, на котором едва не оскользнулся и не упал. Вон там — верхушка Ялтинской церкви... Леонид Андреевич помотал головой и провел ладонью по лицу. Золоченого креста не было видно. Зато вокруг стояла невообразимая для боя, гулкая тишина. Оглох? Контузия?

Поручик промокнул ухо многострадальным платком, но крови на нем не увидел.

А в следующее мгновение, словно воздушная волна от близкого взрыва, Бурого толкнуло в грудь

и силой отбросило назад. Внутрь древних руин... Офицера чувствительно приложило спиной и затылком о каменную стену, и свет вокруг погас.

* * *

Давненько Леонид не чувствовал себя таким утомленным. словно в один присест перелопатил годовую отчетность целого холдинга. Голова уже даже не болела. Мастер Сирко умудрился впихнуть нее столько, что содержимое черепа Бурого практически превратилось в монолит. А кость, как всем известно, болеть не может...

Бурый даже толком не помнил, что и как с ним происходило за несколько последних часов.

Сперва мастер оружия напоил его каким-то отвратным варевом. После употребления которого ученик конкретно уплыл. На пару часов, не меньше.

Приход был ярким, неожиданным и... однообразным. В этих видениях домосед и добродушный увалень Леонид все время сражался. В одиночку и в составе отрядов. Дубиной, мечом, шпагой и саблей... Его противниками были хищники и люди. А раз или два — как бы и не совсем люди. Одни видения были такими же четкими и яркими, как то, где он сражался с турками на склонах Ялтинских гор. В других подробности стычки стерлись и забылись, но ощущение осталось. И еще многое и разное промелькнуло в разгоряченном воображении, чтобы низвергнуться бурным потоком обратно в забытье. Но еще один бой запомнился невероятно отчетливо. Их отряд шел на приступ какой-то крепости. И Леонид, обнаженный по пояс, бежал впереди других, размахивая над головою малиновым флагом. Наверно, именно эта деталь и зацепилась за память. Потому что Бурый не был

знатоком геральдики и вексиллогии*, а соответственно не смог понять, на стороне кого сражался.

Когда Леонид очнулся, пот стекал с него ручьем, и это не образное выражение. Все тело ощущалось как одна большая отбивная котлета с косточкой.

— Терпи, казак. Вырастешь — атаманом станешь... — Мастер Сирко приложил к губам ученика большую чашу. Знал, что тот сейчас не в состоянии удержать даже голубиное перышко. — Пей.

Целительная влага наполняла тело, как выжатую губку, с каждым глотком унимая боль и возвращая к жизни.

— Что это было, мастер?

— Память крови, — без тени усмешки ответил тот. Впрочем, это ничего не значило. Начальник городской налоговой иной раз и не такую ахинею мог вещать с совершенно серьезным видом. — Роду ты отменного, но и сора всякого в твоей башке на троих намешано. Ладно, приходи в себя, будем дальше работать...

Он еще что-то говорил, но Бурый в это время снова пошел на штурм крепости. Чуть-чуть оставалось поднажать, чтобы она пала и белый флаг поднялся над главной башней... А потом и погулять не грех. Возрадоваться, что живой, и товарищей помянуть. Сложивших головы в славной баталии.

— Ну, что ж. Все как я и предполагал. Понять за одно занятие природу боевого транса, в который ты впадаешь, когда злишься, не получилось, — развел руками мастер оружия. — Тут надо постепенно погружаться. А еще лучше, пройти полный этап превращения. И чем раньше до наступления полнолуния, тем лучше.

* Наука о флагах.

— Я что, оборотень?

— Не совсем, — мотнул чубом Сирко. — Я хочу сказать, что твоя телесная оболочка остается прежней. А вот что происходит с духом — надо смотреть... Полнолуние только проверка. Если сможешь во время Лунного зова ввести себя в состояние измененного духа и по своей воле вернуться — значит, устоишь и во всех других случаях. А пока я только одним могу помочь — дать узду на твоего зверя.

— Какую?

— Хороший вопрос, — нахмурился Сирко. — Трудное время... От старого люди отrekliсь, а в новое нет веры. А ну, перекрестись?..

Леонид машинально наложил крестное знамение. Не прошли бесследно бабушкины наставления. Нет, верующим он не был и в церковь за всю жизнь не больше пары десятков раз хаживал. В основном по случаю свадьбы или поминок. Но выученное в детстве остается на всю жизнь.

— Добро, — неожиданно обрадовался мастер. — С этим и поработаем. Из каких бы глубин ни черпал дух зверя свою силу, но и православие в твоём роду насчитывает не один десяток поколений. Должно справиться.

— Не понимаю.

— Забудь, — отмахнулся Сирко. — Не во всем обязательно разбираться. Важно уметь пользоваться. Сейчас я тебя усыплю и приказ нужный дам. А ты одно запомни: накатит, крестись. На какое-то время хватит.

— А потом?

— Если случится у тебя это потом, — очень серьезно ответил мастер, — загляни ко мне. Тогда и покумеаем.

Часть вторая

ПЕРВАЯ ФАЗА ЭКСПЕРИМЕНТА

Реальность виртуальная. Время игровое

Глава восьмая

ТАМ ЖИВУТ НЕСЧАСТНЫЕ ЛЮДИ-ДИКАРИ

Всего лишь на два или три десятка шагов Виктор успел отойти от Перепутья, и вот — за спиной глухая скала, а впереди небольшая полянка с вросшим посередке валуном. Не диким...

То есть камень, конечно, самый натуральный — замшелый и в меру обветренный, но со стороны, обращенной к Виктору, гладко отесанный, наподобие стелы. И даже покрытый целой россыпью непонятных значков, явно искусственного происхождения.

— М-да, вот и наглядное пособие того, что поспешишь — людей насмешишь, — пробормотал Лысюк. — Надо было все-таки задержаться в Гимназуме и освоить многоязычие. Не пришлось бы теперь гадать, чего там нацарапано — «Добро пожаловать», или «Ахтунг! Двери закрываются!».

Виктор осторожно подошел ближе к камню и убедился, что тот действительно поставлен здесь не для

красоты. Влево и вправо от него вились две тропинки. Левая — едва заметная, почти совсем не хоженная. Тогда как правая была утоптана не одним десятком сапог. Именно сапог, а не копыт или лап. Кто-то из последних проходивших через Перепутье попал сюда в дождь, и оттиск подошвы все еще был запечатлен в подсохшей грязи.

Тот же след подсказал Виктору, что между тем человеком и ним самим по тропинке больше не ходили. Поскольку края оттиска немедленно осыпались, стоило к ним прикоснуться. Супесь не глина и особой стойкостью не отличается... Логично, в общем-то. С учетом того, что выход из Гавани закрыт.

— А не тот ли это перекресток, о котором упоминал Жнец? Вопрос. Что ж, не будем гадать и пойдем вслед за большинством. Во-первых, часть их наверняка умела читать и выбор делала осознанный. А во-вторых, мне же подельнику Ястреба весточку передать надо. Значит, не в пущу прятаться, а к людям пробираться...

Виктор водрузил рогатину на плечо. С непривычки она ему только мешала: наперевес — слишком длинная, использовать как посох — неудобно. Того и гляди, себе же глаз выколешь. Только на плече и нести, как кол.

Сразу за поляной начинался лес. Не пригородная зона, где мусора больше, чем чахлых кустов, а настоящая дикая «зеленка».

Какое-то время лес молчал, приглядываясь к чужаку, а потом как-то вдруг разразился стуком топора. Вернее, целой артели. Один удар от другого, да еще приглушенный расстоянием и чащей, отличить сложно, но что рубили деревья не меньше как в четырех местах сразу, Виктору понять удалось.

Один лесоруб наносил удары редко, но в полную силу. Двое — частили, словно соревнуясь, кто быстрее, но при этом сэкономили силы. Четвертый скорее тюкал, чем рубил. Видимо, очищал поваленные стволы от веток.

— Utkikk!* — закричали в этот момент в два голоса невидимые дровосеки.

Следом послышался громкий треск, а еще секунду спустя огромное дерево глухо ухнуло об землю.

— Добро пожаловать, дорогой друг Карлсон. Ну, и ты, Малыш, тоже заходи... — пробормотал Виктор. — Пойду, гляну, куда тут щепки летят...

Чужой, хриплый мужской голос снова проорал что-то совершенно невразумительное, и стук топоров возобновился.

Лысюк погладил висящий на шее амулет и двинулся на шум вырубки. Осторожно, как учили. Чтобы под ногами не треснул даже самый крохотный сучок. Усердная работа топором не способствует чуткости, но береженого не только Бог бережет...

Кстати, отсутствие сухостоя и валежника указывало на относительную близость жилья. Вряд ли женщины и дети ходят слишком далеко от дома собирать хворост.

Лысюк сделал несколько шагов в направлении шума и остановился. Идти дальше не хотелось. Это ощущение он знал. Оно приходило каждый раз, когда чувство самосохранения вступало в противоречие с полученным приказом. И старший лейтенант давно уже научился преодолевать его. Надо было только отвлечься на минутку, подумать о чем-то приятном.

* Берегись! (Норв.)

Виктор еще раз прикоснулся к амулету, который носил, не снимая, с детства, как верующие крестик. Плоский, гладкий камешек с отверстием. «Куриный бог». Сколько таких камешков, намытых прибоем, он насобиравал на морском берегу за годы босоногого детства и безусой юности! Какие-то выбросил обратно в море, какие-то раздарил... А вот этот, гладкий и с едва заметными, более светлыми разводами оставил себе.

Кто-то из его сверстников и друзей верил, что «куриный бог» исполняет мечты, кто-то в этом сомневался, а Виктор знал точно: если не жадничать и четко сформулировать пожелание, он всегда помогает. Проверено...

И в таких ситуациях, которые случайностью не объяснить. Даже тот факт, что компьютер перенес заветный морской камешек в игру, кое на что как бы намекал...

— Будем надеяться, ты меня и на этот раз не подведешь. — Лысюк сунул амулет за воротник. — А теперь, на Бога надейся, но и самому поработать немного не мешает...

Осторожно скрадываясь, Виктор подобрался к вырубке с подветренной стороны. Вообще-то в лесу это понятие относительное, но если уж решил поиграть всерьез, никакой мелочью пренебрегать не стоит. В то, что вокруг беспощадные враги, ему по-прежнему не верилось, но проверять это собственной головой Виктор не собирался.

Лесорубов оказалось пятеро.

Кряжистый, поперек себя шире, седобородый мужик. Двое черноволосых молодых мужчин, даже общей комплекцией не дотягивающих до седого. Парень, почти что мальчишка, и девушка.

Кряжистый неторопливо и размеренно подсекал крепкую, высокую сосну. Большой плотницкий топор казался в его руках не ухватистым инструментом, а небольшим метательным оружием.

Черноволосые и в самом деле работали парой. За то время, что Виктор подкрадывался, они еще раз прокричали: «Берегись!» Потом к стволу направлялся светловолосый парень и сноровисто отсекал от ствола ветки, которые стаскивала в одну кучу девушка.

В соотношении роста и ширины плеч, и у парня, и у девушки просматривались общие, родственные с седобородым черты. У девушки не так явно, но и она обещала с годами превратиться еще в тот колобок. Как говорится, проще перепрыгнуть, чем обойти.

Девушка не только оттаскивала лапник, но еще и готовила что-то на небольшом костре. Никого больше, в том числе и псов, Виктор не увидел.

— Вот зараза...

Один из черноволосых мужчин, схватился за живот и согнулся вдвое.

— Болит? — не слишком сочувственно поинтересовался напарник.

— Ага...

— Говорил я тебе, Скуба, не налегай на рыбу. У нее жабры побелели уже...

Конечно же, речь их звучала не совсем так, но Виктора настолько удивила сама возможность понимать чужой язык, что на лингвистические тонкости он отвлекаться не стал.

«Ну что за жизнь?! Никому верить нельзя. Походу, Оля с Бурым только зря деньги потратят».

Тот, что держался за живот, крикнул громче:

— Хозяин, я до ветру. На минутку...

— Go, — прорычал седоголовый, не оборачиваясь. — Raskt...*

А вот из его речи Виктор уже не понял ни единого слова. Похоже, поторопился с выводом. Не за просто так в Гимназиуме капусту стригут. Просто темноволосые говорят на старорусском.

Повторного разрешения черноволосый ждать не стал и прожогом шмыгнул в ближайшие кусты. Аккурат в направлении Виктора.

— Заманчиво...

Лысюк быстро прикинул все за и против захвата языка.

Против было только одно — этим действием он обнаруживал свое присутствие. Но возможность получить хоть какие-то ответы того стоила. А может, повезет союзника заиметь?! Не похоже, чтобы черноволосый принадлежал к семье кряжистого. У кого разрешения сходить в туалет спрашивают? У начальника или, что вернее, у хозяина!.. Скорее всего этот парень — раб. А какой невольник не мечтает избавиться от своих цепей? Но не все сразу.

Приняв решение, Виктор неслышно подкрался со спины к кряхтящему Скубе, культурно выждал, пока тот справит нужду и натянет штаны, и только после этого нанес аккуратный удар рукоятью ножа по затылку. Черноволосый отключился, даже не всхрипнув. Виктор подхватил его под мышки и, брезгливо морщась от смрада давно не мытого тела, потащил языка прочь. Если хватятся раньше, пусть думают, что раб сбежал.

* Иди. Быстро... (Норв.)

* * *

Легкие и быстрые шаги.

— Привет! Ты уже тоже освободился?

Оля в отличие от Бурого выглядела энергичной и даже похорошевшей. Во всяком случае, улыбкой девушка сияла радостной и довольной. Как после хорошего секса. Леонид нахмурился. Скорее всего бред, да и нет у него никаких прав ревновать Олю к наставнику, но измученной перегрузками психике хватило. Мне, значит, и поцеловать себя не позволила, а этому иудейскому прохиндею!.. В лицо дохнуло ледяной стужей, и ночной мрак упал на глаза.

— Ты чего?! — испуганно вскрикнула Оля. — Лёня! Что с тобой?

Бурый торопливо шагнул назад и широко перекрестился.

Помогло. Не подвел мастер. Ледяная тьма задрожала и растаяла.

— Эй, это я! — Оля помахала ладошкой перед глазами Лени. — Ты чего, как от нечисти крестишься?

— Прости, задумался.

— Бывает. Хорошо, что не поплевал трижды, — засмеялась девушка.

— А ты чего так сияешь? — не удержался Бурый от шпильки. — Понравилось занятие?

Все-таки женщины, даже очень молоденькие и неопытные, владеют необъяснимым с точки логики знанием. Вот и Оля, в обычных с виду словах, с ходу уловила весь подтекст. Шагнула ближе и серьезно посмотрела Бурому в глаза. Правда, для этого ей пришлось встать на цыпочки и запрокинуть голову.

— Глупый. Большой и глупый. И напридумывал себе...

— Ничего я...

— Вот и славно, — Оля легонько прикоснулась пальцами к щеке мужчины. — Тебе не идет хмуриться. А настроение у меня хорошее, потому что я за сегодня столько нового узнала... — Она от избытка чувств крутнулась юлой. — Вот...

Девушка быстро нагнулась и сорвала какую-то невзрачную травинку, немного похожую на сосновую веточку.

— Знаешь, что это?

— Я только бетон от асфальта отличать умею... — отшутился тот.

— Это тысячелистник! — гордо объявила Оля. — Самое лучшее средство для остановки кровотечения и обработки плохо заживающих ран! А вот... — она опять нагнулась.

— Верю, верю! — рассмеялся Леонид. — Успокоила. Теперь мне с тобой никакой поход не страшен. Хоть в тайгу, хоть в джунгли... Можно даже в настоящие. Кстати, если есть желание, пошли в лавку Хмеля заглянем? Мне мастер Сирко велел к оружию приглядеться. Да и тебе не помешает хотя бы посох подобрать. В компьютерных игрушках и фильмах травницы и целители всегда с собою какую-то палку таскают, а тебе ничего не выдали.

— Ага, — игриво подмигнула девушка. — Дай вам с Виктором волю, вы бы с удовольствием нарядили меня в какой-нибудь прозрачный зеленый балахон с полами, развевающимися до самого пояса, от малейшего дуновения ветра. А тем более при ходьбе. Или бронелифчик. Да?

— До пеньюара мои мысли пока не добрались, — поддержал шутку Леонид. — А вот венок из полевых цветов на твоих золотистых кудрях смотрелся бы великолепно. Зуб даю... Коренной.

* * *

Вот и пригодилась покупка. Да так быстро, что впору было заподозрить Хмеля в умении предвидеть будущее. Впрочем, Виктор далеко не первый искатель приключений, отоварившийся в его оружейной лавке, так что опыта у торговца точно не занимать. Или этот бонус изначально так задуман? Чтобы не только плюхи в игре получать, но и плюшки.

Виктор плотно закатал пленника в сеть, прислонил к ореху и еще раз обернул вместе с деревом. Потом закрепил, получившийся кокон концами веревки. На глаза положил листья и зафиксировал плетеным шнуром, служившим пленнику для поддержания штанов.

Вообще-то можно было и без лишних фокусов допросить беднягу, но не убивать же его потом, в самом деле, если тот несговорчивым и преданным хозяину окажется. Вопросы можно по-разному задавать, да и забудет он половину с перепугу, пока к своим снова попадет, а вот то, что увидит — запомнит навсегда. И опознает, ежели доведется. Значит, лучше, чтоб не видел.

Виктор сорвал длинную травинку и легонько пощекотал ее кончиком ноздри пленника. Тот засопел, чихнул... раз, второй и беспокойно завозился. Пришел в себя.

— Стой смирно, Скуба, если хочешь сохранить свою никчемную жизнь! Ты полностью в моей власти, и только от глубины твоего раскаянья будет зависеть — останешься живым или умрешь!

Для пущего эффекта Лысюк влез на дерево и говорил с пленником, слегка подвывая, через сложенные рупором ладони.

Со стороны поглядеть — бред полнейший. Но если хотя бы на одну секунду допустить, что он не

в виртуальном мире? Что установка Пилюля действительно каким-то способом может перемещать людей во времени и пространстве, — и тут все взаправду? Зачем рисковать? Почему не воспользоваться имевшим место в темные века невежеством и суеверием? А если дурят, и Виктор имеет дело с программой, так и тут мимо не будет — игра идет по предложенным испытателями правилам. Выживание любой ценой в нестандартной ситуации.

— Отвечай, раб! Что ты делаешь в моем лесу?!

Раскатистый голос, доносившийся сверху, при полной обездвиженности и слепоте, судя по ударившему снизу в нос смраду, возымел нужное действие. Так натурально даже Станиславский не сумел бы сыграть.

— Кто ты? Что тебе от меня нужно?.. — пролепетал пленник.

— Не тебе, раб, у меня ответа спрашивать! — прогудел Виктор. — Отвечай, если жить хочешь! Зачем пришел лес тревожить?!

— Не по своей охоте я... господин! — взмолился тот. — Хозяин мой, Берк Легкое Весло, велел.

— А ему зачем в живое время* дерево убивать понадобилось?!

— Так хозяин мой мастер-корабел. Он морского дракона для Гюрдира-ярла строит.

«Ярл Гюрдир?.. — Лысюк задумался. — По ходу, не ошибся Ястреб. Я попал по адресу... Что ж, это упрощает. Теперь хоть прояснилось, по каким правилам играть. Я не спец по древней Скандинавии, но к примеру, в японской культуре и традициях разбираюсь еще меньше. Даже современных».

* Период с весны до осени, когда соки движутся.

— Не ври, раб! — Виктор еще прибавил угрожающих интонаций. — Безбородый еще зимой достаточно досок заготовил... Да и не сосна для драккара нужна, а светлый ясень! Ты кого обмануть вздумал?

Виктор, в курсантскую бытность, будучи дневальным по роте, скоротал как-то ночь за книгой о кораблях. Большая часть прочитанного с годами выветрилась, а любопытный факт, что викинги строили свои корабли именно из ясеня — запомнился. Ну, а что всякий уважающий себя ярл, собираясь закладывать новый драккар, должен был заготовить досок с запасом, прикинул сам.

— Не вру, клянусь светлым Сварогом! Гюрдир-ярл очень ждет этот корабль. Торопит... Хозяин велел идти в лес — я пошел. Велел рубить сосну — рублю. А зачем — какой с трелля спрос?..

Похоже, Скуба не врал. Рабу действительно никто ничего объяснять не станет. Вот только невольник, которому безбоязненно доверяют орудовать топором, — наверняка не в яме живет.

— Верю, что не сказали. Но ты же не слепой и не глухой...

— Я правда не знаю... всего. Слышал только, что ярл наш вот-вот из похода вернуться должен, а новый корабль для него закончить не успевают. Часть дерева не годится. Вот хозяин сам и пришел, чтоб взять самое необходимое... А что упоминок духам лесным не поднесли, то не моя вина. Его Бала съел... Он хитрый. Рыбу утром не ел. Знал, что плохая. Дождлся, пока Халла деревьям угощение поднесет, и сожрал все. А я духов чту. Вот и маюсь животом...

— Зато жив останешься...

Дальнейший разговор не имел смысла. Выпытывать пароли, явки и сколько жителей в деревне, духу

не к лицу, да и незачем. Но просто так, без запоминающейся фразы, тоже нельзя. Чтоб и в тему, и с пользой. О! Надо ж чем-то Виктору здесь питаться, так почему бы не организовать себе поставку пищи от населения?.. Даже если только одноразовую.

— Хозяину передай, что не будет проку от обиженного дерева. Если не хочет он, чтобы драккар ярлов в первый же шторм развалился, пусть еще одно подношение сделает. Тогда не буду сердиться...

— Эй! Скуба! Ты что, веревку проглотил? Хватит отлынивать!.. Я за тебя работать не буду!

Судя по тому, что кричали на понятном Лысюку языке, неоправданно длительным отсутствием Скубы обеспокоился второй трель. Настоящий товарищ, ничего не скажешь. Хозяин, небось, и внимания не обратил, зато теперь и Берк проорал что-то угрожающее на весь лес.

— Я здесь! — крикнул в ответ пленник, раньше чем Виктор успел зажать ему рот.

— Kom! Bummer...

— Я не могу!

Видя, что дух не препятствует, Скуба осмелел и закричал громче:

— Помогите! Меня лесной дух держит!..

Хорошо, что Виктор успел слезть с дерева, пока тот перекрикивался, потому что в упавшей на лес тишине можно было выдать себя даже дыханием. А значит, на корню провалить всю затею. Хорош дух, который скачет по деревьям с грацией... ну, пусть не медведя, но и совсем не белки...

— At?!

Восклицание в переводе не нуждалось. Как и словесный поток, выплеснувшийся следом. А когда после хозяина снова отозвался второй раб, Виктор убедился,

что не ошибся. К тому времени, стараясь шагать только по камням, он уже убрался на вполне безопасное место. Достаточно далеко, чтобы не засекли, если не знать, где высматривать, а самому — более-менее нормально наблюдать за продолжением.

Ничего особенного Лысюк узнать не ожидал, но все же. В положении полнейшего неведения любая информация пригодится.

Спустя минуту седобородый буквально возник рядом с пленником. В том смысле, что такого здоровяка Виктор привычно занес в список увальней и ожидал громкого топота и хруста. А увидел только, как колыхнулись кусты, а потом и самого корабельного мастера. С топором наизготовку. Выглядевшим, как натуральное продолжение руки.

Да уж, похоже, Берк этим инструментом не только доски прилаживать умел. А еще седобородый появился не с той стороны, где деревья рубили, а сзади и чуть левее. Еще с десяток шагов, и вполне мог наткнуться на Виктора.

Лысюк затаил дыхание и торопливо отвел взгляд. Такому в спину лучше не пялиться. Вовремя. Даже за эти несколько секунд Берк успел что-то почувствовать и оглянулся, одновременно шагнув чуть в сторону. Постоял немного, то ли принюхиваясь, то ли высматривая, но ничего не заметил. Потом несколько раз обошел вокруг дерева, к которому был привязан пленник, высматривая следы.

«Ох, не прост старик! Такой в мою байку о духе вряд ли поверит. Повезло, что он плотник, да и годами не молод... Попался бы вместо него следопыт или охотник, никакие уловки не помогли бы».

Осмотревшись, Берк подошел к Скубе. Ловко чиркнул топором по ремешку, и трель радостно завопил:

— Хозяин это вы! Хвала Сварогу!

Берк проворчал что-то невнятное, и раб немедленно поправился:

— Да, да, конечно. Хвала Тору и Одину! Простите, хозяин!..

Седобородый прервал его очередным ворчанием. Потрогал сеть, хмыкнул. Но разрезать не стал. Аккуратно распустил узел и... буквально вытряхнул своего трелля из нее. От мощного рывка бедолагу так раскрутило, что тот прокатился по траве еще пару шагов, пока не наткнулся на ствол соседнего дерева.

Берк с силой подергал сеть, но та не порвалась. Попробовал еще раз и остался доволен.

— ...?! — рявкнул он.

Невольник торопливо вскочил на ноги и ударил себя кулаком в грудь.

— Не знаю, хозяин! Клянусь! Сверкнуло что-то. А когда опомнился — темнота и голос страшный. Прямо с неба... Люди так не говорят.

— ...

— Злился, что дерево в живое время рубим. Требовал подношение. Грозился, что доски испортит, и корабль ярла в первую же бурю утонет.

— ...

— Да. Но его Бала съел.

О, как! Похоже, между рабами та еще дружба и взаимовыручка. Один другого влет закладывают. Никакие надсмотрщики не нужны.

Донос Скубы был оценен должным образом. Берк опять что-то проорал, и вскоре действующих лиц прибавилось.

Второй раб даже рта открыть не успел, как был сбит с ног мощным ударом в лицо.

Он попытался свернуться клубком и закрыть голову руками, но был подхвачен мощной лапой корабела и вновь воздвигнут на ноги.

— ...!!! — проорал ему в лицо тот.

— Простите, хозяин! — взмолился Бала, даже не пробуя оправдаться и делая еще одну попытку упасть на колени.

На этот раз Берк не стал его удерживать. Но когда раб подполз ближе, чтоб обнять хозяина за ноги, тот брезгливо пнул его сапогом. Потом ухватил за ворот, подтащил, как куль, и бросил возле того самого ореха, где раньше был привязан Скуба.

— ...!

Невольник обнял руками ствол дерева и замер. Из укрытия Виктору не было видно лицо парня, но что тот напуган до смерти, можно было не сомневаться.

— ...! — объявил хозяин.

Невольник взвыл, но даже не шелохнулся. Глядя на все это, Лысюк уже пожалел, что так подставил бедолагу. Честно говоря, он думал, что за такую мелочь трелль схлопочет максимум пару затрещин. В крайнем случае — выпорют. Блин, ну что он там стянул? Пару черствых лепешек и шмат вяленой рыбы? Никак не сопоставимо с порчей ценного имущества, которым для хозяина является молодой и здоровый раб.

Но старый викинг, похоже, думал иначе.

Он поднял лицо к небу, проорал что-то и резко ударил лезвием топора по шее стоящего на коленях раба. Раздался неприятный хруст, и черноволосая голова покатилась наземь, а тело повалилось на бок, обильно поливая кровью корни ореха.

«Писец! — Виктор стиснул челюсти. — Просто играем, значит?.. Ну-ну...»

* * *

Узнав, куда их предположительно может пропустить Перепутье, Хмель предложил обоим кожаные куртки с капюшонами. Леониду светло-коричневого, а Оле — зеленого цвета. Под куртку Леонид надел короткую, до половины бедра простую рубаху и полотняные штаны, зашнурованные у ступни, а на голову водрузил широкополую шляпу.

Девушке лавочник подобрал длинную, до пят, льняную рубаху, заменяющую платье и шерстяную юбку. Волосы, вместо обруча, посоветовал подвязать широкой лентой. Сам обруч принял в счет оплаты. Сменить свои черевички на мягкие башмаки с двойной подошвой из более толстой кожи Оля не захотела, а вот Леонид обулся с удовольствием.

Коренному горожанину ходить босиком радости не доставляло. Даже в виртуале.

А еще оружейник, со словами, что он не нанимался в поставщики оружия викингам, отобрал у Леонида понравившийся парню меч и за символические двадцать монет выдал новикам по посоху. Оле — изящный, с резьбой по всей длине и навершием в виде глядящей вниз головы змеи. Леониду — попроще, зато крепче и увесистее.

На этом, по обоюдному решению, обучение в Гимназиуме и закончилось. Все выучить невозможно — денег не хватит, так чего зря время терять? И так почти двое суток провозились. Того глядишь, потерявший терпение Пилкуль выдернет их из игры, как не справившихся с заданием. Да и самим уже не терпелось узнать: что там за Перепутьем? Виктор, поди, вовсю развлекается, а они...

...Миновав пограничную скалу на перекрестке путей, Леонид ощутил невесомость, перед глазами

кувыркнулся и рассыпался мириадами искр сумасшедший калейдоскоп и... И все — Перепутье исчезло, а вокруг бушевала совсем не шутейная гроза.

Из черного неба лилось так, словно где-то на небесах плотину прорвало. Если б не новая одежда, мигом промокли бы до последней нитки. А кожаные куртки ничего — держались. Так сказать, качество, проверенное веками.

Неприступная, уходящая ввысь скала за спиной. Вокруг — густой лес и небольшая опушка или полянка впереди. Посреди полянки межевой камень, обязательный на всяком уважающем себя распутье, особенно в былинах.

— Пошли, пока нас не смыло, — Леонид взял девушку за руку и потащил за собой.

— Ты знаешь, куда?

— Травник сказал, на перекрестке свернуть влево... Леонид указал посохом на камень.

— Думаю, он именно это место имел в виду.

— Там что-то написано.

— Потом читаем. Шагай шире, пока молнии подсвечивают и хоть немного видно, что у нас под ногами.

— Ты так ему доверяешь? — упорствовала Оля.

— Нет, но он обещал хижину. А в такой сумасшедший ливень крыша над головой не помешает. Хотя какая... Да и поговорить с ним охота. Вусмерть надоели всякие тайны.

— Вообще-то, ты прав. Но стремно...

— Оля, я тебя умоляю, расслабься. Не забывай — мы в игре. Все понарошку, и нам ничего не угрожает...

— Уверен?

— Перестань, — отмахнулся Бурый. — Да, я согласен с тобою, ощущения очень реальные. Но ведь Пилюль предупреждал. И вообще, как ты себе пред-

ставляешь такое чисто технически? Машина времени в действии, что ли? Мгновенная телепортация?

— Кто говорит о мгновенной? Нас вполне могли усыпить в процессе обследования. Какие у тебя привязки по времени, чтобы точно сказать, в лабораторию мы пришли вчера или в позапрошлом месяце?

— Вот что я тебе скажу... Е-мое!

Леонид поскользнулся на мокрой траве и заполошно взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие. При этом инстинктивно ухватился за Олю, но разница в соотношении масс оказалась слишком велика... Скользящая земля ушла из-под ног, и Бурый полетел вниз, утаскивая за собою девушку.

В отличие от него, Оля ничего не поняла и даже пискнуть не успела. Резкий рывок — и она уже падает. Секунда свободного полета, удар обо что-то твердое... ногу пронзила такая жгучая и резкая боль, что девушка буквально взвыла:

— Ой, мамочка! — и потеряла сознание.

Глава девятая

В ЗАПОВЕДНЫХ И ДРЕМУЧИХ, СТРАШНЫХ МУРОМСКИХ ЛЕСАХ

От судьбы нельзя уйти, она последует за тобой повсюду. И если на роду написана война — ты встретишь ее везде, куда бы ни свернул.

Примерно представляя себе возможности компьютерных технологий, Лысюк не поверил бы фотографиям или фильму, но собственные глаза вряд ли обманывают. И запах... Неповторимая и ни с чем не сравнимая тошнотворная вонь убийства.

Конечно, всегда остается вариант, что ничего этого на самом деле нет, в том числе и сверхсекретной лаборатории Пилюля, а он нанюхался чего-то или каким иным способом потерял сознание, а все дальнейшее просто бред. Но это тупиковый вариант, ибо не подлежит проверке. Впрочем, даже если так, что мешает Виктору и в галлюцинациях действовать, словно все происходит в реале? Хуже от этого точно не будет.

Принеся нерадивого раба в жертву то ли лесному духу, то ли каким своим богам, корабель Берк Легкое Весло вернулся к прежнему занятию. Но прежде что-то велел девушке:

— Ja, Fader...

Девушка проворно сложила в корзину пучки каких-то трав, подхватила ее и убежала.

«Я так понимаю, что старик отправил девчонку за обедом. Или — привести другого помощника взамен убитого. Значит, мне тоже в ту степь. Поглядим, где они обитают. Да и вообще... А то с такими нравами, может, и некому уже восточку от Ястреба передавать? По ходу, пленники тут не засиживаются».

Обогнув вырубку, он последовал в том же направлении, куда отправилась Хала. Девушка шла не таясь, даже мурлыкала что-то. Вполне мелодично, хоть и с непривычным для слуха ритмом. Молитвы так произносят, а не песни. Или в самом деле молилась? За душу раба усопшего?..

Вряд ли. Христиане, вопреки своим же канонам, тоже не ангелы, особенно инквизиция, но все же головы за пару лепешек не рубили.

Виктор лукавил. Он не мог не понимать, что невольника убили не за это. Стоимость молодого трелля не шла в сравнение с мелким проступком, которым можно было бы считать воровство еды. Хотя воров

не любят везде и наказывают сурово... На чашу весов легла другая причина — тот, у кого раб посмел украсть подношение! И возможные последствия. Так что, жертвуя осквернителя даров, корабельный мастер пытался защитить от мести разгневанных лесных духов строящийся драккар. Тем самым спасая жизнь Гюрдира-ярла и всего его хирда.

Песенка вдруг стала тише и как бы нырнула вниз. Заинтересовавшись, Виктор заторопился следом и едва не поплатился за неосторожность. Буквально через десяток шагов земля ушла у Лысюка из-под ног, и он не свалился с обрыва только благодаря рогатине, застрявшей в кустарнике.

Чертыхаясь и вознося благодарности ангелу-хранителю, а заодно оружейнику Хмелю, Виктор вскарабкался обратно и прилег, тяжело переводя дух.

Как оказалось, Перепутье перенесло его на небольшое взгорье. С которого до уровня моря, кстати, хорошо видимого отсюда, было рукой подать. Примерно как с крыши пятиэтажки. Виктор даже засмотрелся немного на неожиданно распахнувшийся пейзаж.

Спору нет, красота. Достойная быть запечатленной хоть на холсте художника, хоть на глянце фото. Вот только с внезапностью переборщили. Не будь у него в руках рогатины, лежал бы сейчас внизу — со свернутой шеей, а также множественными ушибами и переломами, несовместимыми с жизнью. Вернее, если Пилюль не обманул, Виктора выбросило бы из виртуальной зоны, даже не дав поиграть. Кстати, хорошо, что у Сереги нервы крепкие, и он сам преждевременно за рубильник не дернул. В порядке помощи пострадавшему...

— А все потому, что под ноги надо глядеть, когда в незнакомое помещениеходишь, а не на барышень

пялиться, — пробормотал Лысюк, выравнивая дыхание. — Кстати, и где она?

Оказалось, приняв вправо, чтоб срезать путь, он промахнулся всего метров на двадцать. Именно там, чуть наискосок, сбегала вниз широкая и пологая дорога. Вполне пригодная для пеших прогулок и даже трелевки леса. В данный момент, именно по ней семенила белокурая Хала, прижимая к себе корзинку и направляясь в деревню, прекрасно просматриваемую с высоты обрыва.

Вообще-то деревней Виктор обозвал это селение по привычке. Есть церковь — село, нет — деревня. А ежели по справедливости, то обозримое поселение до деревни не дотягивало. Дюжина длинных и приземистых строений умещалась на площади не больше двух гектаров, обнесенной по периметру невысоким, в рост человека, частоколом.

Преграда так себе. Но от зверья убережет, и человека, хоть на несколько секунд, а все-таки задержит. С ходу и бесшумно снести не удастся. Значит, обороняющиеся получают дополнительное время. А если за тыном волчьи долы вырыть, а в проходах заостренные колышки прикопать, то даже такая заградительная полоса добрую треть нападающих перекалечит. Если нахрапом сунутся.

Жилфонд викингов тоже, прямо скажем, не впечатлял. Если не знать точно, что это дома, хлева и сараи — Виктор принял бы их за замаскированные ангары для хранения боеприпасов или ГСМ на каком-нибудь секретном и сильно удаленном от цивилизации объекте. Длинные, пологие земляные холмы, поросшие травой, да и только. На одном даже коза пасется. Ну, правильно, когда еще сюда из Сибири газ протянут, а тепло хранить

как-то надо. Длинными зимними ночами... Молодцы, викинги.

Тут Виктор на секунду задумался: правильно ли здешних жителей огульно обзывать викингами, или это касается только «оседлавших драконов»? Как когда-то в Российской империи москалями именовали не всех россиян подряд, а исключительно солдат царской армии.

Мысли в голове вертелись разные, порой совсем не в тему, но это так — треп для куража и тонуса. Глаза офицера фиксировали лишь ту информацию, которую следовало запомнить...

В частоколе двое ворот. Одни — на северной стороне, обращенные к лесу. К ним как раз подошла Хала, и навстречу девушке высыпала целая ватага детворы, того возраста, когда дома не удержишь, а к работе не приставишь. В наших деревнях таким сорванцам поручают пасти гусей. Но тутошняя птица, похоже, в пастухах не нуждалась. Рядом с деревней на воде аж белело от пернатого добра. Да и гогот стоял такой, что даже сюда доносился, напоминая шум водопада.

Кстати, нюанс! Если птица и ночует там — о южных воротах можно забыть. Спасли они Рим или нет — спорный вопрос, но деревенскую охрану поднимут наверняка.

Вместе с детьми, которые, к счастью для лазутчиков и диверсантов, ночью спят, приветствовать возвращение дочери корабеля Берка с радостным гавканьем вылетел десяток кудлатых кабысдохов. Задорно облаяв девушку и не учуяв в корзинке ничего интересного, свора унеслась обратно на подворье.

А вот это хуже... Виктор специально не изучал кинологию, но немного интересовался породами. Рыжие псины очень напоминали финно-карельскую лайку.

Не слишком злобную, но с отменным нюхом и сообразительную. Этих не обманешь, даже напялив на себя одежду хозяина.

Засада, однако... О тайном проникновении можно забыть. А жаль. Виктор как раз обнаружил в частоколе потайную калитку. Вернее, протоптанную к ней тропку, заметную, только если глядеть на подворье сверху.

Занятный факт. Детишек орава, а вот взрослых не видать. Из всего населения — только что вернувшаяся с вырубki дочь корабела, пара женщин постарше, варящих что-то в большом котле. Явно не обед, иначе псы вертелись бы рядом. Да пяток мужиков стучали топорами на побережье, где и строился драккар для Гюрдира-ярла. Трое — с заплетенными в косы длинными светлыми волосами, двое — темных и коротко стриженных. Светловолосые — почти гарантированно местные, скандинавы. Типаж соответствует, а черноволосые — стало быть, невольники.

Точно Виктор не помнил, но была в эти древние времена какая-то связь между статусом и длиной волос. Впрочем, не суть важно. Вопрос в другом: куда народ запропастился, как надолго и можно ли это использовать в своих интересах?

* * *

Белокурая Хала скрылась за дверью одного из «зеленых холмов», а Виктор продолжил изучать деревню. Кстати, отсюда это было очень удобно. Будто разглядывал большой учебный макет.

Вся территория внутри ограждения зеленела неоципанной козами и курицами травой, и на этом фоне отлично просматривалась паутина тропинок.

Казалось бы, если нет четкого деления на проезжую часть, тротуары и цветники-газоны, люди

должны перемещаться хаотично, как кому заблагорассудится. Но это ошибочный вывод.

Поскольку никто не бродит по двору просто так, а только с четкой целью, то и путь выбирает самый короткий, ведущий строго в определенное место. Вот и ходят практически след в след, вытаптывая на земле схему перемещений. Дом — хлев, дом — колодец, дом — амбар, дом — ворота (южные или северные), дом — калитка. И перемычки внутри основных лучей. Например, хлев — колодец...

И тот, кто смотреть умеет, увидит все что надо, даже если это хотят от посторонних глаз скрыть. Как потайную калитку в ограде...

Мысленно водя пальцем вдоль каждой из тропинок, Виктор искал место, не поддающееся четкой идентификации. Говоря проще, не входящее в перечень строений непосредственно сельскохозяйственного назначения.

Учитывая скудость размеров поселения викингов, много времени это не заняло. Дочь Берка только вывела из конюшни парочку приземистых лошадок. Ростом с пони, но с такими широкими спинами, что чистокровному битюгу под стать. Под седло не поставишь, боком садиться придется. А для трелевки леса — оно самое...

Белые кудри девушки настолько контрастно смотрелись на фоне темных грив, что Виктор непроизвольно засмотрелся и сбился с мысли.

— Эй, эй! — тряхнул головой. — Что за дела, товарищ старший лейтенант? Не отвлекаться! Первым делом самолеты... то бишь привет от Ястреба.

Предоставив Хале заниматься своим делом, Лысюк вернулся к обнаруженной им тропинке непонятного назначения. В том смысле, что вела она

как бы в никуда. На пустырь в юго-западном углу ограды.

Присмотревшись внимательно, он заметил в конце тропинки пятно, достаточно большое и более темное, нежели трава вокруг. Словно там какое-то время стояла емкость с мазутом.

— Тьфу ты, очнись, разведка. Какой еще мазут у викингов? Скорее всего, у них там выгребная яма...

Виктор потер подбородок.

— Не-е, тоже мимо. На фига им яма, если тут вокруг сплошная природа, где на каждого жителя приходится не пара аров — сотни гектаров? Не считая моря... И отходы пищеварения совсем не мусор, а корма скотине, топливо или удобрение.

Правильная мысль вертелась перед глазами, заигрывала, но в руки не давалась.

— Блин! Зачем-то же они ее вырыли, яму эту?..

Подбородок подвергся повторному трению, но подсказывать ответ не торопился.

Помог случай.

Из одного из зданий во двор вышла, опираясь на клюку, согбенная вдвое женщина. Скорее всего, старуха, но лица Виктор разглядеть не мог, а волосы у нее были тщательно упрятаны под платок.

Впрочем, это неважно. Главное — женщина неторопливо ковыляла в направлении, интересующем Лысюка. Очень неторопливо. Но и расстояние было не бесконечно. Женщина остановилась перед ямой и громко прокаркала что-то, глядя вниз. Подождала и спихнула клюкой вниз комок земли.

— Пошла на ...!

Голос был слабый, едва слышимый. Но знакомая речь имеет свойство пробиваться сквозь любой шум. Особенно, когда не ожидаешь ее услышать.

Старуха каркнула еще раз, а потом бросила в яму что-то, принесенное с собой.

— Чтоб вы уже подошли все! — поблагодарили снизу.

Старуха рассмеялась и спихнула вниз еще один ком. Побольше...

— Е-мое! Как можно быть таким тупым?! Это же и есть здешний зиндан!

Лысюк чуток отодвинулся от края обрыва и сел.

— Подобьем бабки... Самая важная часть задания, считай, выполнена. Место содержания пленника обнаружено. Осталась пара пустяков. Пробраться в деревню. Убедиться, что человек в яме — искомый объект. И... передать долгожданный привет. Какие будут предложения?

На самом деле, хоть ерничая, хоть всерьез, способ переговоров с товарищем Ястреба у Виктора было немного. Всего три. Скрытное проникновение. Явный и добровольный визит в деревню с надеждой найти общий язык с ее жителями. И наконец — принудительная доставка... в виде еще одного пленника.

Возможность использования первого способа сильно усложнялась наличием в деревне целой своры лаек. Если одного-двух, пусть самых здоровенных и свирепых псов еще можно как-то устранить по-тихому, то дюжину пустобрехов быстро утомонить абсолютно нереально.

Третий вариант, хоть и надежнее остальных, но самый болезненный. Потому как бьют по организму, а не по паспорту. Да и вообще... Короче, пополнить поголовье пленников и в этом статусе оказаться в зиндане у викингов — Виктор всегда успеет. Хоть по собственному почину, хоть — как в виде неудачного завершения способа номер два.

А что попытка войти в контакт имеет реальный шанс закончиться именно так, Виктор понимал достаточно ясно.

В армейские годы Лысюку хватило общения с горцами, чтобы не строить иллюзий по поводу доброжелательности к чужакам. И не просто жителям соседнего кишлака или аула, а к человеку иначе одетому, не понимающему языка и не знающему местных обычаев.

Конечно, здесь не там, но вряд ли психология средневекового скандинава более продвинута и толерантна, чем у современного джигита. «Чужие здесь не ходят!» — и этим все сказано. Незнакомца, если он один, проще убить, чем ждать, когда он приведет других чужаков.

Принимая на веру гарантию общей безопасности, Виктор не опасался погибнуть. Но и сдаваться с ходу тоже не хотел. От одной мысли, пусть даже временно, стать чьим-то невольником, Лысюка покорило. Попасть в плен может каждый, военное счастье изменчиво, но проделать это добровольно, угодливо...

— Брр! — Виктор вздрогнул. — Проехали. Значит, надо придумать: каким образом втереться к аборигенам в доверие?

В приключенческом кино или книге на дочь корабельного мастера сейчас напали бы разбойники или дикий вепрь, а Виктор оказался бы рядом и храбро спас красавицу от бесчестия или гибели... Зависимо от того, какую целевую аудиторию выбрал автор.

Или заметил бы надвигающуюся на деревню вражескую армию и благородно предупредил жителей. А потом героически сражался бы на их стороне, аж до неизбежной победы над коварным супостатом. Тем самым получая статус Почетного гражданина деревни

Гюрдира-ярла и звание вечного друга викингов этого региона... Увы, в жизни все иначе. Не так красиво и романтично. А зачастую и вовсе никак. Подвиги под ногами не валяются.

— Кстати, что-то лесорубы затихли... Пошабашили, что ли? — Виктор развернулся в сторону леса и увидел нацеленное на себя острие копья.

Само копьё находилось в руках того белобрысого парня, что очищал поваленные стволы от веток. Парень радостно лыбился и одновременно пытался соорудить грозную и устрашающую гримасу. Типа, сдавайся, враг неведомый, пришел большой полярный лис... Ага, тот самый — пушистый.

* * *

Рефлексы сработали быстрее, чем мозг успел осознать и оценить реальную степень угрозы.

Лысюк ухватился за копьё выше наконечника и рванул на себя. Острие с силой воткнулось в дерн буквально в сантиметрах от его головы. Не ожидающий такой прыти от чужака, парнишка непроизвольно подался следом за выскальзывающим из рук оружием.

Виктор тут же отпустил копьё, перехватил запястья молодого воина и повалился на спину, увлекая его за собою, тем самым окончательно выводя противника из равновесия. А когда он почти упал, Лысюк принял парня на согнутые ноги и перебросил через голову.

И только в последнее мгновение Виктор вспомнил, что за спиной обрыв. Вспомнил — и не разжал ладони...

Молодого скандинава по крутой дуге, со всего маху так приложило о камни, что даже дух выбило. Во всяком случае, он издал громкий вскрик боли, по-

том пальцы парня обмякли, и весь немаленький вес его тела пришелся на руки Лысюка.

Застонав от жгучей боли в выворачиваемых суставах и рвущихся от напряжения сухожилиях, Виктор все же сумел удержать в захвате руки соперника, не дав тому свалиться с кручи.

Но сумма сил инерции и гравитации, помноженная на добрых четыре пуда живого веса, поволокли Виктора следом. Медленно, по сантиметру, все ж дерн не лед, — Лысюка неумолимо потащило к обрыву.

Проще всего было бросить парня и позволить ему разбиться, но что-то в душе офицера воспротивилось, и он, сцепив зубы, держал...

Затылок Виктора уже охлаждал восходящий поток воздуха, а ситуация оставалась неизменно опасной. Рвануть такой вес из-за головы нереально, перевернуться на живот, удерживая обе руки парня, — не получалось, а отпустить одну руку — опасно. К тому же Виктор побаивался, что как только начнет возиться, станет еще хуже. Сейчас он удерживался, прижимаясь к земле всей спиной и вдавливая в дерн пятки, — а повернувшись на бок, потеряет даже эту опору.

Положение неожиданно спасло копьё. Глубоко воткнутое в землю, оно сыграло роль тормоза.

Как только плечо Виктора уперлось в древко, скольжение прекратилось.

— Ну, хоть так... — выдохнул Лысюк, зачем-то выворачивая голову, словно мог увидеть, что происходит за краем пропасти. — Эй, парень! Хватит балдеть! Очнись! Я один не справлюсь!

— Óðinn?!

Мощный бас прозвучал так неожиданно, что Виктор едва не разжал пальцы. Все же собственная жизнь по определению важнее чужой. Тем более незнако-

мой. А причина для выбора возникла самая серьезная. Рядом, всего в паре шагов стоял Берк Легкое Весло и внимательно глядел на Виктора. Или на копье, которое торчало между плечом и ухом Лысюка. Точнее определить не получалось, поскольку взгляд викинга все время ускользал.

Задаваться вопросом, откуда здесь взялся корабельных дел мастер, не имело смысла. Своей возней они подняли столько шуму, что и глухой бы услышал.

— Да, — подтвердил Виктор. — Один не справлюсь. Чего ждешь, черт тебя дери, старый пень?! Пока он полетит вверх тормашками? Торопись!

— Тор, — очень серьезно согласился седобородый и повторил: — Тор.

Шагнул к краю обрыва, нагнулся и посмотрел вниз.

— Himmel och pannkaka!

При таких кубических габаритах старый корабел казался неповоротливым увальнем, — но, как оказалось, быстро он умел не только головы рубить.

Берк сунул топор за ремень, потом ухватился для равновесия одной рукой за копье, второй — поймал своего парня за шиворот и, словно шкодливого ку-тенка, рывком вытащил наверх. Встряхнул так, что у того зубы лязгнули, и поставил на землю. Потом выдернул копье, переломил о колено, а обломки швырнул вниз.

— ...! — провозгласил торжественно.

После чего развернулся и отвесил парню, все еще пребывающему в нокдауне, увесистый подзатыльник. И без того нетвердо стоящего бедолагу с треском унесло в кусты.

— Son... Dumt...

И опять понятно. Извиняется за сына. Типа, молодой, неразумный... Был бы умнее, убил бы чужака с ходу.

Виктор сел и пожал плечами. Зря... Боль прошла рамена так, что он не удержался от стога.

Берк подошел ближе и положил ладони Виктору на плечи. Ощущение, словно не пальцами, а поленом прикоснулся. Но дело свое седобородый знал. Нажал, сдавил, дернул, и боль утихла.

— Takker...

Это тоже не нуждалось в переводе. Но требовало адекватного ответа.

Виктор поднял и опустил руки. Боль исчезла совсем.

— Takke, — повторил, надеясь, что угадал и это не ругательство.

Седобородый не ответил. Похоже, что-то его все же не устраивало. И он то поглядывал на Виктора, то принимался шарить глазами вокруг.

— И чего тебе надобно, старче? Один я, совсем один. Как в поле воин...

Виктор тоже призадумался. Теперь оставалось решить, какой путь общения избрать. Пустых ладоней, или положив руку на эфес? Рискованно и так, и эдак. Поскольку многие жесты у разных народов воспринимаются по-разному.

Вопрос решился сам.

Берк увидел то, что высматривал. А именно — рогатину, которую Виктор прислонил к дереву.

Взгляд старого корабеля чуточку, но потеплел. Похоже, «человек с ружьем» в его шкале почтения стоял на порядок выше безоружного.

Викинг что-то вопросительно прорычал, но Виктор только пожал плечами. Боль мгновенно ожила,

но как-то неуверенно, эхом. Словно уже и сама в себе сомневалась. И тем не менее Лысюк понимал, что с такими суставами он не боец. Рогатину, правда, в руки взял. На всякий пожарный. Не автомат, а все равно уверенности придает. Или хотя бы создает видимость.

Седобородый разразился еще одной тирадой. Длинной и непонятной. Из школьных познаний немецкого, несколько слов показались Виктору знакомыми, но очень отдаленно. И Лысюк опять пожал плечами.

Тогда Берк Легкое Весло вынул топор, быстро начертал на утоптанном кусочке земли какой-то знак, указал на него и ткнул себя кулаком в грудь.

Виктор кивнул. А что ему еще оставалось, если собеседник так старается. Понял, не понял, а уважение окажи.

Угадал. Берк еще раз стукнул себя в грудь, повернулся к Виктору спиной, выудил из кустов сына, еще раз оглянулся, проворчал что-то и... ушел.

— Супер, — задумчиво прокомментировал Лысюк такой финал. — И как прикажете эту пантомиму понимать? Добро пожаловать, или посторонним вход воспрещен?

Виктор почесал затылок.

— Впрочем, чего гадать? Здесь ответа не будет. Пойдем-ка, товарищ старшой лейтенант, в гости. Может, я и ошибаюсь, но к врагам спиной не поворачиваются. Это либо знак доверия, либо — полного презрения. Надеюсь, до последнего в глазах аборигенов я еще не успел докатиться.

Глава десятая

ИЗБУШКА ТАМ НА КУРЫХ НОЖКАХ СТОИТ
БЕЗ ОКОН И ДВЕРЕЙ

Вот уж действительно, не было счастья, так несчастье помогло. Тот самый ливень, из-за которого Леонид поскользнулся, успел превратить дно ямы в густой кисель, чем уберег парня от увечий. Изгваздался, конечно, по уши, пока барахтался в грязи, но по сравнению с возможностью сломать руку или ногу, это уже были сущие пустяки.

Оле повезло меньше. Ступню она подвернула качественно. Слава богу, хоть без более серьезной травмы обошлось.

— Блин. Надо было все же послушаться Хмеля и подождать рассвета. Темно, хоть глаз выколи.

— Тьфу-тьфу-тьфу. Лучше не надо... — простонала Оля. — Поверь на слово: болит не понарошку.

Методом ощупывания почвы Леонид обнаружил под одной из стенок некоторое возвышение. Укрепил его при помощи обоих посохов и осторожно пристроил на этом насесте девушку. Потом осторожно снял обувь с поврежденной ноги.

— Ты как?

— Терпеть можно, — вопреки бодрому заверению жалобно простонала Оля. — Козел ваш Пилюль. Ну зачем такая реальность, если это только игра?

— Вообще-то тренажер. И вполне вероятно, что курсантов об этом предупреждать не будут... — Сделал попытку почесать затылок парень, но поскольку был весь в грязи, только погладил пальцами скользкие волосы. — Фу, мерзость. И все же, вернемся к ноге. Командуй, если могу чем помочь. Из нас двоих ты доктор.

— Вправить надо... — неуверенно произнесла девушка. — Не затягивая. Когда опухнет — и большее, и сложнее будет.

— Ну так вправляй. Чего ждешь...

— Рома, ты дурак? — от удивления у Оли даже болезненные нотки из голоса пропали. — Я же не резиновая женщина!

— Ты... хочешь... — Леонид, который даже здание поликлиники обходил за три квартала, запаниковал. — Нет, я не смогу.

— Леонид, родненький... — Оля говорила негромко, но твердо. — Если ты мне не поможешь, я охромею надолго. И толку от меня будет ноль. Что чревато и в реале, и в игре. О девушке — калеке на всю жизнь промолчу. Но что, если ваш одноклассник выдернет меня отсюда как балласт, чтоб тебе не мешала? Хочешь один остаться?

— Но я же не умею... — в голосе Бурого не было прежней непререкаемости.

— Это не сложно, — тут же заверила девушка. — Я научу. Дай свою ногу.

— Э-э... она грязная.

— Ага, а мы на приеме в Большом... — фыркнула Оля. — Дай быстрее, а то мне что-то плохеет. Как бы горячка не началась. Черт... Если у нас такие приключения с первого шага начались, то даже загадывать боюсь, что дальше будет. Запоминай... — ее руки уверенно нащупали ступню Леонида. — Вот так повернешь и, когда почувствуешь, что дальше не идет, вот так дернешь. Только резко и сильно. Не жалея меня. Понял?

— Вроде...

— Тогда действуй.

Леонид ухватился поудобнее — ощущение было, словно держит в руках большую рыбину — и пота-

шил ступню на себя. Девушка взвыла и лягнула его здоровой ногой.

— Ой, мамочка! Ты идиот?! Я как показывала?!

— Извини... — пробормотал Леонид, потирая уши-бленный бок. — Я предупреждал, что не доктор.

— Леонид, — девушка опять сменила тон на нежно журчащий. — Ну ты же мужчина! Соберись. Пожалуйста...

Леонид вздохнул. Он уже жалел, что ввязался в эту авантюру. Не полез бы куда не следует, сидел бы сейчас не в болотной жиже, а на мягком диване. С ограблением — понятно. Тут без вариантов. А за каким лешим их в НИИ понесло? Что, нельзя было у кого-нибудь из друзей недельку на даче пересидеть?

— Уснул, что ли?

Голос девушки вдруг показался Леониду крайне неприятным. Чего она раскомандовалась? Тоже мне, начальница выискалась!

«Убей!.. — леденящая стужа коснулась чела парня. — Убей и обретешь свободу!»

— Отвали! — Леонид мотнул головой, отгоняя навязание. — Достал, блин... Советчик хренов.

— Что?

— Это не тебе... — Бурый ощутил очередной прилив злости. В этот раз на неведомую силу. — Прикуси чего-нибудь. Воротник хотя бы.

Невесть откуда и уверенность появилась. Взялся за ступню, повернул самую малость и дернул.

— Ой... — взвыла девушка, но даже в этом коротком вопле в конце уже слышалось облегчение.

— Так лучше?

— Спасибо, Леонид. Ты прирожденный травматолог. Осталось наложить повязку, и к утру буду как новенькая. Это я уже и сама могу.

— Держи пояс... — Леонид протянул Оле свой кушак. — А я пока посмотрю, куда мы попали и как отсюда выбираться.

Осмотр завершился быстро, девушка только-только закончила накладывать бандаж, и результаты принес неутешительные. Они упали в глубокую яму. Диаметр примерно три-четыре метра. Точнее измерить болото шагами весьма затруднительно. Леонид проделал эту операцию трижды и плюнул. В конце концов, не самое важное... Куда хуже, что стены отвесные и от дождя не менее скользкие, чем та проклятая трава, из-за которой они сюда свалились.

— Плохо дело, — озвучил результат. — Похоже, мы застряли. Во всяком случае, пока не рассветет, и пытаться не стоит. Хоть бы этот проклятый дождь уже закончился. Как издевается, сволочь...

— Зато умываться не надо... — пошутила Оля, но что-то в ее голосе Бурому не понравилось.

Леонид подошел ближе и потрогал лоб девушки тыльной стороной ладони. Жар ощущался даже сквозь влагу.

— Блин горелый, только этого не хватало...

Он снял с себя куртку и укутал Олю.

— Зачем...

— Положено, — проворчал парень. — Хотя ты права. Если сидеть в воде, толку ноль. Привстань, пожалуйста.

Леонид взял свой посох и стал скрести стену. Сырая земля поддавалась легко, и вскоре куча, на которой сидела Оля, даже после трамбовки возвышалась над болотной жижей.

— Вот... — Леонид помог девушке устроиться удобнее. — Отдыхай.

— А ты?

— А мне понравилось рыть... Так что беру повышенные обязательства. Сдать объект досрочно.

— Думаешь, сможешь обрушить грунта достаточно, чтобы выбраться?

— Ну, это ты мне льстишь. Я же не экскаватор. Ступеньки прорыть попытаюсь.

Создание пяти ниш для опоры рукам и ногам заняли немного времени... пока Леонид стоял на дне ямы. Но как только работу пришлось продолжить, поднявшись на первую ступеньку, все оказалось гораздо сложнее. На вертикальной стене и просто удерживать равновесие было довольно проблематично, а уж проводить какие-либо работы...

Леонид оскальзывался, срывался, падал. Не больно, но каждый раз разрушая нижнюю нишу, и ее приходилось отрывать заново. Левее, правее, чуть выше... В этой борьбе, он и не заметил, как закончился дождь. Зато, подойдя к Оле после очередного падения, понял, что девушке становится хуже.

С удвоенной яростью он бросился на штурм стены... и опять упал. На этот раз так неудачно, что сломал посох.

Несколько секунд Леонид вертел в руках обломки, а потом хмыкнул.

— Слышь, Оля. А еще говорят, будто бы человек только трижды бывает по-настоящему глуп.

— И когда же?

Девушку жестоко знобило, и ей были совсем неинтересны разглагольствования парня, но он так старался...

— Когда плюет на ладони, плывя в лодке, прикуривает спичками, сидя у костра, и в чистом поле заносит.

— Спорно...

— Так мой дед любил приговаривать. Но я, похоже, побил все рекорды...

С этими словами Леонид начал почти демонстративное восхождение. Встал ногой в нишу, выпрямился и используя инерцию движения, воткнул острый обломок в стенку. Не очень глубоко, но это уже была третья точка опоры. Теперь он мог твердо встать обеими ногами и, свободно удерживая равновесие, надежно закрепить второй кусок посоха. Подтянуться на нем, перебираясь ногами на очередной уровень, и все повторить...

Конечно, без определенной сноровки взобраться на настоящую высоту у Бурого вряд ли получилось бы. Но тут всего-то и надо было, что метра четыре преодолеть.

— Оля, — окликнул девушку уже сверху. — Все будет хорошо. Держись. Я сейчас вернусь за тобой...

* * *

Ливень ушел, забрав тучи и предоставляя небо луне и звездам. Так что тропинку можно было разглядеть не нагибаясь. А она, пропетляв чуток, вывела к хижине.

Леонид ошибался. Ничего общего с избушкой Бабы Яги лесное пристанище Жнеца не имело. Кроме материала постройки и места расположения. За гражданкой Костяной ногой числилась самая простенькая хибара, тогда как Ормульв Травник обитал в добротном пятистенке. Несколько приземистом, зато на широком каменном основании.

И все-таки жилище отшельника производило унылое, даже удручающее впечатление. Впрочем, как и большинство старых изб — из-за потемневшего сруба и серого, местами поросшего мхом гонта.

— М-да, не царские палаты, — хмыкнул Леонид, получил в лоб сорвавшейся с листика дождейкой, и ускорил шаг. — Но, как говорится, выбирать не из чего. Другой крыши в обозримом пространстве не видать. А Оле нужна сухая кровать, тепло очага и крепкий чай... Мне, кстати, тоже. Так что давай, Сезам, поворотись ко мне передом...

Пароль не сработал. Изба не только не пошевелилась, но даже дверь не распахнула. Стояла немая и глухая... В том смысле, что с наглухо закрытыми ставнями, внушающими надлежащее уважение толщиной досок. Да и дверь запирали не всякий замок, пусть даже устрашающе амбарного вида, а деревянный брус-ригель. В пядь шириной и в ладонь толщиной. Причем он заходил в пазы дверного проема так плотно, что, не зная секрета, даже не стоило пытаться его открыть.

— Вот засада, — Леонид раздосадованно пнул стену. — Ну что за непруха такая?.. Не дом, а крепость. Как же я внутрь попаду?

Он уже обошел обиталище Жнеца и успел убедиться, что вход, как и окна, выходят на одну сторону. А остальные стены собраны из таких толстых бревен, что их и топором не прорубить. В смысле быстро...

Так что для несанкционированного проникновения оставалась только крыша. На которую надо было еще как-то взобраться.

Оглядевшись по подворью и не обнаружив ничего похожего на лестницу, Леонид сунулся под небольшой навес, приткнутый к южной стороне дома. В таких пристройках можно обнаружить вещи неожиданные и необходимые в хозяйстве. Например, веревку или топор...

Ночь не самое подходящее время суток для поисков, но судьба оказала Лене снисхождение. Топор, вернее колун, нашелся практически сразу. Причем сам. Бурый и двух шагов пройти не успел, как стукнулся о колоду для рубки дров, от чего воткнутый в нее колун свалился ему на ногу.

— Сволочь! Чтоб ты... — Леонид не завершил мысль, сообразив, что в данной ситуации ему скорее предстало радоваться, чем проклинать. Да, больно... Но что бы он делал, не найдя топора? Ломал деревья голыми руками? — В общем, как поется в песне, «Кому сказать спасибо, что живой?». А с тобой я позже разберусь, — пригрозил Бурый хмуро отмалчивающейся избе.

— Лёня! Ты где?! Мне страшно! — в ночной тишине голосок девушки звучал жалобно и испуганно.

— Все хорошо! Ничего не бойся! Я уже иду!

На всякий случай Бурый даже от тропинки отходить не стал. Благо и деревцо подходящее неподалеку обнаружилось. Колун оказался не таким уж и тупым, как можно было ожидать, исходя из его предназначения. Даже в неумелых руках хватило всего лишь десяти ударов. Потом Леонид кое-как обрубил тонкие ветки, оставив только те, что могли выдержать вес двух людей.

Подтащил импровизированную лестницу к яме, спустил вниз и слез сам.

— Лифт подан, мадемуазель, — произнес Бурый нарочито дурашливо. — Изволите сами подняться, или помочь?

Оля попыталась встать на поврежденную ногу, но тут же со стоном опустилась обратно.

— Ясно. Ну, ничего. Наш Боливар выдержит и двоих. Садись на меня и крепче держись.

— Уверен?

— А то, — Бурый помог девушке подняться. — Еще Дарвин доказал, что мы от обезьян происходим. Вылезем. Можешь не сомневаться. Кстати, ничего, что я к тебе спиной?..

Оля фыркнула.

— Вот и славно.

Восхождение и в самом деле оказалось несложным. Оля весила немного, да и Леонид уже приоровился. Взлетел наверх, как бывалый матрос на мачту.

— Ф-фу. Полдела сделали.

— Подожди, я слезу, — Оля заерзала.

— Не стоит... Тут недалеко. Домчим с ветерком.

— Ой...

— Что?

— Я посох уронила.

— Ну и пусть себе лежит... — Бурый даже шаг не замедлил. — Это ж не банный веник. Куда он денется? Вот устроим тебя, а утром я за ним вернусь.

Леонид хотел еще раз блеснуть остроумием, но волчий вой, разорвавший ночную тишину где-то совсем рядом, мигом прогнал всю веселость.

— Только этого нам для полного счастья и не хватало, — пробормотал Бурый встревоженно. — Хорошо, хижина совсем рядом. Успеем... Правда, там еще замочек скovyрнуть придется. Но ничего, у меня золотой ключик... Черт!

Бурый остановился.

— Я же топор возле ямы оставил. Когда за тобой спускался. Чтоб не мешал.

— И что теперь? Вернемся?

Вой повторился гораздо ближе. И теперь голос подало сразу несколько волков.

— Нет... Не успеть. Держись крепче... — Леонид неуклюже побежал вперед, неожиданно отчетливо понимая, что уже опоздал.

«А вот хрен вам, а не редьку! — билась в голове злая мысль, прибавляя сил. — Не на того напали!»

В другой обстановке парень узнал бы и голос, и сопровождающую его неперенную стужу, но сейчас было не до подробностей. Волки завывали уже буквально за спиной. Повизгивая от нетерпения.

Леонид влетел на подворье и, не останавливаясь, метнулся к навесу. Нижний край его крыши бы аккуратно чуть выше головы парня.

— Лезь! — велел таким непререкаемым тоном, что у Оли и на секунду не возникло желание послушаться. — Быстрее!..

Девушка старалась, как могла, но парню показалось, что она непозволительно медлит.

— Да быстрее же, черт возьми! Держись за крышу, я сам!

И как только Оля схватилась за край навеса, Бурый резко присел, взял ее за ноги и буквально забросил наверх.

— Сиди здесь...

По уму, ему тоже следовало забраться на крышу дома, но внутри парня уже жило что-то более сильное, чем его разум. И оно требовало сражения и крови.

Леонид сгорбился, пригнулся к земле, почти касаясь ее руками, и прыгнул вперед. Навстречу убегающей из леса волчьей стае. Волков было немного, примерно полдюжины, но он и не считал их. Бурый пригнулся еще ниже и вызывающе зарычал, вызывая врагов на бой.

Звери остановились. Голос, позвавший их сюда, обещал легкую добычу. А вместо этого их встречал

странный человек. Пусть и без смертоносного оружия в руках, но говорящий, как медведь. Да и пахнувший странно. Опасно пахнувший... А стая еще не забыла трепку, полученную вчера от хозяина леса.

Бурый рыкнул еще раз и недоуменно замер. Поляна опустела. Волки ушли... Так же тихо, как и появились.

Будь Леонид в себе, он только обрадовался бы такому исходу дела, но одурманенное сознание требовало крови, битвы, борьбы, схватки и просто так успокаиваться не собиралось. Убивать! Ломать! Калечить...

Парень недовольно заворчал вслед сбежавшим зверям, выпрямился, поднял голову, принялся и одним прыжком развернулся в сторону, откуда доносился запах чужого жилья и... самки.

* * *

Дом, в котором мог прятаться чужак, был важнее, но самка, свернувшаяся калачиком на крыше — ближе. Оценив расстояние, Бурый метнулся к навесу, с разбега запрыгнул наверх и оказался рядом с девушкой. Схватил ее за руку и рывком подтащил к себе.

— Леонид, ты что творишь?! С ума сошел? Прекрати немедленно! — Оля возмущенно вырвала руку. Все произошло так быстро, что она ничего не успела понять и соответственно — испугаться.

Бурый облизнулся. Девушка источала сладкий и возбуждающий аромат. Но не как пища, а что-то более приятное...

«Чего замер?! Хватай и тащи в кусты!..»

Если бы голос, овладевший сознанием Бурого, командовал: «Убей!» — то он, пребывая в боевом трансе, возможно, и не успел бы воспротивиться приказу, но

совет взять силой девушку настолько был противен романтической натуре Леонида, что парень очнулся.

— Оля?.. — пробормотал Бурый, растерянно оглядываясь. В голове гудело, словно он со всего маху приложился лбом о стену. — А мы чего здесь сидим?

— Слава богу... — облегченно вздохнула та.

— Не понял? — Леонид вытер покрытый ледяной испариной лоб.

— Волки за нами гнались.

— Волки... — парень закрыл глаза и сосредоточился. — Точно. Помню. А дом заперт, и мы сюда... — Бурый огляделся. — Но я их не вижу. Неужели ушли?

— Нет...

— Что «нет»?

— Волков ты прогнал.

— Это как?

— Не знаю, — честно ответила Оля. — Я тут сидела. А ты к ним бросился, рыча, как медведь.

— И что?

— И то... Они ушли.

— Бред, — Леонид помотал головой. — Не помню. Это на меня с испугу, наверное, нашло. Впрочем, я где-то читал, что звери, если не голодные, людей не трогают. Отголоски прошлого. Забавно, правда? Мы-то уже выродились, а они по-прежнему считают нас царями природы.

Оля промолчала. Едва ощутимый внизу, ветерок наверху гулял гораздо веселее. Выдувая даже те крохи тепла, которые еще удавалось сберечь. Горбясь и обнимая себя за плечи, девушка мечтала только пристроить поудобнее ноющую ногу, снять с себя мокрую одежду, закутаться в одеяло и хоть пару часиков поспать. А все остальное можно обговорить и обдумать потом.

— Ладно, — Леонид, похоже, считал так же. — Ты посиди еще, на всякий случай, а я за топором схожу. Не до утра же нам тут куковать, надо как-то внутрь попасть. Не получится через дверь, по примеру Петра Великого прорублю окно... Блин, как мышцы болят. Нет, не для меня весь этот экстрим... — и ворча что-то о бронепоезде, он неуклюже полез вниз.

— А дом не заперт...

— Чего? Ну что ты мне голову морочишь? Я пока топор искал, хорошенько все осмотреть успел. На окнах ставни, а дверь на запоре. Темно, конечно. Но я же и руками пощупал... Фигня какая-то. Я же своими глазами...

Леонид не стал продолжать, потому что те же самые глаза сейчас утверждали обратное. Ставни не так чтоб открыты, но приподняты больше чем наполовину. Зато дверь гостеприимно распахнута настежь.

— Чудеса, и только... Зуб даю, все на замке было.

— Может, открыли, пока ты меня вытаскивал?

— А хозяин где?

— Мало ли? — Олю знобило, и девушка буквально за уши притягивала более-менее походящие объяснения, лишь бы поскорее оказаться в тепле. — Что мы о нем знаем? Открыл и ушел по делам. Он же нам не нянька...

— Факт... Ну, а если что не так, я эту избушку по бревнышку раскатаю, — Леонид встал под навесом и протянул руки. — Сползай.

Оля не заставила себя упрашивать. Легла на живот и съехала в объятия Бурого. Правда, взял он ее не на руки, как можно было ожидать, а положил животом на плечо.

— Ну, по крайней мере, одно из моих страстных и потаенных желаний с завидным постоянством

исполняется... — прокомментировал Леонид. Какое именно, осталось без уточнения, потому что в дверях пришлось нагнуться, придерживая девушку за попку, а в таком положении не до светских бесед.

— Поставь... — слабо задержалась та, сил не оставалось даже на возмущение.

— Потерпите, больная... Черт, темно, как у афроамериканца в... гм... темно, короче. Впрочем, хоть подробностей быта отшельника я и не вижу, но место для отдыха наблюдаю.

Оля, для которой внутри дома царила крошечная тьма, только хмыкнула. Но Леонид, похоже, и в самом деле что-то видел. Во всяком случае, с кроватью не ошибся. Со всей осторожностью он уложил девушку на нечто мягкое и присел рядом.

— Ф-фу, уморился... Оля, ты ложись, отдыхай. Я сейчас... Минутку посижу и погляжу, где тут чего... Разберемся. Зажжем огонь, чайку сварганим...

Голос Бурого затихал с каждым словом, а потом он повалился на бок. Но как только голова коснулась лежанки, он очнулся и вскочил на ноги.

— Извини, я сейчас...

Девушка промолчала.

— Эй, ты чего? — Леонид нащупал ее запястье. Горячее, как огонь. Потом наткнулся на мокрый и холодный рукав промокнувшей насквозь куртки.

— Нет, так не пойдет. Надо раздеться.

Сперва Леонид хотел снять только сапоги и куртку, но потом сообразил, что если оставит хоть клочок мокрой ткани, девушка не согреется.

— Ты извини, я все равно ничего не вижу...

Не прислушиваясь к ее слабым протестам, Леонид проворно стащил с Оли все, вплоть до повязки, и укутал покрывалом.

— Вот, другое дело... А теперь посмотрим, где тут плита и чайник...

Леонид попытался встать, но сил уже не оставалось совсем.

— Сейчас... Я сейчас...

В своем воображении Бурый зажег газ в плите, поставил чайник и приготовился ждать, пока тот закипит, даже не заметив, как провалился в сон.

Нежное тепло, напоминающее морскую зыбь в разгар купального сезона, довольно быстро оказало целительное воздействие. Не прошло и часа, как Оля почувствовала себя гораздо лучше. Бодрее.

Меховое ложе приятно ласкало обнаженное тело.
«Обнаженное?!»

Оля мгновенно подтянула коленки к животу и судорожно потащила покрывало к подбородку.

«Почему? Зачем?..»

— Нет, — пробормотал в этот миг Леонид и громко застонал. — Не надо...

Парень беспокойно заворочался, не переставая стонать. Потом поутих. Но дыхание его, прежде ровное и спокойное, сейчас больше напоминало хрипы больного гриппом или другим ОРЗ.

— Черт, — Оля даже покраснела от стыда. — Он меня... а я... только о себе...

Девушка, наплевав на наготу, вылезла из-под одеяла, вздрогнула от мгновенно набросившейся на разогретую кожу прохлады, и в свою очередь принялась раздевать парня.

— Видел бы меня отчим, — хихикнула вдруг. — Вот обрадовался бы, козел старый...

Успевшая снова замерзнуть, Оля торопливо сбросила на пол осклизлую и противную даже на ощупь одежду Леонида, накрыла его одеялом, а потом сама

шмыгнула в кровать. Замерла на секунду с краю, в раздумье...

— Да идите вы все лесом, — пробормотала сердито, пододвинулась ближе и прижалась к холодному, как кусок бетона, боку так и не проснувшегося парня.

Глава одиннадцатая

И С ВЫСОТЫ ВАМ ШЛЕМ ПРИВЕТ

Вот интересно, какой мудрец придумал, что торопиться надо медленно? И кто спешит, тот, типа, людей смешит? Виктор всего минут на двадцать задержался. Оправиться и приличия соблюсти. А когда вышел к месту вырубki, застал только конский топот. В том смысле, что ни корабельных дел мастера, ни его работников там не оказалось. На полянке испускал последние дымки потушенный костер, а глубокий след от трелевки бревен объяснял, куда все подевались.

Видимо, Берк решил, что сделал для чужака достаточно. Как говорится, была бы честь предложена... А воспользуется тот приглашением или нет — его забота.

— Твою краснознаменную дивизию! — выругался Виктор. — Неужели нельзя было еще пару минут подождать? На самолет опаздывали? И что мне теперь делать? Догонять лесорубов с криком: «Эй, подождите!»? Так нельзя этого. Мелочная суетливость не вяжется с героическим обликом. Можно потерять лицо. Идти в деревню самому? Тоже не вариант. Темнеет. Ворота, скорее всего, запрут прямо перед моим носом.

Лысюк присел на свежий пенек.

— В деревню точно соваться не стоит. Тех, кто приходит после заката, нигде не любят. Особенно, если чужак не может внятно объяснить, кто он, откуда приблудился и какого рожна ему понадобилось. Ночью добрые люди дома сидят, а не по чужим дворам шастают. Как ни крути, а сегодня придется в лесу заночевать... Черт!

Виктор вскочил и бросился к испускающему последний дух кострищу, в надежде отыскать под пеплом хоть один уголек. Но, увы, лесорубы костер не затоптали, а залили. С гарантией. Зато рядом на большом листке лопуха лежало несколько лепешек и огромный кусок какой-то вяленой рыбыны.

— Ух, ты, — Виктор сглотнул слюну. — Большое вам человеческое... Или это духу лесному подношение? Ладно, он не обидится. Тем более что сегодня я как бы исполнял его обязанности.

Рыба пахла отлично. И вкус имела тоже приятный. В отличие от лепешек. Те больше напоминали обожженные глиняные диски. Впору вместо сюрикэнов по врагам швыряться, а не зубы на прочность испытывать. Предварительно не размочив, даже и пытаться разгрызть не стоит.

Кстати о воде...

Покрутив в пальцах средневековые сухари, Виктор припомнил, что рядом с тем местом, где он привязывал Скубу, вроде журчало что-то. Да и рыба, как говорится, воду любит. В смысле, съеденная... Пока что не сильно поджигает, можно потерпеть. Но в темноте найти ручей будет сложнее.

Виктор рассовал лепешки по карманам, подхватил рогатину и двинулся в глубь леса.

К тому времени хорошенько повечерело, и чтоб найти источник до наступления полной темноты,

стоило поторопиться. Лес, вполне гостеприимный при солнечном свете, с каждой минутой казался более чужим, и, чтоб ненароком не заблудиться, Виктор пошел не напрямик, а по тропинке. Здравомысленно рассудив, что она выведет его либо к воде, либо к месту казни. Что тоже нормально — там он уже сориентируется. И не ошибся...

Вот только не учел, что мощенные дороги ведут, как правило, в ад... или — в засаду. Виктору уже был виден труп раба, когда невидимая сила ухватила Лысюка за лодыжку и рывком вскинула вверх тормашками. Попутно приложив лбом о землю, так что аж искры из глаз посыпались.

Минуту или две Виктор болтался вниз головою, как на тарзанке, медленно приходя в себя и соображая, что произошло. А когда понял, крепко выругался.

— Блин, попался в силки, как заяц. Хорошо, что не самострел...

Прилив крови уже ощущался усиливающимся звоном в ушах и болезненным давлением в глазах, так что Виктор первым делом постарался исправить ситуацию.

В целом, если человек не потерял сознание и находится в более-менее нормальной физической форме, эта ловушка не смертельна. Главное, не паниковать и не терять зря времени...

Цепляясь руками за штанину, Лысюк сложился пополам, подтянулся, ухватился за петлю, потом — за канат, и полез вверх. Конечно, вся эта акробатика не так легка в исполнении, но вполне по силам молодому, не страдающему ожирением мужчине.

Дело оставалось за малым: лезть дальше вверх и освобождаться от петли, усевшись на дереве, или — чиркнуть ножом, рассчитывая на удачное приземле-

ние. Высота в два роста не такая уж и большая, чтобы всерьез опасаться травмы. И Виктор почти уже было склонился к этому, менее утомительному и более быстрому варианту обретения свободы, когда ситуация изменилась еще раз.

Неподалеку послышался громкий и тоскливый вой, которому ответило сразу несколько волчьих голосов, а несколько секунд спустя из кустов показался большой, матерый зверь. И не потому, что у страха глаза велики, — хищник действительно был огромен.

А когда на поляну вышло еще около полудюжины зверюг, пусть и немного меньших размеров, Лысюку стало совсем не по себе, как только он представил, что мог оказаться внизу, в их компании. Виктор быстро полез вверх.

Его слышали, учуяли и заметили. Волки задрали головы, с интересом уставясь на человека. Только не облизывались.

— Фиг вам, — нервно пробормотал Лысюк. Потом сообразил, что веревочная петля, закрепленная на ветке, не самая надежная конструкция, и заработал руками еще быстрее. Успокоился, только когда почувствовал под сидалищем крепкий, толстый сук.

— Вот же ж угораздило... Пара секунд, и я бы свалился к ним прямо на ужин. Как манна небесная.

Приобретенный на последние монеты нож легко справился со средневековой веревкой, и Виктор обрел полную и окончательную свободу. Правда, на данный момент ограниченную кроной дерева. Впрочем, это была осознанная необходимость, что некоторыми философами как раз и считается той самой свободой.

Негромкое рычание и возня дали знать, что хищники занялись трупом раба.

— Хорошо, что волки по деревьям лазить не умеют...

Виктор на всякий случай обвязался веревкой, теперь добровольно, а второй конец так и оставил закрепленным на ветке. Она оказалась достаточно крепкой, к тому же прошедшей испытание.

— Черт, а попить мне так и не удалось. Ну, ничего, не маленький. До утра потерплю как-нибудь.

Думать о том, что волки могут не уйти и утром, Виктору не хотелось. Как и о том, что на рассвете, скорее всего, придет проверять силки поставивший их охотник. И не факт, что им окажется Берк. И вообще — на кого именно викинги охотились? Если на волков или других зверушек, интересующихся падалью — это одно. А если корабельных дел мастер все-таки разглядел следы, оставленные Виктором? Значит, несмотря на неприятное соседство и малоаппетитные звуки, доносящиеся снизу, надо устроиться поудобнее и постараться поспать. Кто знает, что день грядущий нам готовит...

* * *

Заснуть не удалось.

Размеренное урчание и чавканье сменилось раздраженным рычанием. Причем в нестройный хор волчьих голосов врывался другой рев — гораздо мощнее.

Не очень-то и рассчитывая разглядеть что-то в кромешной тьме, Лысюк раздвинул ветки и чутко свесился вниз. Исключительно из любопытства. Его рогатина осталась валяться внизу, так что принять хоть какое-то участие он все равно бы не смог.

Вовремя выглянувшая луна осветила картину не для слабонервных.

На поляну вывалился огромный медведь. О том, что с подобным исполином можно совладать, не имея

пулемета, Виктор никогда бы не поверил. Он даже не знал, что такие бывают. В холке около полутора метров, и комплекции соответствующей. Глядя на него, почему-то вспомнилась вычитанная где-то информация, что медведь может бежать с лошастью или лосем в зубах. Не ввали книги. Такой — вполне. Даже со средних размеров слоном.

Медведь шагнул вперед и еще раз требовательно и угрожающе взревел.

Волки ответили злым рычанием, но от своей добычи не отступились. Медведь опасный противник, зато их было больше.

Увы, дикая природа не демократический мир. Здесь вопросы не решаются большинством голосов. Что было тотчас же наглядно продемонстрировано.

Пара молодых, неопытных волков безрассудно бросились на медведя с боков, как на оленя. Но... Одного бурый ловко поймал пастью еще в прыжке. Потом прижал к земле и лапой перебил хребет. А второго, успевшего все-таки вцепиться в мохнатый бок, просто подмял под себя. Матерый зверюга буквально расплющил худосочного переярка, навалившись на него всей тушей сверху.

Остальным волкам такой демонстрации хватило. Порывкая и огрызаясь, они попятились прочь.

Медведь еще раз назидательно взревел и неторопливо двинулся к отвоеванной у стаи добыче.

В этот момент луна снова скрылась за облаками, и представление закончилось.

— А мне-то что, — пробормотал Виктор, стараясь не делать лишних движений, — от перестановки сапог ноги не меняются. Команда была спать...

Уснул Лысюк только под утро. Все казалось, что медведь, не наевшийся остатками волчьей трапезы,

захочет и его достать. А когда провалился в дрему, то так явственно увидел зверя карабкающегося по дереву, что буквально подскочил. Хорошо, привязался, а то вполне мог бы и свалиться.

С рассветом ночные страхи, подпитываемые разными шорохами и иными непонятными звуками, улетучились, и Виктор наконец-то уснул по-настоящему.

Проснулся от настойчиво бьющего в глаза солнечного света.

Сперва попытался отвернуться, но ветка уколола в щеку и окончательно прогнала сон.

— С добрым утром, — Виктор сел, свесил ноги и с хрустом потянулся. Потом вспомнил последние события и с тревогой посмотрел вниз. Никого. Словно приснились ему и волки, и гигантский медведь.

— Ощущение, как с бодуна. Жрать и пить охота, а в целом — бывало гораздо хуже. Хозяин лесной, ежели не померещился, конечно, зачетный. На узкой тропинке с таким лучше не встречаться. Но, как говорится, кто предупрежден, тот убегает быстрее...

Он внимательно оглядел дерево и обнаружил между двумя ветками подходящее местечко для тайника. Дупло не дупло, но уже вполне приличная трещина в стволе. Как раз чтоб втиснуть в нее сплюснутый кошель. И не провалится, и не выпадет... А то, может, здесь принято чужаков обыскивать и все найденное реквизируют. Чем потом за пленника платить?

— Ну вот, теперь можно и на люди...

Виктор еще раз поглядел по сторонам и, не заметив ничего подозрительного, пощупал за пазухой заветный кошель Ястреба с деньгами и золотишком на выкуп — не потерялся ли — и полез вниз.

По счастливой случайности, тот самый источник, поиски которого привели Виктора сюда вчера, обнару-

жился буквально в паре шагов от дерева, на котором он ночевал.

С удовольствием напился, умылся и даже позавтракал — без затей уронив каменные хлебцы в воду на время утренних процедур. И пока закончил с личной гигиеной, лепешки как раз достаточно размокли, чтоб их можно было съесть без риска для целостности зубов.

Ел, правда, уже на ходу. Дольше, чем необходимо, оставаться там, где пахло кровью и требухой, не хотелось. Зато, прежде чем спуститься на побережье, имелось желание еще разок взглянуть на деревню. Так сказать, оценить обстановку свежим оком. Мало ли... Может, проглядел вчера какую-то важную и интересную подробность?

О том, что внизу что-то происходит, Виктор услышал раньше, чем вышел к обрыву.

Вся деревенька галдела, как один большой базар. И даже не понимая слов, только по радостным восклицаниям, смеху и веселым интонациям, можно было догадаться: у аборигенов случилось нечто приятное.

Ответ обнаружился в самом конце просвета между отвесными скалами, плотно сжимающими узкую, извилистую ленту фьорда. Там как раз показался большой полосатый парус, самого себя раза в два шире. Словно опрокинутый набок матрас. Точь-в-точь как с картинки прочитанной Виктором книги.

Там еще упоминалось о том, что именно благодаря таким пропорциям викинги могли идти под острым углом к ветру. Но это так, из общих знаний... Сейчас, используя попутный, дующий с моря ветер, драккар буквально летел по воде, гоня впереди тарана пенистый, белый бурун.

Кстати, как Виктор ни вглядывался в стремительно приближающееся судно, никакого дракона на высоко задранном носу так и не увидел. Либо не все корабли викингов украшали мордами чудищ, либо историки чего-то напутали... Выдавая единичные случаи за неперменное и обязательное условие культуры древнескандинавских воинов и мореходов.

А радостная суeta тем временем только набирала обороты. Видимо, дозорные совсем недавно известили о возвращении ярла. И Виктор подоспел буквально к первому акту предстоящего веселья.

Даже беглого взгляда хватало, чтобы заметить, что примерно из сотни жителей деревни головы больше половины повязаны платками, то есть принадлежат женщинам. Остальные — скорее всего молодежь обо-его пола, поскольку одинаково простоволосы. А мужчин, тех, кто в шапках, едва наберется дюжины полторы.

— М-да, — Виктор досадливо поморщился. — Жаль, не знал я этого раньше. Мог бы без особой опаски пленника проведать. Десяток, причем скорее всего инвалидов-ветеранов, не сотня головорезов. Профукали вы, товарищ старший лейтенант, свой шанс! А теперь задача на порядок сложнее становится.

Лысюк задумчиво потер подбородок.

— Гм, а не факт. Совсем не факт! Бабы чего веселятся? Мужики с работы возвращаются. Да не просто так, а всю получку домой несут. И что это значит? Правильно... Гуляй, народ! Веселись, нищета!.. Рвани-на от рубля и ниже! Так что не говори гоп... Поглядим еще, куда кривая вывезет. Жаль только, меня на этот праздник жизни не приглашали. Блин, ну прямо как в сказке: и я там был, мед-пиво видел, по столам текло, а в рот не попало...

Виктор вздохнул, выудил из кармана последнюю черствую лепешку и уселся на краю обрыва.

Драккар к тому времени спустил парус и подходил к причалу только благодаря инерции и искусству кормщика.

* * *

— Ого, а нехилая дружина у ярла!..

Виктор быстро пересчитал сидящих попарно на скамьях гребцов. Без бинокля это было довольно сложно проделать, да и цель все время смещалась. Но даже с погрешностью набиралось не меньше полусотни воинов.

— Для такого селения — целая армия... Впрочем, так и должно быть. Чем тут еще мужчинам заниматься?

Тем временем драккар изящно пришвартовался, притираясь бортом к причалу так, что ни одна доска не заскрипела.

Толпа встречающих дружно заорала и завизжала нечто среднее между «Виват!», «Царя!» и «Шайбу!» — и на подмостки прыгнул ярл.

В том, что именно этот статный воин тутошний хозяин — Гюрдир Безбородый, сомневаться не приходилось, хотя бы с учетом его козырного прикида. «В чешуе как жар горя...» Шлем и та часть кольчуги, которую не прикрывал меховой плащ, сверкали на солнце, как сигнальные зеркала. Так что даже с такого расстояния смотреть на ярла больно глазам.

Кстати, это сиятельное великолепие не обычное пижонство, а военная хитрость, уловка. Слепленный противник — все равно, что безоружный. С этой же целью и медные умбоны на щитах надраивали до блеска.

За ярлом с палубы на причал согласованно, без толчеи хлынула не менее яркая и пестрая дружина, вернее — хирд.

Восторженная толпа жен, дочерей и прочих родственников в воздух чепчики метать не стала, но, издав дружный и радостный визг, колыхнулась навстречу. Для полноты картины не хватало только гремящего на весь поселок «Прощания славянки».

Чтоб не завидовать чужой радости, Виктор отвел взгляд и с удивлением увидел, что во фьорд вошла еще пара драккаров. Гораздо медленнее, поскольку двигались не под парусами, а на веслах. Видимо, их кормчие хуже знали свое дело или — фарватер.

— А это кто такие?

Даже очень оптимистически оценив количество спальных мест данного селения, с трудом верилось, что и эта сотня молодцев имеет здешнюю прописку.

Новоприбывшие корабли заметили и внизу. Кто-то из дозорных что-то громко прокричал, указывая рукою на залив, но это известие никоим образом не отразилось на торжественности момента.

Видимо, ярл знал о кораблях, следующих сзади, и не опасался их прибытия.

Обе волны — вернувшихся из похода героев и ликующих домочадцев — слились, перемешались и начали расслаиваться на отдельные островки. Так сказать, группы по интересам. Каждая вокруг своего героя...

После первого обмена рукопожатиями, объятиями и поцелуями накал веселья потихоньку спал, благодаря чему стали более отчетливо слышны горестные вопли и рыдания.

Похоже, не всем воинам было суждено вернуться из вика.

Когда воротимся мы в Портленд,
Нас встретят женщины и дети.
Да только в Портленд воротиться
Нам не придется никогда...

— пробормотал Лысюк строфу из какой-то популярной песенки, даже неизвестно когда засевшей в памяти и вот сейчас всплывшей по ассоциации.

Тем временем оба «чужих» драккара приблизились настолько, что Виктору удалось разглядеть поднятые на мачты белые щиты. И — пресловутых драконов. Вот только на одном из кораблей голова чудовища оказалась повернута мордой внутрь. А голову другого драккара венчал пестрый травяной венок, а клыкастая пасть была повязана пестрой шалью.

Понятно, в общем, даже самому тупому. Мы мирные люди, и наш бронепоезд сегодня стрелять не будет...

Когда суднам оставалось пройти последние метры, ярл что-то проорал, зычным голосом перекрывая весь ярмарочный гам, и хаотическое передвижение немедленно упорядочилось.

Часть народа отхлынула к баракам, а хирдманы подтянулись к своему вождю, выстраиваясь за спиной ярла живой стеной.

Разумно. Доверяй, но проверяй. И прежде чем гость наглядно не продемонстрирует свое миролюбие, оружие лучше далеко не откладывать. Ибо, как гласит поговорка, пришедшая в мир где-то из этих мест, у государств не бывает постоянных друзей, а только временные союзники.

Чужие драккары пристали куда менее изящно, — даже не к причалу, а прижались рядом, к отмели. Тем

самым подтвердив, что кормчие на них все-таки не чета знающему с судна Гюрдира-ярла.

Местный ярл шагнул вперед, хирд чуток сплотился, но на берег по веслам сошли только двое воинов. Разодетых не хуже Гюрдира. Один — похожей комплекции, прикрывал доспехи от солнца шелковым плащом, который трепетал сейчас за его спиной на ветру ярко-синим знаменем. Второй — более коренастый, был без накидки. Оба гостя шлемы держали в руках, обнажив головы. Стройный викинг — рыжую, без единой проседи, а коренастый крепыш — лысую.

Гюрдир Безбородый неторопливо, с достоинством хозяина двинулся им навстречу. Прибывшие воители тоже не убыстряли шаг, — и на поселок впервые опустилась тишина. Даже беспокойные гуси и те немного утихомирились.

Вожди встретились, перекинулись парой слов, потом обменялись рукопожатиями и обнялись...

Мир был заключен заново или подтвержден.

Хирд Гюрдира исторг из глоток приветственный рев. Команды обоих драккаров ответили не менее оглушительно и посыпались на берег, — с ловкостью цирковых акробатов, балансируя по нескольким веслам, специально для этого оставленным в уключинах.

Все при броне и оружии, но, как удалось заметить Виктору, никто из прибывших в гости не взял с собою щитов. Они остались украшать борта суден. Что, по-видимому, и было главным подтверждением мирных намерений.

Потому что только после этого строй хирдманов Гюрдира Безбородого, готовых к встрече любого уровня, утратил монолитность, а бабы и ребятя — ожили

и, рассыпаясь на мелкие стайки, двинулись от домов к пристани. В общем, в деревне все торжество начиналось заново, только количество гостей как минимум утроилось.

— Веселится и ликует весь народ...

Виктор встал и с удовольствием потянулся. Ночь, проведенная в гнезде, несмотря на массу неоспоримых преимуществ, имела и недостатки. В частности — непривычная поза, теперь дающая о себе знать неприятными ощущениями в левом боку и нытьем под правой лопаткой.

— Соваться в этот бедлам еще меньше смысла, чем вчера. Но и плющить харю не наш метод.

«И что? У нас есть план, мистер Фикс?»

— Он у нас есть, мистер Фикс.

Виктор указал пальцем на южные ворота и сам себе объяснил:

— Эти ведут к морю.

Перевел указательный палец на северные ворота:

— Эти — в горы... Гм, а вот это непорядок.

Лысюк поднес палец к глазам, внимательно оглядел его, откусил у ногтя заусеницу и только после проделанной операции ткнул в потайную калитку.

«Приз тому, кто объяснит, зачем нужна эта калитка. Типа, тоже в горы? Но дорога сюда одна, та, что начинается у северных ворот. Или все-таки не одна? И к потайной калитке прилагается не менее секретная тропа?»

— Вот вы и займитесь этим, товарищ Лысюк, — непохоже, но старательно копируя голос Сталина, произнес Виктор. — И лично доложите о результатах! У меня все. Можете быть свободны! Пока...

Глава четырнадцатая

ТАМ ЧУДЕСА, ТАМ ЛЕШИЙ БРОДИТ

Разбудил Бурого аромат жарящегося лука. С детства самый вкусный и любимый из всех запахов кухни. Неизбежно вызывающий аппетит. Особенно, если последний раз подкрепиться пришлось сутки назад. О чем оголодавший организм тут же поспешил напомнить громким урчанием.

— С добрым утром, принц, пора в Сараево...

Леонид потянулся и открыл глаза.

— Во-первых, — отозвалась Оля из другой комнаты, — добрый вечер. А во-вторых, зачем дом обижаешь? Совсем не сарай. Очень даже уютная изба.

— Говоря о Сараево, я имел в виду анекдот о принце Фердинанде, но вряд ли вы это проходили в школе, — хмыкнул Леонид. — Забудь... А вот насчет вечера уже я не просек прикола.

— Тогда вам ужинать пора... мой принц, — рассмеялась Оля, давая понять, что не обиделась.

— Как ужинать? — Леонид попробовал сесть, но из этого ничего не получилось. Тело отказывалось повиноваться. Не в смысле было парализовано, а исключительно вяло отреагировало. Словно не его касалось. — Что за фигня?..

Леонид повторил попытку и застонал от боли.

— Откуда такая крепатура?

Заглянул под одеяло, оглядел себя, аккуратно сложенную на табурете одежду и спросил другое:

— Не понял, а почему я раздетый?

— Я же не спрашиваю, почему проснулась сегодня голая, да еще и под одним одеялом с тобой... — на-

смешливо ответила девушка. — Или будешь отрицать, что раздел меня?

— Нет, — Леонид сделал титаническое усилие, выгребая из закоулков памяти мысли и воспоминания. — Но...

— Ладно, не парься. Я совсем не считаю себя обязанной выйти за тебя замуж. Хотя после всего...

— А разве что-то было? — после третьей попытки привстать Леонид обессиленно повалился навзничь.

— Пытаешься откосить, или в самом деле провалы в памяти?

— Какие провалы?

Оля добродушно рассмеялась.

— Ну, ты прямо живой анекдот. «Доктор, у меня провалы в памяти! И часто? Что часто? Провалы... Какие провалы?» Эй! Забудь. Шутка юмора. Нормально все, если такие приключения можно считать нормой. Иди кушать... Не разносолы, но подкрепиться не помешает. Бабушка всегда говорит, что голодный мужчина — самый страшный зверь. И знаешь... — Оля возникла на пороге в комнату. — Когда ты тех волков шуганул, я ей поверила.

Леонид очумело помотал головою.

— Ничего не помню...

— И как из ямы меня вытаскивал?

— Это да... А потом — какое-то мельтешение... и... ну, в общем, я укладываю тебя спать.

— Эк тебя прихватило.

Оля помогла парню сесть, опираясь на изголовье кровати, потом сходила на кухню и вернулась с миской желтоватой каши-размазни, щедро сдобренной жареным луком.

— Ну, тогда и не мучайся. Налегай, пока горячая, а я тем временем вкратце перескажу, что запомнила

сама. Если не сойдется — поправляй. Кажется, у меня от вывиха и переохлаждения горячка была. Так что не все воспоминания в фокусе...

— А ложка? — Леонид обеими руками с трудом удерживал аппетитно пахнущую миску.

— Не нашла, — пожалала плечиками Оля. — Другая утварь имеется, а ложек и вилок — ни одной. Да ты не стесняйся, хлебай так, как кисель. Не до церемоний.

Леонид послушался совета. И в самом деле, не самая большая трагедия, когда кушать охота. И не просто кушать — жрать в три горла, этой самой миской загрызая вместо хлеба. А Оля тем временем принялась подробно пересказывать события вчерашней ночи.

К тому моменту, как девушка добралась до его прыжка на крышу, Леонид уже успел спать более жидкую часть каши. И вовремя, иначе наверняка захлебнулся бы.

— Гонишь...

Оля возмущенно фыркнула.

— А-а, понял. У тебя как раз тогда уже горячечный бред начался...

— Может быть, — не стала спорить девушка. Приняла миску и поинтересовалась: — А сейчас как ощущения? Прибавилось сил?

Леонид прислушался к организму.

— Да, чуток лучше стало.

— Понятное дело. Тебе бы мяса кусок, а не кашики... Увы, в закромах Травника разносолов не обнаружено. Вернее, эта жалкая горсть пшена и пара луковиц — единственное, что вообще в избе нашлось.

Живот Леонида тут же согласился с таким утверждением. В том смысле, что да, мяска бы не помешало умять. Причем так громко, что рассмеялись оба.

— Спасибо и за кашу. Отменный вкус.

— Вообще-то, — Оля придвинулась ближе, — спасибо я хотела сказать.

И пока Леонид соображал, как лучше ответить, потому что затрепанное «не за что» в данном случае казалось не к месту, девушка нагнулась, обняла и поцеловала. Да не просто чмокнула из вежливости, а так, что парня в жар бросило.

Даже не пытаясь ответить, он очумело наслаждался восхитительным вкусом ее губ, прислушивался, как нежно и быстро скользит ее язычок. А когда понял, что это не сон, и попытался обнять девушку — все закончилось... Оля так же быстро отстранилась.

Леонид машинально потянулся к ней. Тело вновь стало послушным, и этого не скрывало даже одеяло.

— По ходу, не обманули бабушкины советы, — девушка облизнула губы и улыбнулась. — Ожили, мой принц?

— Что это было? — хрипло поинтересовался парень, сгибая колени.

— Моя благодарность плюс старинные рецепты. Сказку о спящей красавице читал?.. Как видишь, не все в ней ложь.

— Это ты типа из сострадания? — возмутился Бурый. — Как калеку?

— Глупый ты, большой и глупый, — Оля опять присела на краешек ложа и чмокнула парня в щеку. — Не спеши, успеешь...

Но Леонида не так просто было остановить. Он сгреб девушку в охапку, подтянул к себе, едва ли не с вчерашней бесцеремонностью, но когда намерился поцеловать — увидел ее глаза. Смотрящие нежно, но серьезно... И разжал объятия.

— Симулянт, — резюмировала Оля. — Я на кухне подожду. Одевайся...

— Мы торопимся куда-то?

— Тебе решать... — уже из-за двери ответила девушка. — Но если не забыл и хочешь за посохом или топором сходить — то скоро стемнеет.

— Намек понял, — Леонид влез в штаны и почувствовал себя увереннее. — Травник не объявлялся?

— С утра нет. Но записка имеется.

— И что в ней?

— Ждите...

— В смысле?

— В самом прямом. На куске выскобленной кожи углем начертано: «Ждите».

— Занятно, наш Ормульв часом не из Одессы родом? — проворчал Леонид, рассматривая «записку» Жнеца.

— Почему из Одессы? — не поняла шутки девушка.

— Анекдот. Старый... Когда еще телеграммами общались и платили за каждую букву, — рассеянно объяснил Бурый, осматривая помещение. — В Москве умер старый еврей, и родственники шлют телеграмму в Одессу: «Изя все». А из Одессы отвечают: «Ой».

— Смешно. Ты что-то ищешь?

— Не знаю, — пожал плечами Леонид. — Что-то не пляшет, а что — понять не получается. Пойдемка и в самом деле на свежий воздух. Проветримся... Помнится, мы когда от дождя побежали, ты сказала, на камне было что-то написано? Может, стоило все-таки почитать?

Оля только плечами пожала.

— Успеем засветло, почитаем...

Леонид подошел ближе, взял девушку за руки и заглянул в глаза.

— И все-таки, что это было?

— Станный вы народ, мужики, — рассмеялась та. — Все вам разжуй да в рот положи.

И мгновенно построжела, заметив, что парень, уже позабыв о желании выйти во двор, намеревается снова поцеловать ее.

— Мужчина, держите себя в руках!..

Привстала на цыпочки, легко прикоснулась губами заросшего щетиной подбородка, укололась, прыснула смехом и выскользнула на улицу.

* * *

Место, где они очутились, пройдя Перепутье, ни капельки не изменилось. Все та же неприступная, уходящая ввысь скала, перекрывающая обзор. Лес и полянка с межевым камнем. От скалы к камню ведет хорошо натопанная стежка. Ни влево, ни вправо вдоль отвесной стены никаких других тропинок не видно.

Что ж, вполне логично. Человек — существо любознательное. Значит, обязательно подойдет посмотреть, что высечено на каменном указателе.

Пока Леонид предавался созерцанию и делал первые умозаключения, Оля, не колеблясь ни секунды, потопала напрямиком к основательно поросшему мхом менгиру.

— Осторожно!

— Думаешь, волки и здесь засаду устроили? — девушка беззаботно рассмеялась. — О, иди сюда! Глянь, чего тут написано. Не врут сказки...

Леонид подошел ближе.

«Путник, остановись и внемли! — гласила надпись, тщательно высеченная на гладкой поверхности. Древнескандинавскими рунами! — Пойдешь направо — голову потеряешь. Налево пойдешь — женат будешь».

— А в чем альтернатива? — усмехнулся Бурый.

— То есть? — удивилась Оля.

— Ну так факт женитьбы подразумевает потерю разума, то бишь — головы. Соответственно оба маршрута предлагают одинаковый финал. Не вижу принципиальной разницы.

— Почему же, — девушка картинно подбоченилась. — Настоящий мужчина может еще расколотить лоб, пойдя прямо... Попробуешь? Для разнообразия.

— Оль, ты чего? — опешил Леонид. — Разозлилась... Я ж пошутил.

— Все вы тут шутники. Как на подбор, — огрызнулась девушка. — Вот для кого эта надпись?

— В смысле? — Леонид окончательно утратил суть разговора. — Для путников, естественно. Звери читать не умеют...

— Для людей, значит?

— Ну да... Оля, объясни проще. К чему ты klo-нишь?

— Мужчина, а вас не смущает тот факт, что ровно половина людей не женится, а замуж выходит? — топнула ногою девушка.

— А-а-а, — дошло до Леонида. — Вот ты о чем... Ну, извини. Это только теперь равноправие, а в старину место женщины было только рядом с мужчиной. Так что держись поближе... — попытался свести все на шутку.

— Не боишься? — Оля изобразила зверский оскал.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне наставник Гольдберг объяснил, что равные с мужчинами права имеют вдовы!.. И я, кажется, начинаю понимать, откуда у викингов такая запредельная пассионарность.

— И откуда?

— Потому что их жены воевать спроваживали. Вернется муженек с добычей — хорошо. А погибнет — так вдова хоть как человек заживет. Просекаешь фишку?

Разумно решив, что женщину все равно не переговорить, Бурый пожал плечами и двинулся вдоль едва заметной тропинки.

Размяв мышцы и подышав насыщенным лесными ароматами и хвоей воздухом, Леонид почувствовал себя гораздо бодрее. Посох из ямы достал быстро, топор даже искать не пришлось — лежал там, где его бросили. В общем, прогулялись с пользой. Совместив, так сказать, полезное с приятным. Вот только не учли, что в лесу темнеет быстрее, а сгущающаяся тьма не столько придает романтики, сколько вызывает тревогу. Слишком свежи еще в памяти вчерашние напасти. И когда неподалеку ухнул филин, Оля непроизвольно прижалась к парню.

— Страшно?

— Не очень, но ночь эта особенная.

— И чем же?

— Шабаш у ведьм нынче. На Лысой горе...

— Я тебя умоляю. Оля, ты в каком веке живешь?

— А мне кажется, это ты, Лёня, забыл, что третье тысячелетие осталось по ту сторону компьютера. Здесь — темные века. И значит, самый разгар мракобесия... Но я вообще-то о другом сказать хотела. По преданию, именно сегодня, в полночь расцветает папоротник... Вот бы увидеть.

— Суеверие и опиум для народа.

— Может быть. Но если это брехня, то почему же до сих пор не разоблачали всякие фомы неверующие?

— Потому что красивая сказка, вот и прижилась.

— Сказка, значит? — в голосе Оли зазвенело торжество. — А это что, по-твоему? Мираж?

— Охренеть! Нет, так не бывает... — Леонид остановился.

Чуть в стороне от тропинки, среди зарослей, отчетливо мерцал красноватый огонек. Очень похожий на сигаретный.

— Курит кто-то? Может, Травник? Эй! Кто здесь?!

Огонек на оклик не отреагировал. Зато возмутился дремлющий лес.

Что-то затрещало в кустах справа. Ухнуло и хрипло застонало за спинами. А вслед сорвалась с ветки и, тяжело хлопая крыльями, едва не задев шляпу, наискосок пронеслась большая птица... В кустах опять заворочались и заворчали.

Оля тихо пискнула и попятилась.

Если честно, Бурому тоже стало немного не по себе. Но кто стал бы вспоминать об опасности, глядя на такое великолепие! То бледно-розовый, то ярко-алый огонек пульсировал, словно в такт биению сердца, и звал к себе.

Стараясь не испугнуть чудо, Леонид осторожно шагнул вперед. Громкий хруст сухого хвороста немедленно выдал всю тщетность его стараний. К счастью, огонек при этом даже ритм мерцания не изменил.

— Он нас не боится, — прошептала Оля, крепко сжимая руку парня.

— Или не видит, — так же шепотом ответил Бурый. Потом остановился и произнес, задумчиво теребя кончик носа: — Оля, мы идиоты?

— Не обязательно...

— Так какого рожна мы к цветку подкрадываемся? Он что, убежать может?

— Не знаю... Но легенды рассказывают, что цветок не каждому в руки дается. А только тому, кто чист помыслами...

— Ну да, — хмыкнул Бурый. — И ничто так наглядно не демонстрирует эту самую чистоту души и намерений, как попытка подобраться незамеченным и застать цветок врасплох.

— Гм, а и вправду... Я как-то не...

— Эй, цветочек аленький! — громко произнес Леонид. — Если хочешь — прячься, потому что я пришел за тобой! — и, больше не пытаясь скрываться, потопал напрямиком на огонек.

Огонек предупреждению не внял. Больше того, как показалось Оле, замерцал еще ярче.

Леонид остановился перед кустами папоротника, на одном из побегов которого сиял самый настоящий пламенный цветок. Протянул к нему руку, осторожно прикоснулся — и едва успел поймать в кулак стремительно рванувшийся прочь огонек.

Схватил и... грустно рассмеялся.

— Это жук, Оленька. Самый обычный светляк. Эх, опять обманули... Не получится у нас клад отыскать.

— А очень нужно?

— Витьке бы отдал, — как будто ответ подразумевался сам собой, не задумываясь ответил Бурый. — Он виду не подает, а сам жутко переживает. Мама в больнице все-таки...

— Мама... — задумчиво повторила Оля, привстала на цыпочки и поглядела парню в глаза. — А ты не торопись отчаиваться. Ведь точного описания волшебного цветка нет. Упоминается только красный огонек, который не обжигает и не всякому дается в руки. Что из перечисленного нам не подходит?

— Ну да, ну да... — забормотал тот, глядя на притихшего в его пальцах светляка. — Полумеры нигде не популярны. Либо веришь, либо в воду не суйся... — Потом сунул жучка в кармашек пояса. — Спасибо...

— Хорошо, когда есть друг, готовый отправиться хоть на край света и привезти тебе цветочек аленький, — очень тихонечко прошептала девушка, в такт каким-то своим потаенным мыслям. Не особо заботясь, чтоб ее слышали.

Леонид услышал.

— Или девушка, которая даже в обличии чудища сможет увидеть в тебе любимого человека.

Они, не сговариваясь, шагнули друг к другу, но в последнюю секунду Бурый остановился, взял Олю за руку и пошел к избушке.

Девушка, что-то почувствовав пресловутой женской интуицией, молча семенила рядом, не пытаясь ни освободить ладонь, ни попросить парня замедлить шаг... И ничего не сказала, не запротестовала, когда поняла, что Леонид ведет ее напрямиком к кровати. Чуть вздрагивая от прикосновения холодных пальцев, дала себя раздеть и уложить на меха. И только когда парень немного утратил уверенность от этой покорности, сама потянулась к нему и обняла.

Глава пятнадцатая

КТО ЛЮДЯМ ПОМОГАЕТ, ЛИШЬ ТРАТИТ ВРЕМЯ ЗРЯ

Большая часть гостей, жителей и вездесущих рыжих лаек по-прежнему тусовались на центральной площади, общими усилиями подготавливая ее к предстоящему застолью.

Одни тащили из домов столы и лавки, устанавливая их полукругом. Другие — столовую утварь и прочий реманент. Неподалеку от пиршественной

«поляны», с подветренной стороны, уже пылали пять костров. Над двумя установили большие котлы, рядом с которыми суеилось несколько женщин, а пламя оставшихся трех облизывало нанизанные на вертела целые бараньи туши.

Со стороны прибывших в гости драккаров четверо длинноволосых воинов несли по небольшому, ведра на три, бочонку. Видимо, нечто особенное, если не доверили груз трелям, а не погнушались сами.

От бараков черноголовые невольники катили с десятков больших бочек. Литров на триста каждая...

В общем, все согласно старинному и неизменному в веках протоколу подобных мероприятий. Ничего необычного и особенно интересного.

А вот группа, в которую входили «блестящие» воины и небольшая свита из числа к ним приближенных, в общей суматохе участия не принимала. Эти отправились на верфь.

Не солгал невольник, говоря, что Гюрдир-ярл очень ждет, когда Берк Легкое Весло поднимет ему новый драккар. Поперся на строительство, даже не то что домой, в сортир с дороги не заглянув. И судя по оживленной жестикуляции, которой сопровождался разговор заказчика и подрядчика, ярла не порадовала задержка в строительстве.

Даже с горы было видно, что Гюрдир Безбородый не на шутку зол. Голосов Виктор не слышал, но то, как ярл несколько раз ухватился за рукоять меча, заметил.

Правда, самого мастера Берка это не слишком впечатлило. В ответ корабел поднял с гальки какой-то обломок доски и сунул ее под нос воину. Подержал достаточно, чтобы тот смог в чем-то убедиться, после чего раздраженно отбросил деревяшку прочь. Еще и сплюнул вслед.

Видимо, убедил. Ярл руку с оголовья меча убрал, а жесты его стали не такими резкими. И указывал Безбородый теперь чаще на небеса и на море, чем на недостроенный корабль.

Похоже, разговор от пустых угроз перешел в конструктивное русло, поскольку корабел уже не задира бороду, как прежде, а чаще кивал. Потом протянул руку в направлении леса и что-то коротко произнес.

Слова седобородого мастера возымели неожиданное действие. Все, кто оказался в пределах слышимости, замерли. И этой секундной тишины хватило, чтобы Виктор расслышал смех Гюрдира-ярла.

Берк Легкое Весло опять набылчился и еще раз ткнул рукой себе за спину.

Ярл перестал смеяться, кивнул, потянулся рукою к горлу, его пышный меховой плащ свалился на землю и был тут же подхвачен кем-то из воинов, стоящих за спиной Гюрдира.

Потом ярл поднял вверх руку и что-то торжественно произнес. Жаль, к этому времени общий гам опять усилился, и Лысюк не расслышал ни единого слова. Хотя какая разница? Он ведь все равно не знал древнескандинавского.

Зато намерения ярла уловил, поскольку тот решительно направился к северным воротам.

— Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать... — пробормотал Виктор. — Интересно, что именно корабел ему напел? О лесном духе, который обиделся и грозился наложить проклятие на строящийся драккар? Из-за чего пришлось казнить раба. Или — о странном чужаке, объявившемся в окрестностях деревни?

Виктор подергал мочку.

— Понятное дело, что в обоих случаях речь обо мне, но вариант номер один может иметь неожиданно приятное продолжение. В плане добровольных пожертвований в фонд развития дружественных отношений с представителями леса. Тогда как второй предполагает поимку и допрос.

«Не надо...»

— Сам не хочу!.. Но в любом случае нечего клювом щелкать, и лучше держаться поближе к месту событий. Проще будет оценить обстановку.

«Тогда чего стоишь? Ярл вон уже где. Идет, как на коне едет. А тебе по кустарникам этим еще пылить и пылить».

Гюрдир Безбородый, несмотря на то что вышагивал неторопливо, важно, и в самом деле уже успел не только выйти из деревни, но и преодолеть почти треть подъема. Причем в одиночку. Вся свита осталась ждать ярла внизу. У ворот. Так что поторопиться действительно не мешало...

Обратный путь всегда короче. Причем не обязательно домой. Потому что если один раз ты уже зацепился носком вон за тот узловатый корень и едва не расквасил нос о ствол соседнего граба, то второй раз он поймает только «бледнолицего» горожанина.

И то, что в орешник, кажущийся ровным и светлым, соваться не следует, тоже запомнишь. Если уже потратил кучу сил и нервов, пока освободился от цепких и колючих хлыстов ежевики, притаившейся внутри. И что дуб надо обходить с северной стороны, тоже не забудешь. После того, как едва не вывихнул ступню в ямах, нарытых дикими свиньями в поисках желудей под более плодовой, южной частью кроны...

В общем, проторенный путь он не только в Африке, но и в Скандинавии более удобный и быстрый...

И все-таки Виктор немного опоздал.

Он уже почти подходил к месту вчерашней вырубки, когда услышал впереди знакомый медвежий рев... Очень сердитый. И не менее яростный вопль человека в ответ. Похоже, Гюрдир Безбородый не принадлежал к тем, кого можно испугать. Тем более что ярл был в доспехе и при оружии. Но Виктор видел и еще не забыл габариты медведя, чтобы понять, кому именно из двоих не повезло. Каким бы отважным и умелым воином ни был викинг, с этим исполином, к тому же разъяренным волками, одним мечом не совладать.

Мысли еще метались, сопоставляя и прикидывая варианты, а Лысюк уже несясь напрямик к месту схватки. Гюрдир-ярл не был ему другом, но сейчас это не имело ни малейшего значения. В смертельной схватке сошлись зверь и человек! А Виктор Лысюк с отрочества не раздумывал, как реагировать на клич: «Наших бьют!»

* * *

Издали схватка походила на встречу двух старинных приятелей, не видевшихся много лет. Нечленораздельное бормотание, крепкие объятия, душевное похлопывание по спине...

Огромный медведь, встав на дыбы, топтался на задних лапах, а передними неуклюже пытался достать ярла, в свою очередь плотно прижимающегося к груди зверя, для устойчивости ухватив медведя за шерсть на спине.

Голова в рогатом шлеме упиралась медведю в горло и под нижнюю челюсть, не давая возможности пу-

стить в ход клыки, а от когтей — кривых и длинных, как кинжалы — ярла пока еще спасала кольчуга.

К счастью, медведи не кошки, их передние лапы не слишком приспособлены для хватательных движений. А повалиться наземь и пустить в ход задние зверь то ли еще не сообразил, то ли ярл мешал. Хотя учитывая габариты медведя, в последнее верилось с трудом. Даже Гераклу проще было разорвать пасть льву, чем удержать эту тушу, вздумай зверь опрокинуться на спину.

Оба — и человек, и зверь — сопели и рычали так, что Виктор затруднился бы отличить их голоса. Щека ярла, обращенная к Виктору, была залита кровью, глазница неестественно темнела, — а из левого бока медведя торчал кинжал, вбитый Гюрдиром Безбородым в тело зверя по рукоять аккурат напротив сердца.

Будь медведь чуток помельче, этим схватка и закончилась бы. Но чтоб уложить замертво такого исполина, клинку не хватило длины.

Поставив все на смертельный удар, ярл оказался обезоруженным и был вынужден сделать единственное, что пока помогало ему уцелеть, — прижался вплотную к зверю, не давая ему достать себя ни лапами, ни клыками. Но при этом и сам утратил свободу действия. Любая попытка оторваться закончилась бы мощным ударом лапой. Достаточно быстрым, чтобы поймать рыбу в воде.

А значит, исход зависел от того, как долго ярл сумеет продержаться на ногах. Кто из двоих раньше ослабеет. Все-таки рана у медведя была достаточно серьезная, судя по пузырящейся крови, не так чтоб обильно, но непрерывно стекающей по его морде на спину Гюрдира Безбородого.

Виктор даже засомневался — стоит ли ему вмешиваться? Не факт, что потом, вместо слов благодарности, не получишь по голове. Как вор, похитивший у викинга славу единоличного победителя.

Но тут Гюрдир Безбородый повернул голову и посмотрел на Лысюка уцелевшим глазом.

Ярл скорее умер бы, но не попросил о помощи. Тем более чужака. Но взгляд викинга был красноречивее любого крика. Гюрдир держался из последних сил...

Виктор заорал что-то воинственное и бросился вперед, выцеливая рогатиной спину зверя.

Добрыми намерениями... Злую шутку сыграло отсутствие опыта. Орать не надо было...

Услышав сзади голос еще одного врага, медведь молниеносно развернулся. Вместе с ярлом. Похоже, исполин даже не ощутил его веса. И острие рогатины со всего маху ударило не зверя, а человека.

Будь в руках у Виктора привычный автомат, он наверняка успел бы перевести направление укола, а то и вовсе сдержать его. Но рогатина весила раза в два больше, была гораздо длиннее и имела соответственно другую инерцию. Поэтому все, что Виктор смог, это немного ослабить удар.

Помогло не слишком... От неожиданного ранения ярл вскрикнул, разжал руки и немедленно был отброшен в сторону. К счастью, готовясь к бою с новым врагом, зверь как бы оттолкнул Гюрдира корпусом, а не приложил лапой, удар которой запросто мог сорвать викингу голову с плеч, вместе со шлемом.

Гюрдир Безбородый отлетел на пару шагов, где и остался лежать не подавая признаков жизни. А медведь, опустившись на четвереньки, изготовился атаковать Виктора.

— Где двое дерутся, третьему лучше не соваться, — пробормотал Лысюк, покрепче перехватывая ратовище. Времени на поиски дерева, куда можно ретироваться, сегодня не было.

Медведь сделал один маленький шагок, сильно припадая на левую переднюю лапу. Второй... Остановился. Виктору показалось, что кровь из пасти зверя потекла обильнее.

Раненый зверь взревел и снова вскинулся на дыбы. То ли так ему было удобнее, то ли демонстрируя гигантский рост, хотел шугануть противника без боя. И будь его добычей любая иная тварь, Виктор не преминул бы воспользоваться столь любезным предложением. Но отступить, бросив зверю на растерзание человека, он не мог.

И Лысюк стал смещаться в направлении ярла. Чтоб убедиться, что тот жив. Мало ли. Одно дело бросить раненого, а защищать труп смысла не было.

Сперва медведь только голову поворачивал. Но когда до Гюрдира оставалось несколько метров, зверю это не понравилось. Остаться без добычи в планы медведя не входило, и он предупреждающе рыкнул.

Виктор сделал вид, что не понял.

Медведь качнулся вперед...

Виктор сделал еще шаг, стараясь не смотреть зверю в глаза. Мол, я тебя не трогаю, и ты ко мне не цепляйся. Разойдемся краями...

Разумное, в общем, предложение. Но медведь был ранен и зол. Он еще раз зарычал, демонстрируя огромные клыки, и двинулся на человека.

Лысюк никогда раньше не имел дела с медведем, но читал, как это делали древние охотники. И оружие в руках у него, очередной раз спасибо Хмелю, оказалось самое подходящее из всех возможных.

Отступив на шаг, он воткнул ратовище тупым концом в почву, надеясь, что та не слишком рыхлая, а острие рожна направил в сторону медведя. Учитывая габариты лесного исполина, вблизи казавшегося еще огромнее, почти двухметровое оружие совершенно не производило впечатление.

«Амбец», — как-то очень спокойно и отрешенно подумал Виктор, глядя на надвигающуюся на него тушу. И когда зверь чуток неуклюже, из-за торчащего в боку кинжала, махнул лапой, сделал единственное, что ему оставалось — упал на колени. Не выпуская оружие из рук.

Прوماхнувшись, медведь резко подался вперед, пытаясь дотянуться до человека, и... напоролся на рогатину. Зверь почувствовал укол в грудь, но увлекаемый тяжестью собственного тела остановить движение не смог.

Медведь яростно взревел, судорожно дернулся из последних сил, когда рожон проткнул сердце, последним взмахом лапы перебил ратовище и... повалился ничком.

Виктор едва успел откатиться в сторону.

По уму, учитывая живучесть «братьев меньших», следовало сделать медведю контрольный укол в ухо или глаз, чтобы проткнуть мозг, но сил на это «милосердное» деяние не оставалось. Казалось бы, сколько длилась схватка — минуту, две? А все мышцы ныли так, будто Виктор сутки напролет разгружал вагоны с углем.

Сейчас бы упасть и полежать, не шевелясь, секундочек шестьсот... Но тихий стон, изданный Гюрдиром Безбородым, напомнил Лысюку, что рядом есть тот, кому еще хуже.

* * *

Виктор никогда не считал себя слабаком. Да и не выпускаются такие из военных училищ. Даже общевойсковых. Но когда попытался приподнять ярла, почувствовал себя штангистом, замахнувшимся как минимум на мировой рекорд. Гюрдир Безбородый в полном боевом снаряжении тянул существенно за полтора центнера... пока еще живого веса.

Здоровенный, однако, тип. Впрочем, скандинавы и в нынешнем тысячелетии отличаются не столько умом и сообразительностью, как выдающимися габаритам.

Кстати, тут же раскрылась и тайна прозвища ярла.

Безбородым Гюрдира прозвали не из-за любви к бритью или гормонального дисбаланса. Подбородок викинга представлял собою один сплошной шрам от ожога. Малоприятное, в общем, зрелище.

— Вот кабан...

Недолго раздумывая, Лысюк срубил ножом парочку молоденьких березок. Сложил их так, чтобы ветки взаимно перехлестывались. Потом, кряхтя и сопя, перетащил на импровизированную волокушу тело викинга, зафиксировав раненого его же поясом. Даже не отцепляя ножен, а всего лишь передвинув ножны на грудь. Чтоб за корневища не цеплялись. И потащил ярла из лесу.

Если бы деревня располагалась хоть на пару километров дальше, Виктор сперва осмотрел бы раны, перебинтовал и вообще... Но поскольку до жилья, а соответственно и до оказания медицинской помощи было рукой подать, Лысюк решил предоставить уход за раненым его соплеменникам.

Мало ли с какого боку тут «яйца разбивать положено»?.. У разных народов свои суеверия и заскоки.

Сочтут повязку не кошерной, пришьют чернокнижье, наведение порчи или попытку похищения души, и привет — *memento mori*. Тем более, за последним далеко ходить не придется. Вона, плещется, самое синее и холодное...

По выровненной трелеванными вчера бревнами почве тащить волокушу оказалось совсем не трудно, и до опушки Виктор добрался за каких-то пять минут. Где почти сразу столкнулся лоб в лоб с десятком викингов, спешащих на помощь своему командиру.

Звуки самой схватки, возможно, до деревни и не долетели, но не услышать рев разъяренного медведя, особенно последний — предсмертный, внизу не могли. По прямой туда и трехсот метров не наберется.

Увидев Виктора, древнескандинавские воины грамотно раздались в стороны, сразу беря возможного неприятеля в клещи. Потом разглядели его поклажу и остановились...

Один из викингов, самый рыжий из всех, что-то требовательно спросил.

К сожалению, в ответ Лысюк мог только плечами пожать да в сторону леса махнуть. После чего несколько воинов быстро, но без грубости, оттеснили Виктора от волокуши, а еще трое — торопливым шагом отправились в чащу.

Сам рыжеволосый присел рядом с раненым и проворно, явно имелась большая практика, оглядел его. После чего прозвучала очередная команда.

Четверо викингов подхватили раненого ярла на руки и бегом понесли в деревню. Рыжеволосый поспешил следом, жестом пригласив Лысюка следовать за ним. Вполне вежливо. Не супя брови и не хватаясь за меч.

Выбора, впрочем, все равно не было. Воины, которые отодвинули Виктора от волокуши, сейчас молча выстроились между ним и лесом, оставляя свободным только одно направление — вниз... И смотрели тоже соответственно. Мол, давай, не тормози. Пока по-хорошему приглашаем.

«Ну, что ж, в конце концов, разве я и сам не хотел туда попасть? Вот и свершилось пожелание. Причем вполне в приемлемом, нейтральном качестве. Еще не гость, но и не пленник, как бы... Так что усугублять не будем».

Пока Виктор неторопливо спускался с горы, мимо пронесли те воины, что ходили на осмотр места происшествия. И что характерно, один из них сжимал в руке окровавленный обломок рогатины. Викинг что-то коротко бросил на ходу конвоирам Виктора, и те заметно расслабились. Один даже отцепил от пояса флягу и протянул ее Лысюку.

Виктор давно облизывал пересохшие губы, но как на древнескандинавском попросить пить, он не знал, а сами викинги раньше не предлагали. А вот теперь — пожалуйста.

Простые времена, простой подход.

Особого ума не надо, чтобы догадаться, что именно сказал следопыт. Вывод соответствующий. Тот, кто убил зверя, напавшего на ярла, врагом быть не может.

— Спасибо...

Виктор пил жадно, впрок. Кто знает, как изменится их отношение, когда они увидят колотую рану в боку Гюрдира? Рану от рогатины...

Внизу их уже ждали.

Самого раненого нигде не было видно, зато и тот викинг, что не снимал шелкового плаща, и второй — лысый, оба сидели на почетных местах, во главе уже

накрытого пиршественного стола. Только повернувшись к нему спиной, внимательно слушали доклад группы следопытов.

Лысый викинг при этом вертел в руке обломок рогатины, искоса поглядывая на Виктора.

Заморские гости и деревенский люд тоже толпились у столов, но ни к еде, ни к питью никто не прикасался. Все, затаив дыхание, внимали рассказу.

Доводя информацию до вождей, старший следопыт был гораздо красноречивее, чем со своими товарищами. Более того, доклад сопровождался столь выразительной пантомимой, что даже Виктор понял, о чем он рассказывает. И надо заметить — все в точку... К сожалению.

Поскольку именно сейчас тот изображал, как Виктор нанес удар рогатиной.

Возмущенный ропот подтвердил самые худшие предположения Лысюка. Следопыт каким-то чудом сумел разобрать по истоптанной траве, откуда в боку ярла появилась лишняя дырка, и остальным его версия событий очень не понравилась.

Воин в синем плаще потемнел лицом и вскочил на ноги. Лысый произнес что-то негромко, предназначающееся только для его ушей, и тот плюхнулся обратно на скамью. Но спокойно усидеть не мог. Судя по лицу, викинг был очень молод, а юности не свойственна выдержка. Он опять вскочил и прокричал что-то, глядя на ближайший барак.

Чуть погодя дверь в зеленый холм отворилась, и оттуда высунулась белая, как лунь, косматая голова. Она что-то не слишком почтительно каркнула в ответ и нырнула обратно.

Молодой воин опять дернулся, но лысый в этот раз оказался быстрее. Он, не вставая, метнул Викто-

ру под ноги обломок рогатины и, указывая на него, требовательно произнес несколько слов.

— И рад бы ответить, но не понимаю по-вашему, — с досадой пожал плечами Лысюк. — О чем ты спрашиваешь, догадываюсь, а как объяснить, не знаю.

Лысый внимательно выслушал Виктора, потом заговорил немного не так, как в первый раз. Похоже, на другом языке.

Лысюк помотал головой.

Лысый спросил еще иначе...

«Да ты, брат, полиглот!» — удивился Виктор. В его представлении человек, владеющий несколькими языками, и средневековый воин севера совершенно не стояли рядом. Но в ответ опять только плечами пожал.

Тут проявил смекалку молодой. Он обернулся, поискал кого-то взглядом. Нашел и поманил к себе.

Из толпы высунулся короткостриженный черноголовый трелль. На знак рыжеволосого викинга он тоже обратился к Виктору. Увы, с прежним результатом.

— Не понимаю. Ни словечка.

И тут Лысюк вспомнил раба, которого допрашивал в первые часы пребывания в Игре.

«Как бишь, его звали? Скуба, кажется...»

И Виктор старательно произнес:

— Скуба позовите.

Лысый и рыжеволосый вожди озадаченно переглянулись. Похоже, им это имя ничего не сказало. Зато его услышал трелль. И не только он... Вперед из толпы шагнул Берк Легкое Весло.

— Скуба? — переспросил корабельных дел мастер.

Виктор с облегчением кивнул. Чем закончится для него дальнейший разговор, очень похожий на допрос, ведомо одному Создателю, но по меньшей мере это уже будет диалог...

Глава шестнадцатая

КИРПИЧ НА КИРПИЧ, ГОНИ, БАБКА, МАГАРЫЧ

Не зря приговаривают: «Дай сердцу волю — заведет в неволю». Поддавшись внезапному порыву, они провели несколько восхитительных часов... пока гормональный уровень не пришел в норму и разум вновь не возобладал над чувствами. Совсем некстати напомнив, что вполне вероятно, их сейчас хоть и не видят, но наверняка слушают все, кто находится в лаборатории НИИ.

Поэтому с утра Оля и Леонид старательно делали вид, что между ними ничего не произошло, а если кому что-то почудилось, так претензии не к ним, а чересчур бурному воображению.

Два небольших окошка, затянутых мутным пергаментом или чем-то похожим, давали не слишком много света, но все же тьму чуток разгоняли. Она собиралась по углам, откуда настороженно взирала на чужаков.

— Ну что ж, не могу сказать, что хозяин сильно торопится, зато у нас будет время оглядеться... — Оля уложила волосы в хвост и перетянула их лентой. — Ты говорил, что Травник зазывал к себе очень настойчиво.

— Я бы даже сказал, в приказном порядке, — подтвердил Леонид. — Вот только, похоже, здесь давненько никого не было. Паутина на окнах, и нет жилого духа в избе...

— Ну, положим, паук за пару часов управится, а аромат правильный, — не согласилась Оля и обвела рукой стены горницы, увешанные пучками разных трав. — Чем же еще должно пахнуть в избе Травника,

как не разными зельями? И хочу заметить, — продолжила девушка немного присмотревшись, — очень интересный сбор. Среди пособий Гольденберга и половины из этого нет. Будет о чем порасспросить хозяина.

— Это здорово, — кивнул Леонид. — Оль, а кроме гербария больше ничего не наблюдается? Мяса, сыра, яиц? Или хотя бы злаков, овощей, фруктов? Я, видишь ли, сеном питаться не приучен.

— Вчера не нашла. Но теперь торопиться некуда, так что поищем обстоятельнее... Только при таком освещении проще на грабли наступить, чем снеть отыскать.

Девушка сноровисто добыла огонь и затопила очаг. Языки пламени весело, с треском заплясали на заготовленных заранее сухих поленьях. В избе сразу стало уютнее и светлее.

— О, тут и свечи имеются... — Леонид увидел на столе между окнами массивный подсвечник. — Сейчас окончательно разгоним тьму веков.

— Погоди, — рачительно остановила его Оля. — Не ночь же на дворе. Глаза скоро привыкнут... А мы не знаем, какой у Жнеца запас свечей и сколько нам тут еще куковать.

— И что? Сейчас проведем ревизию...

— Нехорошо без спросу. Одно дело еда, другое — тотальный шмон. Давай все-таки дождемся хозяина...

— Я не против, — пожал плечами Леонид. — Но когда это будет? Он ведь предупреждал, что может задержаться, и чтобы мы не волновались. Так что, считай, разрешение получено. Можем обустраиваться смело. В пределах разумного.

— Хорошо, если так...

Оля подошла к навесным полкам.

— Кое-какая утварь имеется. Не шик, блеск и модерн, но если организуешь мамонта или какую другую дичь — жаркое будет в чем приготовить.

— Дичь?..

— Ну, для разнообразия можешь сходить в ближайший маркет и там отовариться. Надеюсь, кредитка у тебя с собой?

— Шутишь?

— Вот непонятливый нынче мужик пошел, — вздохнула девушка. — Леонид, в мои обязанности входит хранение очага и прочие нюансы. А добытчик по определению у нас ты. Ибо мужчина. Так что давай, соответствуй образу...

— Нет, не шутишь, — надулся Бурый. — Издеваешься... Ладно, не хочешь готовить — не надо. Я сам сейчас посмотрю...

— В холодильнике? — фыркнула Оля. — Похоже, и в самом деле не осознал. Я не шучу. Хочешь есть — найди или поймай пищу. Только так.

— Вот засада! Знал бы, с собою прихватил бы хоть что-то, — насупился Леонид, отрывая от ближайшего пучка листок и засовывая его в рот. — Тьфу, горчит... Что, совсем-совсем ничего съестного нет? Как же Травник обходится без запасов?

— Сейчас лето, а закрома осенью наполняют. Видимо, прошлогодние закончились, а этого урожая еще дожждаться надо. Ты и в самом деле такой голодный?

— Озвереть как...

— Подожди, подожди... — Оля перебила его. — Повезло тебе, о мой ненасытный господин! Будет и на нашей улице праздник. Танцуй...

— Уже, — Леонид пару раз забавно подпрыгнул. К счастью, потолка в избе не было, а до стропил он не доставал. — Сыр? Копченый окорок?!

— Размечтался. Сушеный горох. Зато много... Килограммов пять.

— Горох?..

— А чего? — Оля хихикнула. — Прекрасный продукт. Полезный. Много белка... Если хорошенько разварить, сдобрить грибами...

— Да с голодухи... Без хлеба и без соли...

— Объедение, одним словом, — закончила самозванная повариха. — Только замочить надо. И чем быстрее, тем лучше.

Потом вздохнула и прибавила:

— И вообще, кому теперь легко? У нас хоть крыша над головой. А как у Виктора сложилось?

— Оля, — Леонид подошел, обнял девушку за плечи и прижал к себе. — Все пучком. Поверь... Витя не из тех, кто позволит себе в кашу плюнуть. Даже гороховую... Он из таких передрыг выбирался, что нынешняя игра — вроде утренней зарядки. Уверен, вскоре объявится бродяга. Вполне возможно, что и раньше Травника.

— Хорошо, если так... — Оля вздохнула еще раз. — Но все равно, не по себе как-то. Особенно, если хоть на мгновение допустить, что мы все же не в игре.

— Ничего, — Леонид не удержался и легонько поцеловал ее в макушку. И хоть девушка не отстранилась, наоборот, прильнула крепче, помня о договоре, продолжать не стал. — Все образуется. Русские не сдаются...

* * *

Леонид задумчиво смотрел на игру пламени, то исчезающего в глубине, быстро, по-змеиному облизывающего бока казана.

— А знаешь, Оля, вот сейчас я точно в одном уверен: если это реал, то он не может находиться в нашем мире или, по меньшей мере, в нашем времени.

Девушку в данный момент волновало другое. Увидев, какие грибы Бурый периодически порывался поднимать, Оля отстранила его от участия в «тихой» охоте, поручив носить следом корзинку. Уже собранные грибы, чтобы не обидеть, сразу не выбросила, и теперь, сидя с другой стороны очага, лично чистила улов. Но надо же поддержать разговор. Особенно, если мужчину потянуло на откровенность.

— Почему?

— Да потому, что на Земле больше нет места, где дождевая вода пригодна для питья. А та, что в последний раз собралась у меня на балконе в тазу, не меньше чем наполовину состояла из смеси омыленных жиров и бензина. Была скользкой на ощупь, имела мутно-желтоватый цвет и воняла соответственно. А мы чан за дверь выставили, и пожалуйста... Идеально прозрачная и наверняка экологически чистая жидкость. Хоть сейчас в рекламу о ручьях, текущих с ледников.

— И что из этого следует?

Оля вертела в руках великолепный образец сатанинского гриба, и мысли ее были соответствующего наполнения.

Леонид, видимо, тоже это почувствовал, но истолковал по-своему.

— Как «что»? Неужели тебе не интересно, где мы сейчас находимся? На Земле, или каким-то непонятным способом перенеслись в иной мир? Может быть, даже в другую Галактику! И что с нами будет завтра?..

— Для начала неплохо бы до этого самого «завтра» дожить, — вздохнула Оля и бросила ядовитый гриб в огонь.

— А это зачем? — Леонид, кажется, просек ее настроение и скис. — Это я его сорвал, да? Мог нас отравить? Ты поэтому сердишься?

— Ну, что ты, — поспешила успокоить его Оля. Для полноты счастья ей не хватало только его истерики. — Это я духам угощение поднесла. Надеюсь, ты не забыл, что я по статусу хранительница очага. И поскольку очаг чужой, надо его задобрить...

— А я — иждивенец и тунеядец... — вздохнул Бурый. От соприкосновения с неприглядной действительностью его возвышенно-торжественное настроение мгновенно скатилось до упаднического. — Бесполезный член сообщества.

— Даже не мечтай.

Оля улыбнулась. Все же мужчины как дети. Не приободришь — сидят и ноют. Зато если похвалить и направить энергию в нужное русло, горы свернут. Сейчас в глобальных разрушениях нужды не было, зато имелось кое-что и для грубой физической силы.

— Тот горох, что мы поставили размокать, еще не скоро будет пригоден для варки. Зато я заметила жернова.

Оля указала в угол комнаты.

— Разберешься?

— Легко...

Рисковал, конечно, но не могло же первобытное устройство для измельчения оказаться запредельно сложным.

Угадал. Проще не бывает. Два тяжелых каменных блина лежат один поверх другого. Нижний — массивный и неподвижный. Верхний — более легкий даже по виду. В нем, по центру, небольшое сквозное отверстие. Похоже, для засыпки. Крутить жернов, судя по конструкции, предлагается, держась за длинную

жердь, одним концом вертикально установленную в дырку, смещенную к краю верхнего блина, а вторым уходящую к стропилам. А для выхода готовой продукции имеется пропилен в нижнем камне. Дешево, надежно и практично...

Леонид осторожно попытался привести механизм в действие. Но, как оказалось, полумеры здесь не действовали. Камень сдвинулся с места только после того, как Леонид приналег на жердь со всей силой. Со стоном и скрежетом. Причем вполне возможно, что эти звуки издавали не жернова, а сам Бурый...

«Фига себе, приспособление для облегчения женского труда! Идеальный тренажер для армрестлинга. Это ж какой лошадкой надо быть, чтобы такую технику пользоваться? Теперь понятно, почему женщины раньше могли этих самых лошадей на скаку останавливать...»

— Ну как, Данила-мастер? — полюбопытствовала Оля. — Будет толк?

— Усе пучком, госпожа хозяйка, — преувеличенно бодро отрапортовал Бурый. — Сейчас усе перемелем. Только засыпать успевай... Где там наш горох?

— На столе...

Сообразив, что объем приемного отверстия не зря именно такой, а не больше — Леонид на пробу взял немного. Полгорсти.

Засыпал и принялся вращать жернова. Оказалось, что они только начинают движение тяжело, а потом сопротивление уменьшается, и нагрузка становится вполне посильной. Особенно, если крутить не только рукой, но и наваливаясь всем телом.

В общем, приспособился. И даже ощутил некоторую гордость. Мол, выкусили, да? Я с вашей тех-

ником разобрался, а вот как бы вы освоились в моем времени.

Рано радовался.

Жернова обернулись уже раз пятьдесят, а горошины, как и вначале процесса, перекатывались в центре круга совершенно целехонькие и совершенно не собирались превращаться в муку.

«Что за фигня?»

Леонид остановил вращение.

— Так быстро? — удивилась Оля.

— Нет, я пока только настраиваю агрегат, — частично отшутился тот.

Леонид зажег свечи и стал рассматривать жернова внимательнее.

— Блин, ну примитивное же устройство. Два камня и станина... — забормотал негромко. — Стоп, а это что за фигня? Зачем на станине какие-то клинья? Для установки горизонта или... Конечно же! Дубина ты стоеросовая! Трудно было сразу сообразить? Зерна имеют разный диаметр, и для помола всякий раз нужно выставлять разный зазор между жерновами.

В любом деле самое важное — понять принцип. Дальнейшее — всего лишь вопрос времени.

Вскоре жернова завращались уже не со скрипом, а под бравурный напев новоиспеченного мельника. Поскольку обнаружилась еще одна приятная мелочь. Когда между камнями оказалась смазка из зерен и дерти, они заскользили на порядок легче. А когда из лотка потекла тонкая струйка гороховой муки, пусть и с большим содержанием мелкой крупы, Бурый ощутил такое самоуважение и прилив сил, что даже пожалел, что Ормульв Травник не запас гороха побольше.

* * *

— А блох не боишься?

Леонид заскреб ложкой по дну казана, выгребая остатки горохово-грибной каши. Голод, мастерство поварихи и щепотка соли, все-таки обнаруженной среди запасов Ормульва Травника, превратили это варево в абсолютно съедобный и даже вкусный ужин.

— Дырку не протри. Чужая посуда...

Оля сидела, поджав босые ноги на лежанке, застланной поверх сеника огромным меховым покрывалом, сшитым из полудюжины звериных шкур разного окраса. В полутьме хижины ложе выглядело таким огромным, что фигурка девушки казалась плюшевой игрушкой, поставленной на диване вместо подушки «думки».

— Я аккуратнo. Так как насчет блох?

— Нет их тут и быть не может... — девушка показала Леониду какой-то невзрачный стебелек. — Чувствуешь аромат? Полынь. И она здесь повсюду разбросана. Очень щедро. Жнец ее даже в сеник напихал.

— И что из этого?

— Отпугивает она их. В смысле блох и вшей. Как и большинство других кровососов.

— Серьезно? — изумился Леонид. — А я считал, что этих тварей только химией убить можно. Да и то — не всякой.

— Вернемся домой, проверишь в Википедии. А пока поверь на слово мне и наставнику Ицхаку.

— Гм, это хорошо... — Леонид заинтересованно повернулся, отодвигая опустевший и практически вычищенный казан. — А ну, покажи?

— Это невкусно, — подколола товарища Оля.

— Типа пошутила, да? Скажешь, когда можно смеяться. Мне для дела...

Оля пожала плечиками и протянула Бурому серебристо-серую веточку.

— И где подхватить успел? В гостинице или у самой тетушки Молли?

— Еще смешнее стало, — проворчал Леонид. — Продолжай в том же духе и смело можешь идти выступать в «Камеди-клуб».

Растер веточку в пальцах, понюхал.

— Оль, а комаров оно тоже отпугивает?

— Слишком умным справки не даем...

— Не обижайся, чего ты, — Леонид подбросил в очаг пару поленец и пересел на лежанку. — Я серьезно. Достали, реально. Нет, ты можешь объяснить, кому и нафига нужна такая достоверность?

— Может, чтобы курсанты поверили? — Оля зачем-то осмотрелась по сторонам. — И не сомневались все время, как мы... Отвар надо сделать.

— А если просто натереть стеблями открытые участки? Да по карманам распахать? Вон оно какое пахучее.

— Три, если кожу не жаль... — похоже, такое кощунство по отношению к собственному телу девушке даже в голову не приходило. — Кстати, Травник по хижине еще и бузину разбросал, от мышей. Ее запах тоже большинство насекомых на дух не переносит.

— От мышей?

— Ну да... Полевкидохнут за милую душу.

— Забавно... А медведи?

— Что медведи? — покосилась на товарища Оля.

— Ну, если от бузины в небольших пропорцияхдохнут маленькие мыши, — вполне серьезно объяснил

Леонид, — то что будет, если набрать охапку побольше? Медведя отпугнет?

— Не знаю, — Оля задумалась. — Чисто теоретически — подобный эффект возможен. Но поскольку история не донесла до нас информации о таком способе охоты на медведей, я бы на него тоже не поставила. А в природе, думаю, медведи просто избегают участков с цветущей бузиной.

— Жаль...

— Не поняла, ты что, на охоту собрался?

— Типа того.

— На медведя? С веткой бузины и дрыном?

— Не-е, — Леонид усмехнулся. — Может, я и с причудами последнее время, но не идиот. Потому и прикидываю: чем бы себя от нежелательной встречи обезопасить. Мало ли... Если тут волки стаями охотятся, то почему бы и топтыгину какому не объявиться. Который в каждой тайге хозяин. Так что ты там про отвар говорила?

— За водой сходи, я пока стебли измельчу.

— Ты что, его прямо в казане варить будешь?

— А есть варианты? — Оля сползла на край лежанки и стала обуваться. — Ничего... Соли все равно больше нет. Так что если Ормульв Травник к завтрашнему не объявится, чай из полыни и каша на ней же нам в самый раз будет.

— Шутишь?

— Даже не начинала, — Оля ободрительно похлопала Бурого по плечу. — Кстати, если не знал, просвещу: из полыни готовят знаменитый абсент. И в небольших дозах его употребление даже полезно. Для улучшения аппетита и нервов.

— Куда уж улучшать-то, в смысле аппетит, — проворчал Леонид. — А вот рюмку успокоительного я бы с удовольствием принял.

— Да, права была бабушка, — притворно вздохнула Оля. — Совсем перевелся нынче мужик. Ночь, лес, избушка, двуспальное ложе, шкурой застеленное, а он только о выпивке мечтает. И где его искать... женское счастье?..

— Так я это... останусь? — Леонид подмигнул. — Вместе поищем. Может, вчера плохо смотрели?

— Шагай к ручью давай... — пихнула его кулачком девушка. — Искатель. Забудь. Тебе приснилось...

— Ну, на нет и суда нет... — развел руками Бурый. — Одно только Особое совещание.

— И поторопись, философ!.. — Оля притворно возмущенно фыркнула. — А после того, как воды принесешь, дровишками озаботься. К утру во дворе отсыреют, замучимся разжигать...

— Есть, мэ! — козырнул Леонид и не удержался от шпильки: — Кстати, Оля, расслабься, а то ты прямо интонациями Исаака Гольденберга шпаришь. Скоро картавить начнешь, — и шмыгнул за дверь, не дожидаясь ответа. Ибо нет хуже пытки для женщины, чем невозможность оставить за собою последнее слово.

Глава семнадцатая

ВЛАДИМИРСКИЙ ЦЕНТРАЛ, ВЕТЕР СЕВЕРНЫЙ...

Тяжела длань у корабеля. Из-за разлившейся на половину лица фиолетово-синей опухоли Виктор не сразу и признал трелля. Зато отлично понял, как и при допросе в лесу, произнесенную им фразу. Тем же древнерусским штилем.

— Здрав буди, господин. Пошто звал?

Микс из «Ивана Васильевича» вырвался совершенно произвольно.

— Паки, паки... Иже херувимы. Поелику мы зело на самолет опаздываем.

— Простите, господин, — захлопал глазами раб. — Но если можно, говори помедленнее. Странные твои речи, и не все слова понятны.

— И тебе не хворать, — прекратил ерничать Лысук. Все же обстоятельства не самые подходящие, чтоб комедию ломать. — Толмач мне нужен. Не понимаю по-свейски... Они все расспрашивают о чем-то, а я в толк не возьму. Не подсобишь?

— Отчего нет? Если велют...

Видя, что Виктор и Скуба могут общаться, лысый викинг тут же вскинул длань — жестом, напоминающим нацистское приветствие, а потом разразился короткой тирадой, предельно насыщенной вопросительными интонациями.

Скуба поклонился и перевел:

— Ульрих Медный Лоб спрашивает: ты ли тот воин, что убил большого медведя?

— Я...

Викинг кивнул и, не дожидаясь перевода, задал очередной вопрос. Виктор сперва удивился, а потом вспомнил, что русское местоимение «я» соответствует в немецком языке утвердительному «да». Видимо, и в древнескандинавском тоже.

— Ульрих Меднолобый спрашивает, — тем временем заговорил Скуба, — куда и зачем ты тащил его старшего брата Гюрдира-ярла?

«Брат, значит. А так непохожи...»

— Он же был ранен...

Лысый выслушал перевод, но следующий вопрос задал рыжеволосый.

— Бранд Рыжий спрашивает: если ты хотел убить его отца — то почему не закончил дело? А если хотел спасти — зачем нападал?

«А вот и сын нарисовался. То-то лицо показалось знакомым...»

— Я не хотел убивать ярла. У меня к нему...

— Но ведь это ты ударил его копьем в бок? — Скуба почти синхронно продублировал очередной вопрос викинга, перебивая Виктора. Кстати, заданный совсем не вопросительным тоном. Обычно так произносят фразы «добрые» следователи. «Облегчите душу. Мы и так все знаем, а вам чистосердечное зачтется».

Но Лысюк, не чувствуя за собою вины, не собирався финтить.

— Это случайно получилось. Я метил в медведя...

После того как Скуба перевел объяснение, племянник с дядей недоуменно переглянулись, а потом расхохотались. Причем ржали не только они. Похоже, слова Виктора приняли за удачную шутку, если не все, то большинство.

Сперва Лысюк решил, что трелль исказил ответ, но очень быстро сообразил, в чем настоящая причина смеха. Викингам, управляющимся с оружием лучше, чем иной современник владеет столовыми приборами, попросту было невдомек: как можно нанести удар случайно?

Отсмеявшись, лысый встал и торжественно произнес несколько рубленых фраз, ударив при этом себя кулаком в грудь.

— Ты либо очень глуп, либо чрезвычайно храбр, чужак. Если способен шутить в такой час... — слегка запинаясь, торопливо перевел Скуба. — Поэтому я — Ульрих Меднолобый — обещаю, что перед казнью спрошу твое имя и запомню его... Но не сейчас.

Подождем. Ярл еще жив. И если, с благословения Тора и Одина, брат мой Гюрдир Безбородый еще придет в себя, ты будешь говорить с ним, и пусть ярл сам решит твою участь, чужак.

В это время дверь в жилище снова открылась, и белоголовый что-то громко прокричал.

— Дух ярла не хочет возвращаться, — машинально перевел трелль. — Белому ворону нужна помощь еще одного знающего. Пусть кто-то немедленно отправляется за ним, иначе Гюрдир Безбородый уйдет в Вальхаллу навсегда.

Бранд Рыжий вскочил на ноги раньше, чем цельитель закончил, и что-то громко крикнул в ответ.

Виктор легонько подтолкнул Скуба локтем.

— Я уже в пути!.. — скороговоркой произнес тот. — Белый ворон мудр и сведущ, он удержит душу ярла в теле до утра. Клянусь, до восхода солнца Ормульв Жнец будет здесь...

Возможно, сын ярла прибавил бы еще что-то не менее пафосное, но в это время северные ворота открылись, и, понукаемая двумя трелями, пара косматых лошадок, пугливо косясь и прядая ушами, втащила внутрь ограды медвежью тушу.

Виктор знал, что увидит, зато все остальные ничего подобного явно не ожидали. Даже несмотря на пантомиму следопыта. Ну, правильно: одно дело побывать на концерте Монсеррат Кабалье, и совсем другое — послушать, как по телефону напоеет Рабинович.

Размеры лесного исполина не оставили равнодушными никого, и деревня вновь загудела, как роящийся улей.

— Я рад, что моему брату за пиршественным столом будет прислуживать достойный раб... — Скуба

перевел слова Ульриха Меднолобого, даже не дожидаясь просьбы Виктора.

— Отец жив! — оскалился на дядю Рыжий.

— Конечно, Бранд... — кивнул лысый, меряя племянника не слишком добрым взглядом. — Мы все хотим, чтобы наш ярл выздоровел, но Один вершит свои дела, не оглядываясь на пожелания смертных. И если брат мой встанет с ложа, я первый обниму его и забью трехлетнего бычка. Но почему не порадоваться за его душу, зная, что рану Гюрдиру Безбородому нанесла рука храброго врага....

Меднолобый повернулся к Виктору и продолжил, глядя Лысюку в глаза:

— Будь уверен, чужак, ты будешь умирать как подобает тому, кто сразил героя.

«Огромное спасибо, конечно, за честь... — слушая охрипший голос раба, Виктор изобразил лицом каменное спокойствие. — Могли бы и просто шлепнуть. В особо важные персоны никогда не рвался. Как и в киношные герои, которые предпочитают помучиться...»

Его молчание было оценено надлежащим образом и одобрено таким же молчаливым кивком.

— Бросьте чужака в яму, — распорядился Ульрих, а потом громко прокричал вслед племяннику: — А ты отправляйся за Жнецом, Бранд. И не беспокойся, если боги тебя задержат в пути. Я позабочусь обо всем!

Рыжий викинг, успевший уже к тому времени сделать с десятков шагов, запнулся и резко развернулся. Сыну ярла явно не понравилось столь демонстративное поведение дяди, но вопреки ожиданиям он промолчал. Похоже, парень стремительно выросл.

А Виктора, больше не церемонясь, потащили прочь с майдана. Той самой, ведущей в юго-западном

направлении, тропинкой, которую он разглядел сверху. То бишь к месту временного содержания пленников. Хорошо хоть, не пинками...

Сопротивляться двоим дюжим воинам, вооруженным мечами, да еще на глазах нескольких сотен недружелюбно настроенных аборигенов, не имело ни малейшего смысла. Даже без учета того, что Виктор сам стремился попасть в зиндан.

Правда, он предпочел бы осмотреть древнескандинавскую тюрьму в ходе ознакомительной экскурсии, а не изображая экспонат. Но, как говорится, когда сильно приспичит — за неимением гербовой и туалетная сойдет.

* * *

Вот где настоящая экономия сил и средств. Может, не эстетично, но, как говаривал незабвенный Папанов в роли Лёлика, дешево, надежно и практично. Обычная яма. Никаких решеток, стен, караульных... Не то что в цивилизованном мире. Или дело не в экономии, а в количестве преступников? Раньше ведь как было: согрешил слегка — заплати штраф или получи батогов и иди работай, нефиг прохлаждаться, пока другие вкалывают. А попался на разбое или убийстве — голову с плеч, и нет проблем. Чего зря харчи на татя переводить?

Все это Виктор успел обдумать, пока охрана неторопливо подводила его к краю этой самой ямы. Еще шаг, и...

За спиной раздался громкий, уверенный голос.

Конвой остановился. Виктор тоже. И даже оборотился. В конце концов, это ж не к конвоирам пришли. И не ошибся. Перед ним стоял корабельных дел мастер Берк.

«Выкупил он меня, что ли?» — мелькнула мысль. Но тут же и канула.

Это позже Христос взял на себя долг отомстить за всех. А в здешние темные времена живут по правилам более понятным: око за око и зуб за зуб. Так что кровников не продают. Тем более чужаков. А то повадятся потом...

Берк перекинулся парой слов с конвоирами. Видимо, спрашивал разрешения и получил его, потому что сунул Лысюку в руки небольшой, литров на пять, бурдюк. Все так же молча запихнул ему за пазуху кусок остро пахнувшего сыра и увесистую рыбину.

Видя, что Берк притащил с собой Скуба, Виктор думал, что он ему хочет что-то сказать, но нет. Корабел кивнул конвоирам, развернулся и ушел.

«А счастье было так возможно...»

Конвоиры тожественностью момента не прониклись. Видимо, торопились к столу. Но после диалога с Легким Веслом некоторую деликатность все-таки проявили. Не стали бесцеремонно пихать заключенного в спину, а всего лишь учтиво указал острием меча на яму. Мол, тебе туда...

— Поберегись! — прокричал Лысюк, помня, что в яме уже кто-то обитает. Сгруппировался и прыгнул вниз.

Не зная даже примерной высоты, он планировал, как только ноги коснутся почвы, завалиться на бок, чтоб смягчить приземление. Но его поддержали, да и яма оказалась не слишком глубокая. Зато одного взгляда снизу хватило, чтобы понять, почему викинги не держат возле зиндана охраны. Стены имели отрицательный наклон.

— С прибытием, — произнес человек, удержавший Виктора. — Здравомысляя, поздравлять не с чем, но если ты все еще жив и цел, то это уже кое-что.

— Как сказать... — не менее философски ответил Лысюк, отряхиваясь.

— Да как ни говори, — не согласился прежний постоялец. — У мертвого никаких шансов вообще, а живому судьба нет-нет да и подбросит лишний козырь.

— Ага, прямо на голову... — проворчал Виктор, понимая, что не все, в чем он изгаздался, просто грязь.

— Точно. Как тебя мне, — рассмеялся тот. Похоже, плачевное положение совершенно не смущало узника. Или он так был уверен в своем везении?

— Ну, в данном случае провидение отдыхает, — хмыкнул Виктор. — Оплачено заказчиком...

— Кто и за что? Если не секрет, — заинтересовался сокамерник.

— Ястреб. За то, чтоб я пробрался в деревню Гюрдира-ярла и передал от него весточку некоему Хлысту. А еще лучше — выкупил его из плена. Кстати, не знаешь, где мне его найти? А то я по-ихнему ни бе, ни ме.

— Ха! А я что говорил? — воскликнул тот. — Нет, дружище, Фортуна — тетка умная. И тех, кто с ней вабанк играет, просто так не бросает. Вот он я, Хлыст! Перед тобой! Собственной персоной.

К тому времени глаза Виктора обвыклись с темнотой, и он повернулся к стоящему рядом молодому парню не старше его самого.

— Так это ты?

— Я, я... Давай сюда свою «весточку».

— А все, — усмехнулся Виктор.

— Не понял тебя? — Хлыст дернул головой. — В чем шутка?

Лысюк пожал плечами.

— Никаких шуток, все серьезно. Привет я тебе передал, а с выкупом мы пролетели. Гюрдир-ярл тяжело

ранен, и ему не до выкупа. А Медный Лоб и Бранд Рыжий меня даже слушать не стали.

— И что дальше?

— Ждем. Деньги и золото я припрятал в надежном месте. В лесу, за деревней.

— Дело ясное, что дело темное... — поскреб не столько заросший, сколько грязный подбородок Хлыст. Помолчал немного, пару раз потянул носом и заинтересованно спросил: — А что это у тебя так пахнет?

— Паек выделили. Голодный?

— Спрашиваешь! Да я уже забывать стал, что значит нормальная еда. Эти сволочи мне такое дерьмо скидывают, что им только счета с жизнью сводить. Сам удивляюсь, как еще не отдал концы... — тяжело сглотнул слюну. — А больше всего пить охота.

— Держи, — что такое жажда и как легко она может вызвать сумасшествие, Виктор знал. И судя по поведению парня, чтобы шагнуть за грань, ему требовалось совсем немного.

— Вода! — вскричал тот, хватая бурдюк и жадно припадая к горлышку. Глоток, второй, третий...

— Не торопись, — мягко заметил Виктор. — Не отниму. Отдышись, дай организму принять влагу. А то она только зря пробежит.

— Да... — Хлыст с трудом оторвался от емкости. — Я знаю... Только... Ну, ты понимаешь.

Лысюк промолчал. Парень пробормотал благодарственную молитву Нептуну, сделал еще глоток и вернул бурдюк.

— Кто-то о тебе весьма заботится. В бурдюке ячменная брага, а не вода. Ух... С непривычки даже в голову ударило. Черт, как же мне надоело здесь сидеть.

На море хочется. Чтоб палуба под ногами, а вокруг только вода и небо...

— Потерпи еще немного. Думаю, ждать не дольше пары суток, — Виктор опустил на корточки, опираясь плечами на стенку так, чтобы туда лег основной вес тела. Ноги-то не казенные, а садиться в подозрительно чавкающую и издающую специфические ароматы грязь не хотелось. — Я ж говорил: ярла медведь задрал. Отходит уже... А меня викинги обещали на его тризне прикончить. Наверняка и тебя прихватят. Для почести.

— Свезло нам, дружище, — хохотнул тот. — Северяне кого попало на смертный костер не тащат. Со мною понятно, я им крепко насолил, пока с командой Ястреба по здешним фьордам резвились. А ты чем уважение заслужил?

— Помог медведю...

— Чего? — Хлыст подался вперед. — Ты убил... ярла викингов?!

— Не убил, а ранил, — уточнил Лысюк. — Да и случайно все получилось... Вообще-то я в медведя метил.

— Гм, — дернул мочку уха Хлыст. — А подробнее не расскажешь?

— Почему нет? Если ты никуда уходить не собираешься...

Сырая яма зиндана вроде не самое лучшее место для общения, но делать все равно нечего. Так что Виктор, не торопясь, со всеми подробностями, словно при разборе проведенной операции, стал пересказывать товарищу Ястреба свои многочисленные и в чем-то героические похождения.

* * *

За рассказом и в самом деле ночь почти пролетела. Звезды на видимом из ямы участке неба хоть и по-

блескивали, как и прежде, но уже не на черном, а на блекло-сером фоне.

Хлыст молчал. Да и Виктор решил вздремнуть. Понятное дело, сидя на корточках долго не поспишь, но все лучше, чем пялиться в полутьму зиндана и считать минуты...

Похоже, удалось. Поскольку когда сокамерник прикоснулся к его плечу, Лысюк даже не сразу сообразил, где находится.

— Что надо?

— Тихо, не шуми, — шикнул Хлыст. — Светает... А у меня просьба имеется. Типа, последнее желание.

— Сплюнь...

Виктор помотал головою, приходя в себя. Встал, потянулся. Ноги гудели и ныли в коленях. Спина словно одеревенела. Остальное как бы в норме. Хотелось по нужде, но пока решил воздержаться.

— Ладно. Проснулся. Говори...

— Хочу воздуха глотнуть. Неделю уже здесь кантуюсь. Кажется, легкие до крови об эту вонь стер. По уму, надо было ночью. Днем за это можно и топором по голове схлопотать.

Но... заговорились.

— Так приперло?

— Нет мочи... Жжет прямо... — узник дернул ворот рубахи.

— Ладно, — Виктор пожал плечами. — Залезай.

— Спасибо...

Хлыст неловко вскарабкался на плечи сокамерника, даже соскользнул, больно дернув при этом за шею.

— Извини... Зиндан из любого крепыша калеку сделает.

— Терпимо, — проворчал Виктор. Подождал немного и поинтересовался: — Ну, как там? Погода летная?

— Не мешай... дай отдышаться... — засопел Хлыст, вытягиваясь в струну. — Ты это... не обижайся.

— О чем ты?

— Сейчас...

Виктор, заподозрив неладное, уже начал было приседать, чтобы вернуть сокамерника обратно, для более подробного разговора, когда тот с силой оттолкнулся и подпрыгнул. Вниз осыпались комья земли, а Хлыст пропал.

Виктор посмотрел вверх — и увидел пустоту... Какое-то время Лысюк недоуменно таращился на край ямы, пытаясь осмыслить этот очевидный, но невероятный факт.

— Тьфу ты! Развел, гад.

Виктор отошел от стенки, на которую опирался, потом поднял бурдюк и отпил.

— Ну, правильно. Поэтому меня к нему и прислали... с приветом. Чтобы подсадил. А как ловко притворился, что ничего не понял. Ну, артист!.. Я реально повелся. И Ястреб хорош. Это ж надо такой финт придумать. Хоть в анналы тюремных побегов заноси. Живая лестница в виде подсадки в камеру проплаченного зека. А чего, нормальный ход. Друга своего они с кичи достали, а я для них никто и звать никак. Хитро...

Виктор еще раз хлебнул, неудачно сдавил бурдюк, поперхнулся и вытер ладонью плеснувшую на воротник бражку.

— Ну, значит, и мне больше засиживаться нет смысла. Эй, Пилюлькин! Если ты меня видишь или хотя бы слышишь, готовь встречу. Не знаю, помогло

тебе мое участие в эксперименте или нет, но дольше торчать здесь, дожидаясь почетного места на тризне, нет резона.

Лысюк закрыл глаза, сосредоточился и трижды мысленно произнес: «Я больше не играю».

Глава восемнадцатая

И ЗА БОРТ ЕЕ БРОСАЕТ В НАБЕЖАВШУЮ ВОЛНУ

Несмотря на домашность характера Бурый не был монастырским затворником. Не тот нынче век на дворе, чтобы молодой мужчина, возжелавший нарушить свое уединение, мог испытать затруднения в поисках увлекательной собеседницы. Хоть на час, хоть на сутки...

Соответственно в свои полновесные двадцать шесть лет, пять из которых промчались в студенческой среде, Леонид мнил себя если не знатоком, то уж опытным пользователем наверняка.

И как же он заблуждался, почитая ласки жриц любви или случайных подружек, склонных к всестороннему общению, тем самым блаженством... Воспетым трубадурами и менестрелями, начиная с времен античных.

Каждое прикосновение вызывало такую вспышку нежности и блаженства, что голова кружилась, как на американских горках. С замиранием сердца и нехваткой воздуха в груди. Слова уносились прочь и не желали складываться в логически завершенные формы. Тем более Оля как раз решила, что с прелюдией можно заканчивать и передать инициативу мужчине.

Но у насмешницы судьбы, как всегда, были свои планы на сегодняшний вечер. Ибо богам нет дела до желаний смертных. Даже самых сокровенных...

— Эй, хозяин! — заорали во дворе луженые мужские глотки. — Не спишь?! Встречай гостей!

Это было так не вовремя, что Леонида словно холодной водой окатили. И без внутреннего голоса озвереть впору.

— Какого рожна надо?! — заорал он в ответ, вскакивая с кровати.

— Дело к тебе есть. Да ты выдь во двор. Чего зря горло драть?

— Утром приходите. Ночью только темные дела свершаются.

— Негоже так, хозяин... Сын Гюрдира-ярла Бранд Рыжий перед дверью твоего дома стоит, — попытались образумить Бурого пришлые, но того уже понесло. Да и кто в подобной ситуации сохранил бы благоразумие и доброту душевную!

— А ты мне не указывай... Я никого в гости не звал. Проваливайте.

— Что ты сказал?! — молодой голос звенел яростью. — Рубите дверь! Никто не смеет меня на пороге держать!

— Ой, — только и произнесла Оля, когда тяжелые удары сотрясли дом.

Леонид уже и сам сообразил, что хватил лишку, ведь никто его не уполномочивал так привечать посетителей Жнеца, и поторопился открывать. К счастью, успел. А то кто знает, стали бы викинги, врубившись в дом, сдерживать секиры, или заодно порубили бы и его негостеприимных обитателей?

— Ты кто такой? Трелль Жнеца? — шагнул внутрь молодой рыжеволосый воин, почти брезгливо отстра-

няя Бурого в сторону. Следом за ним вошли еще трое здоровяков. Один с зажженным факелом.

Воин уже заметно успокоился и глядел хоть и высокомерно, но почти дружелюбно.

— Хозяин где? Ормульв, не прячься! Это я — Бранд. Я пришел с миром! Отец мой, Гюрдир Безбородый, опасно ранен. Помощь твоя нужна, Травник. Белый Ворон позвать сказал. Не мешкая...

— Нету его. — Рука у парня была как железная. Вроде и силы не прикладывал, а Леонид попятился, будто его оттолкнули. — Сами второй день ждем.

— Сами?

Сын ярла еще только вопрос задавал, а пара хирдманов уже проскользнули во вторую комнату. И ответом стал возмущенный вскрик девушки.

— Девка? — удивился Рыжий Бранд. — У Травника?

Оля успела натянуть на себя только короткую рубаху, даже шнуровку в вырезе пазухи не стянула. И теперь стояла перед мужчинами в том фривольном виде, который возбуждает гораздо больше, чем полная нагота.

Третий викинг, тот, что был с факелом, уже успел зажечь еще парочку настенных лучин. Для освещения дома. Так что и красоту девушки, удерживаемую на весу двумя дюжими лохматыми и бородатыми мужиками, как и ее обнаженность, больше не прятала даже ночная тьма.

— Забавно, — хохотнул Бранд, оценивающе глядя на Олю, в руках хирдманов казавшуюся еще более хрупкой. — Старый отшельник решил себе от прострела наложницу завести? Вместо грелки... А что, по размеру, как раз к больному месту прикладывать. Или в ногах держать...

— Это да... Мелковата для настоящего мужчины, — согласился с Рыжим один из викингов. — Но девка всегда девка. Время скоротать можно. Пока Ормульв вернется...

— Посмотрим, — кивнул Бранд и повернулся к Леониду: — Так когда хозяин будет? Утром?

Бурый замешкался. Все случилось как-то слишком быстро. Неожиданно. И он еще не успел сообразить, как правильно реагировать. Единственное, что не вызвало сомнения — супротив викингов у него шансов нет. Вообще...

— Если недалеко ушел, догони!

— Пусть лучше пожрать принесет... — отозвался один из викингов, держащих Олю. — Если Травник рядом, гонец не нужен. Когда Клык за его подстилку примется, она завизжит громче корабельного рожка. Глухой услышит.

— Да, об этом я не подумал, — Бранд Рыжий, похоже, вполне серьезно воспринимал столь оригинальный способ подачи сигнала. — Ну, так чего ждете? Тащите ее обратно в постель. А ты, — палец Бранда уткнулся в грудь Бурого, — собери на стол. И пошевеливайся, если не хочешь присоединить свой голос к ее воплям, когда тебе углей в штаны насыплют.

Умом осознавая всю тщетность сопротивления трем дюжим воинам, Леонид все же примерился, как сподручнее вцепиться в горло сынку ярла, но в этот момент в игру вступила Оля.

— Перед тобой, Бранд Рыжий, не подстилка! — голос у девушки почти не дрожал. — Я — Хельга Цветок Клевера! Ученица знающего Ормульва Травника по прозвищу Жнец! И уберите от меня свои лапы, если не хотите, чтобы они отсохли по локоть. И не только руки! Эй, трелль! — откуда только властность в голосе

взялась. Видимо, занятия в Гимназиуме не прошли зря. — Подай мой посох!..

Похоже, женщина, приказывающая мужчинам, для викингов была примерно таким же необычным явлением, как красotka телеведущая, шагнувшая с экрана, для современников Бурого. В общем, офигели они прилично и замерли в растерянности. Всего на секунду. Но когда Леонид, по-быстрому врубившись, подыграл подруге — подав с поклоном на вытянутых руках тот самый резной посох от Хмеля, суровые северные парни впали в ступор окончательно.

— Я слышала, — Оля шагнула в сторону Бранда с таким величавым видом, словно на ней была мантия и корона. — Ты сказал, ярл Гюрдир Безбородый ранен?

— Да... госпожа...

Молодой викинг явно не знал, как себя держать. Жизнь у парня была суровая. А в этой школе первым делом учат одному незыблемому правилу: если незнакомый человек держится высокомерно, не факт, что у него на это нет прав. И если ситуация терпит, не спешి проверять. Даже если это не совсем человек, а всего лишь незамужняя девица.

— И сильно ранен? Что говорил Белый Ворон?

— Наш знающий считает, что если до рассвета ему не помочь, отец может больше не вернуться в Мидгард*. Хель заберет его.

— Это плохо. Ярл где?

— В деревне.

— В деревне... И времени почти не осталось. Рассвета недолго ждать, — Оля продолжала говорить не

* По верованиям древних скандинавов, Мидгард — та часть мира, в которой обитают люди.

как рабыня, а как госпожа. Тем самым еще больше убеждая Бранда Рыжего, что он поторопился с оценкой ее статуса. — Ждать Травника не будем. Не успеет... Веди меня к ярлу, воин.

— А ты сможешь помочь отцу? — молодой викинг с сомнением вперился в девушку тяжелым взглядом. Но та спокойно смотрела ему в глаза.

— Смотри, если обманываешь — с живой кожу сниму и в бочку с морской водой засуну. Всех богов и демонов о смерти молить станешь.

Оля стукнула посохом и, даже не удостоив викинга ответом, шагнула к двери, словно выход из дома не загораживала его массивная фигура. И Бранд посторонился.

— Госпожа! — Леонид бросился следом. — Пойдите!

— Чего тебе, раб? — с деланным неудовольствием оглянулась Оля.

— Одеться. Вы забыли одеться...

Девушка остановилась и посмотрела на себя, словно со стороны.

— Да, ты прав... Для Хель мой наряд значения не имеет. Но не пристало ее жрице к Гюрдиру-ярлу в таком виде идти. Вы, — она обвела взглядом чутков присмиривших викингов, — ждите во дворе. Сейчас выйду... — и повернулась к Бурому: — Неси парадное облачение!

* * *

Потушив огонь в очаге и выйдя вслед за Олей во двор, Бурый понял, что поступил правильно, не начав драку. Даже если бы ему каким-то чудом удалось справиться с тремя викингами в доме, снаружи сына ярла ожидали еще шестеро воинов. Рожи — только

в кошмарных снах привидеться могут. А сложением ничуть не слабее товарищей. Двое с горящими факелами... То ли путь осветить, то ли избу поджечь.

Они привычно образовали «коробочку», взяв в плотное кольцо своего командира и девушку и предоставив Леониду самому решать — свалить по-быстрому или плестись сзади. Как и положено треллю.

Вот и славно. На большее он пока не претендовал.

Бурый с ходу сообразил, что если не найдет очевидной причины, почему должен сопровождать девушку, а не сторожить хозяйский дом, Олю уведут одну. И пока она одевалась, Леонид позаботился о достоверной легенде.

Отыскал большую полотняную котомку, размерами с приличный мешок, и доверху набил ее всевозможными травами, которые только попадались под руку. Весил весь этот гербарий всего ничего, но расчет строился на том, что великомудрой ученице Травника носить груз не по чину, — а настоящему воину не запаadlo быть носильщиком, только если он тащит свой вик.

Сработало. Никто из скандинавов даже не почесался. Ну, правильно. Нет ничего натуральнее для глаз викинга, чем вид слуги, несущего поклажу за своей госпожой.

«Да, ничто так не украшает не только женщину, но и мужчину, как фотошоп... — подумал Леонид, с завистью поглядывая на мощные бицепсы северных воинов. — Гад Пилюль, мог бы и мне немного силы подрисовать. Хотя какой прок от картинки. Нет, решено: вернемся домой, надо будет в спортзал походить...»

Викинги шагали в противоположную от входа в зону сторону. В поисках грибов, ягод и прочих

припасов Леонид подсознательно держался знакомых мест. А надо было по всей округе побродить. Но кто ж знал, что всего в полумиле на север от избышки Травника настоящий фьорд.

— Вот уж и в самом деле, знал бы прикуп — жил бы в Сочи, — проворчал Бурый себе под нос. — Вместо того чтоб искать приключения в лесу, надо было сразу к морю идти. Хотя чего это я? Неслись, как с горки... Когда не до любования пейзажами... Повезет на ногах удержаться, и то хорошо.

Задний викинг оглянулся на его бухтение, и Леонид предусмотрительно умолк. Лучше не будить лихо, пока тихо, или как говорят англичане, *let sleeping dog lie*. И так перспектива покрыта мраком. В том смысле, что сюжет придуманной компом игры пока совершенно не ясен и непредсказуем.

«Вот зараза...» — в который раз Бурый мысленно обругал бывшего одноклассника, из-за которого он теперь, как в притче о белой обезьяне, постоянно пытался понять: это реальность, пусть и фантастическая, или только видимость?

Но меньше всего Леонид ожидал воочию узреть настоящий драккар, на котором викинги ходили в свои знаменитые набеги. Впрочем, тут он мог и ошибаться, поскольку покачивающееся на мелководе суденышко совершенно не впечатляло размерами. Большая рыбацкая лодка, да и только. Дюжине бойцов тесновато, не то что целому хирду. По словам современников, насчитывающий иной раз сотню, а то и полторы воинов...

— Бранд, быстрее! — окликнули их с лодки. — Не нравится мне, как воздух пахнет. Как бы шторм не налетел. А это корыто не змей. Только булькнет... если раньше на волне не развалится.

— Уверен?

— Как в том, что меня зовут Сигурд Бегущий по волнам. Может, вытащим баркас на сушу и переждем бурю на берегу?

— Нельзя, Сигурд, — твердо ответил Рыжий. — Белый Ворон сказал, отец навсегда уйдет вместе с рассветом. Надо торопиться. Не прощу себя, если из-за моей трусости Гюрдир-ярл не будет больше пировать с нами.

— Это не трусость, Бранд. Это предосторожность. Вряд ли ярл утешится, узнав, что и мы тоже погибли. Но решать тебе.

— Ты прав, кормщик. Мне. И я уже решил.

— Как скажешь. Тогда шевелите задницами, увальни.

Похоже, мнению Бегущего по волнам тут доверяли, потому что викинги бросились в воду с разбега. А Бранд еще и Олю на руки подхватил. Впрочем, чему удивляться, если она и Бурому была совсем не в тягость.

— Ормульв где? — поинтересовался кормщик. — Или он вместо волка девкой обернулся? Смеха ради...

— А что, нельзя? — хохотнул кто-то из викингов. Наверное, из тех, кто снаружи оставался и не знал всей истории. — Говорят, Белый Ворон птицей летает... в дни полной луны, так почему бы Травнику...

— Пасть закрой, — рывкнул Бранд, осторожно ставя Олю в лодку. — Это ученица Травника — Хельга Цветок Клевера. Она тоже знающая и берется вылечить отца.

— Девка? — недоверчиво хмыкнул кормщик. — Хотя... Она ведь понимает, чем рискует, если попытается обмануть?

— Знает.

— Тогда чего хлебала поразевали, коровы?! — еще громче заорал Бегущий по волнам. — Живо за весла! И чтоб изо всех сил грести. Если в сети к великанше Ран попасть не желаете...

Леонид торопливо забросил в лодку торбу с зельями и нарочито неловко перевалился через борт внутрь, упав на чьи-то ноги. Сидящий на веслах воин недовольно пнул его, беззлобно присовокупив крепкое словцо, но этим и ограничился. Тот, кто вызывает презрение, не опасен и не стоит внимания.

Силы у викингов было непомерно, или они настолько всерьез вняли предупреждению кормчего, но лодка рванула с места с прытью доброго скакуна. Так, что поднявшийся на ноги Леонид не удержал равновесия и снова плюхнулся на дно.

— Раком ползай, если ходить не умеешь, — прокомментировал его неуклюжесть тот самый викинг.

— Спасибо.

Бурый в самом деле решил не рисковать. Свалиться за борт плевое дело, а в том, что никто ради его спасения даже не почешется, можно было не сомневаться. Да и с взятым на себя имиджем бестолкового трелля такой способ перемещения отлично монтировался. От шута никто не ждет опасности.

Только Оля пару раз недоуменно посмотрела на Леонида. Но потом подмигнула украдкой, сообразила, что тот притворяется. Играет роль.

Путем проб и ошибок Бурый отыскал себе укромный уголок, где он никому не мешал. В углу, на корме. Сбоку от кормщика. Там же пристроил свой мешок, привязав для надежности к борту. А сам прикорнул сбоку. И хоть место это оказалось тверже общего вагона, садиться на знахарский инвентарь, предназначенный для спасения ярла, благоразумно не стал. От гре-

ха... Могли и не заметить, а могли и голову оторвать. За непочтительность. В самом буквальном смысле.

Поднятый парус и три ряда спин гребцов не давали увидеть, что происходит на носу, где рядом с Брандом нашлось место для самозванной знахарки. Но Леонид был уверен, до прибытия в деревню девушке ничто не угрожает.

Как фишка ляжет там — другой вопрос. Но и тут Бурый не слишком волновался. Наверняка уроки мастера Гольденберга не прошли зря, и никакого разоблачения не последует. Разве что Ормульв лично отречется от «ученицы». Но во-первых, вряд ли он окажется в деревне. А во-вторых, подобной подлянки от старика Леонид не ждал. В конце концов, не для этого же он их столь усердно к себе зазывал.

А зачем именно, кстати, так и не удалось выяснить.

Сигурд крепко сжимал рукоять рулевого весла, и глаза его темнели вместе с небом. Как будто время не к утру шло, а наоборот — к ночи. Все звезды, какие только были, исчезли и с неба, и с поверхности моря. Только тучи клубились вокруг, сгущая и без того непроглядную тьму.

По каким приметам кормчий определял, куда плыть в этой крошечной тьме, Леонид даже не пытался понять. Лично он уже давно потерял ориентацию, вместе с горизонтом. А все усиливающаяся качка грозила то же самое проделать и с осью ординат. В смысле перемешать верх и низ.

— Не спать на веслах! — в который раз прокричал Бегущий по волнам. — Шевелитесь, ленивые ублюдки! Один любит безумцев! А безумнее нас с вами сейчас не найти никого на много сотен миль вокруг! Поднажмите! Еще немного, и у нас появится шанс уйти!.. Волна меняется!

Увы, на этот раз ошибся даже опытный кормщик. Раздался звук, словно над лодкой лопнул большой воздушный шар, следом — всего на несколько мгновений, на людей обрушилась тишина, а потом ветер завыл, как тысяча голодных волков. Налетел, ударил, одним рывком сорвал и унес парус... А море — вспенилось, как убегающее молоко, и завертело в этом пенном сумасшествии утлое суденышко легче щепки, угодившей в речной водоворот.

* * *

Вода обступила лодку сплошной стеной, напрочь вытесняя воздух. Так что вдохнуть удавалось, только сунув нос в воротник. Густые тучи брызг налетали со всех сторон, и уже невозможно было понять — это ливень свергается с небес или челн захлестывают закусившие удила волны. Впрочем, и то и другое могло происходить одновременно.

Парус сорвало первым же порывом, а весла втянули в лодку сразу, как налетел шторм, — и от опрокидывания баркас удерживался одними лишь усилиями кормчего.

Оба гребца с задней скамьи развернулись и, как могли, пособляли Сигурду бежать по волнам, а остальным ничего не оставалось, только держаться крепче бортов и скамеек. И молиться, кто во что верует...

Леонид Бурый, воспитанный на краю второго тысячелетия от Рождества Христова, веровал в высшую справедливость и силу разума. Вот только молиться им смысла не было. Ибо первая скромно разводила руками, а второй мудро вещал, что спасение утопающих дело рук самих утопающих. Зачастую даже в реальной жизни. И уж тем более — в игре. В общем, отмазались...

Все же к гласу разума прислушаться стоило. Поскольку назвался груздем, стало быть, полезай в кошелку и играй свою роль до конца. А то кроме «не верю» от режиссера спектакля и гнилым помидором прилететь может. Не говоря уж о прочих зрителях.

Бурый еще разок взглянул в сторону опекаемой Рыжим Брандом Оли и убедился: в роли знахарки девушка находится под защитой викинга. Самой надежной, на какую лишь приходится рассчитывать в данной ситуации. В том смысле, что желая доставить ее к одру умирающего отца, сын ярла сделает все возможное для спасения знахарки. Значит, можно не волноваться и заняться собой. Во избежание...

Плавал Леонид так себе даже в тихую погоду, да и давно это было, а потому его главной задачей стало повышение личной непотопляемости.

Бурый огляделся по сторонам, но никаких спасательных кругов или жилетов не увидел. В наличии имелось несколько больших щитов, но вряд ли их получилось бы использовать в виде плавсредств... Учитывая количество железа, которыми они оббиты, щиты норманнов могли продержаться на воде не дольше их же секир.

Весла... Вариант. Но во-первых, слишком длинные и под присмотром. Ухватить можно, только если покидать лодку последним. Что совсем не факт. А во-вторых, слишком отполированное древко. Не удержаться. Пальцы устанут и соскользнут.

— Черт... Вот непруха.

Все остальное обозримое имущество, начиная от скамеек и сундуков, было либо накрепко приколочено к лодке, либо плавало хуже самого Леонида.

Баркас застонал и так опасно накренился, что всего каких-то мгновений и миллиметров не хватило, чтобы Бурый продолжил размышлять за бортом.

— Раскудрить твою через коромысло!

Леонид покачнулся, взмахнул руками и непроизвольно ухватился за котомку, туго набитую лечебным гербарием.

— Оп-па! Вот же оно! Сено, конечно, не пенопласт, но тоже легче воды.

И стал торопливо отвязывать «сенник» от борта.

Намокшие узлы плохо поддавались. Второпях Бурый сорвал ноготь на указательном пальце, но даже в рот не сунул. Не до мелочей, когда весь организм спасать требуется. К счастью, веревка поддалась приложенным усилиям, и Леонид, предварительно затагнув потуже горловину, привязал котомку к спине.

— Помогите нам, Один! Держитесь!

Кричал вроде кормщик. Единственный, кто хоть что-то видел и понимал во всей этой бешеной круговерти. Значит, и в самом деле — надвигается нечто страшное.

Леонид пригнулся, вцепился обеими руками в борт, и тут шторм ударил в полную силу. Без пощады.

Всего в нескольких метрах по правому борту над морем встала настоящая стена и двинулась к ним. Такая темная и огромная, что даже смотреть на нее было страшно. А особенную жуть навевала пенная шапка, венчающая ее, как хлопья бешеной слюны.

Леонид и не стал... Прижался к шпангоуту и зажмурился. А еще мгновение спустя волна мощно ударила в борт.

Утлое суденышко не заскрипело, а словно зубами заскрежетало от нестерпимой боли. Но все-таки

устояло... Ухнуло вниз, как в яму, вздрогнуло и за-
качалось спокойнее.

— Бранд! — прокричал кормчий, воспользовавшись минутным затишьем. — Еще одной волны лодка не выдержит! Нужна жертва! Чтобы Ран осталась довольна! Великанша любит золото!

— Я уже бросил в море все перстни, которые были на мне! — прокричал в ответ сын ярла.

— Нет, ты не понял! Нужна настоящая жертва! Надо отдать жене Эгира златовласую девицу!

— Сигурд, это ты обезумел! — проорал в ответ Рыжий. — Если утопим знахарку, зачем мы в море выходили? Мой ответ — нет! Она нужна отцу!

— Думаешь, Гюрдиру Безбородому станет легче, когда мы утонем вместе с треклятой девкой Травника?!

Остальные викинги молчали, но судя по недоброй тишине, были согласны с кормчим. Воины не раздумывая и с радостью отдали бы жизни за своего ярла, прикрывая его в бою, но утонуть... К тому же зря...

— Я сказал нет! — Бранд сумел приподняться. — Нужна жертва? Возьмите трелля! Хоть и не человек, но ценнее животного... Молодой, крепкий. Ран не обидится.

Теперь все смотрели на Бурого.

— Ты старший, — не слишком охотно согласился Сигурд. Не глянувшись ему чем-то Оля, что ли? — Только быстрее! Вторая волна уже близко. И если Ран не смиловится раньше, чем она ударит, мы очутимся в ее сетях.

Говорят, перед смертью обостряются чувства. Наверно, так и есть. Иначе чем объяснить то, что Леонид тоже ощутил приближение огромной массы воды. А еще — как мелко дрожит, словно от смертного

ужаса, баркас викингов. Или это он сам завибрировал? Под хмурыми взглядами воинов.

— Нет! — Оля протестующе вскрикнула и попыталась вскочить, но тяжелая длань Бранда Рыжего усадила ее обратно. — Вы не посмеете! Это мой...

— Тихо сиди! Иначе сама за борт вылетишь! — рявкнул на девушку сын ярла. — Радуйся и благодари Хель, что твоя жизнь мне сейчас дороже сотни рабов. Ормульв Травник поймет. Да и я торговаться не стану. Заплачу выкуп, какой назначит. А вы чего ждете?! За борт его!

Ближайший к Бурому викинг потащил из-за голенища нож.

— Стойте! — к счастью, мысль не успела сформироваться до конца, иначе Леонид отмел бы ее как абсурдную и бессмысленную в реальности. Зато в игровом мире такой трюк казался вполне логичным. — Я сам пойду в гости к Ран!

Он поднялся на ноги и шагнул к тому борту, откуда приближалась еще невидимая смерть. Оглянувшись на Олю... Девушка была белее снега. Переживает, бедняга. А ведь приятно... И вдохновляет. Ощущая себя настоящим героем, Леонид совсем было собрался шагнуть за борт, когда вспомнил о самом важном... И громко с облегчением расхохотался. Как человек, которому казнь заменили пожизненной ссылкой в Сухум-Кале.

— Эй, подруга! Опомнись! Это только игра! До встречи в заведении Пилюля!

Он хотел еще что-то крикнуть, но тот самый викинг, что приготовил нож, нетерпеливо шагнул к Бурому. Видимо, воин не верил, что у раба хватит смелости прыгнуть за борт добровольно. Плевать — главное сказать Леонид успел. Оля услышала. Может,

от волнения и не поняла, но потом вспомнит. Если ей суждено здесь оставаться и дальше.

— Стоять! — рывкнул на викинга Бурый. На всякий случай. Чтоб не получить удар в спину. И сделал завершающий шаг...

Глава девятнадцатая

ПО ЗЕЛЕННОЙ ГЛАДИ МОРЯ...

Несмотря на то что плюхнулся он плашмя, как доска, море приняло Бурого мягко. Впрочем, это ж не с десятиметровой вышки прыгать. Борт баркаса едва на метр выступал над волной. Зато ледяная купель обожгла, как крутой кипяток. Леонид непроизвольно охнул, — о чем тут же пожалел, хлебнув полный рот горько-соленой морской воды. А в следующее мгновение волна накрыла его с головой, и Бурый камнем пошел на дно. Даже заготовленный гербарий не помог.

Вообще-то вся эта суэта со спасательной котомкой была следствием паники, совершенно нерационального страха, на какое-то время подчинившей себе разум Леонида, заставив его позабыть, что все вокруг лишь игра воображения. Или проекция компьютерной программы. Так что только сейчас, за бортом утлого суденышка и уже под водой, Бурый успокоился и по достоинству оценил, что значит быть бессмертным.

Пока в легких еще оставался воздух и не желая испытать на себе симптомы удушья, дожидаясь, пока Пилюль сообразит, что его товарищ не собирается выныривать и тонет по-настоящему, Леонид начал мысленно произносить фразу возвращения:

«Я больше не играю. Я больше не...»

В этот миг его крепко приложило спиной и затылком обо что-то твердое. Да так, что напрочь вышибло дух, и Леонид потерял сознание.

Очнулся он от хорошей оплеухи. Аж в голове зазвенело.

— Пилюль, ты что творишь?! Совсем озверел в своей лаборатории?! — Бурый издал возмущенный вопль и открыл глаза. Никакой лаборатории не было и в помине, а над ним склонялось лицо викинга из игрового мира. Ночная тьма только подчеркивала гротескность ситуации.

— Гляньте, — прорычал тот. — Не подход трелль. Живой.

— Это ж каким надо быть дерьмом, чтобы великанша Ран его обратно выплюнула, — громко и с недоумением проворчал кормщик Сигурд. — Зря не прирезали. Может, вкус крови ей понравился бы больше?

Леонид растерянно огляделся. Бред бредом, а лодка викингов ни чуточки не походила на лабораторию НИИ. Даже как остаточное явление. Да и ощущение лютого холода в промокшей насквозь одежде не позволяло от увиденного абстрагироваться.

Ледяная вода плескалась внутри суденышка вровень со скамьями гребцов, и все, включая Олю, интенсивно вычерпывали ее, приспособив для этого щиты. Такая же, как у Леонида, мокрая одежда весьма способствовала трудовому энтузиазму мореплавателей.

Бурый, у которого от переохлаждения аж зубы заныли, и сам с радостью включился бы в работу. Но встать на ноги ему не дали.

— Как скажешь, Сигурд...

Викинг, который приводил Леонида в чувство, вытащил нож.

— Погоди, Ауд, — Бегущий по волнам остановил его раньше, чем Бурый успел осознать, что его чуть вторично не убили. — Может, и не в дерьме дело? А просто этот раб не все еще исполнил, что ему предначертано норнами?

Кормщик помолчал, раздумывая.

— Да и не пристало потчевать Ран одним и тем же блюдом дважды.

Стальное лезвие отодвинулось от горла Леонида. Но за голенище викинг нож спрятать не торопился.

— Слышишь, Бранд, — Сигурд окликнул сына ярла, — по всему выходит, что хочешь ты или нет, а придется златовласой девкой пожертвовать. Выбирай, Рыжий... Или ее бросим за борт, или все пойдем ко дну.

Бранд был полон решимости отстаивать знахарку, но вряд ли он сдюжил бы в одиночку против всей команды. А хлебнув морской воды, викинги не собирались проверять лодку на прочность еще раз. Каждый понимал, следующей волны суденышку не выдержать. Чудо, что оно и один раз устояло.

И все-таки Рыжий не уступил. Видимо, шанс помочь отцу имел для молодого викинга больший вес, чем собственная жизнь. Он передвинул Олю за спину и обнажил меч.

К Бурому тем временем уже вернулась способность соображать, и он наконец-то смекнул, что, во-первых, не успел эвакуироваться из игры. Видимо, не хватило времени трижды произнести заветную фразу. Во-вторых, случай вернул его обратно. А в-третьих, если он ничего не предпримет, то за борт полетит Оля. А тех ощущений, которые ждут девушку в ледяной пучине северного моря, Леонид ей не желал. Достаточно того, что он их на себе испытал.

Это если, исходя из предыдущего опыта, викинги сначала не перережут девушке горло.

— Стойте!

Бурый еще только додумывал мысль, но уже начал действовать.

Трелль, самовольно осмелившийся влезть в разговор, не мог не привлечь к себе внимания. Правда, не совсем такого, как Леонид ожидал. Но увернуться от пинка в лицо Бурый все же успел. И леденящий душу голос звериного естества опять завыл, забормотал, подминая волю человека: «Убей! Убей!!!»

— Погодите! — Леонид сжал кулаки до хруста костяшек и заорал во все горло, пытаясь удержать себя в руках. А заодно и викингов. Затевать бой посреди моря, в готовом затонуть суденышке, не лучшее место и время.

— Заткни пасть!

Воин ухватил Бурого за волосы и приставил нож к горлу.

— Пусть говорит! — кормчий был опытен и мудр.

— Пусть, — прорычал Ауд, — но если мне не понравится то, что он скажет, я возьму его жизнь. Когда мы будем пировать в чертогах Одина, еще один трелль нам не помешает. Чем больше слуг у воина, тем лучше.

— Я видел Ран! — Леонид решил начать с главного. На всякий случай. А то могут и не дослушать до конца. — Она вас отпускает!

Если первая фраза была из разряда неопровержимого вранья, то вторая давала лишь кратковременную передышку. Но, как тонущий хватается за соломинку, Бурый произнес ее, желая выиграть немного времени. А там, либо эмир умрет, либо ишак сдохнет.

— Вы слышите меня? — После слов Леонида воцарилась такая тишина, что ему показалось: он

оглох. — Я видел великаншу Ран. Она сидела на носу затонувшего драккара, сматывала золотую сеть и приговаривала, что день сегодня неудачный, только мелюзга попадается. Ей это надоело, и сегодня она больше забрасывать сеть не будет. Потом увидела меня, схватила за воротник и подбросила вверх...

— Разрази меня Перун! — воскликнул Ауд. — Раб сошел с ума от страха или приложился лбом о доски челна и несет всякую чушь, а вы уши развесили?! Бранд! Сигурд! Парни!

Бегущий по волнам послунял палец и поднял над головой. Потом пружинисто вскочил.

— Гм... Вот что я скажу тебе, Ауд Горластый. Мне не известно, что действительно видел трелль Ормульва Травника на дне морском, а что придумал, чтобы спасти хозяйку... но шторм ушел.

— Ты хочешь сказать... — Рыжий тоже поднял вверх руку, пробуя на ощупь воздух, как воду.

— Бранд, — Сигурд поплевал на ладони и взялся за кормовое весло. — Мы успеем доставить знахарку к ложу Гюрдира-ярла вовремя, если вместо того, чтобы чесать языками, закончим вычерпывать воду и наляжем на весла! Не спать, боровы! Замерзнете!

Он продолжал еще что-то говорить в таком же духе, но Бурый в слова седого викинга не вслушивался. Потому что одновременно с тем, как Сигурд произносил свою речь, тучи редели, и небо возвращало себе мирную звездную россыпь. Словно и не было никакого шторма. Словно почудилось все.

— Хвала Одину! — Бранд Рыжий выхватил кинжал и полоснул лезвием по предплечью. — Отец воинов, прими мою кровь, как залог клятвы. А настоящее подношение я сделаю тебе в первом же бою!

Остальные викинги последовали его примеру, вслед за сыном ярла принося Одину обет на крови. Потом еще ожесточеннее налегли на щиты, так что вода словно вскипела и сама бросилась за борт. Леонид, которого предоставили самому себе, тоже присоединился к процессу, прилагая максимум усилий и постепенно смещаясь к носу драккара. Поближе к Оле.

Так что когда викинги наконец-то уселись за весла, а лодка буквально взмыла над морем и понеслась как прогулочная ракета на подводных крыльях, Бурый плюхнулся на дно суденышка практически у ног девушки.

Леонид украдкой подмигнул Оле и притих. Бранд Рыжий неодобрительно покосился на назойливого раба, но гнать не стал. В конце концов, именно его стараниями удалось спасти жизнь знахарке.

А Бурый неожиданно вспомнил, что перед тем как погрузиться во тьму беспамятства, действительно видел лежащий на дне моря огромный драккар. И совершенно отчетливо, как в лупу, успел разглядеть большущую, скалившую клыки, пасть дракона на его носу. Вот только была ли на нем женщина, как пряжу в клубок, сматывающая в тугой рулон посверкивающую желтизной рыбацкую сеть, он клясться бы не стал...

* * *

Все познается в сравнении. Только когда баркас проскользнул вдоль борта крайнего из трех пришвартованных к берегу драккаров и выскочил на отмель, Леонид ощутил и осознал настоящую мощь боевого судна викингов. Это был не просто корабль. В прибрежных водах фьорда покачивались на волнах хищ-

ники, лениво дремлющие в этот предрассветный час. Морские чудовища, готовые в любое мгновение сорваться с места и броситься в погоню. Почти живое существо, созданное человеческими руками, с одной-единственной задачей — не упустить добычу. И даже то, что драконьи головы на носсах драккаров сейчас мирно глядели на собственные хвосты, не делало их похожими на торговые корабли.

Сколько волка ни корми, а... из волчонка овчарка не вырастет. Только матерый хищник. Хорошо, если хоть немного ручной.

А тут сразу три готовых корабля и один недостроенный. Большие даже для нынешнего времени. Примерно полсотни метров в длину, не меньше. Рядом с многоквартирным домом поставить, аккуратно от первого по третий подъезд будет.

Кстати о домах... Исходя из того, что корабли викингов несли на себе свыше сотни воинов, на берегу их должны были ждать женщины, дети и старики. Общим числом превышающие боевую дружину как минимум в несколько раз. А это примерно полуторатысячная толпа народу! И здесь, как ни прикидывал Бурый, оглядывая берег, концы с концами не сходились.

Людей на пристани и в огражденном частоколом периметре вообще-то тусовалось достаточно. Не тысяча, но все-таки. А вот жилых строений, способных укрыть жителей на ночь или от ненастья — не наблюдалось. Хозяйственные постройки угадывались, а остальную территорию, где и должны были стоять бараки, хижины или избы, занимали какие-то пологие, зеленые холмы. На одном из которых даже парочка коз паслась, неодобрительно мекая на суетливых людей, спозаранку торопящихся к пристани.

— Эй! Свистящий Топор! Как мой отец?! — крикнул Бранд, обращаясь к подоспевшему прежде других викингу, но не дождался ответа, ухватил на руки Олю и спрыгнул в воду.

— Ярл еще с нами, — ответил тот, двигаясь навстречу. — Совсем недавно Белый Ворон выходил на холм тебя выглядывать. Сказал: держится Безбородый...

— Эй, а ты чего расселся?! Уснул?

После невольного страха, испытанного во время шторма, Ауду Горластому требовалось выместить на ком-то плохое настроение, и трелль, копошившийся прямо под ногами, показался ему для этого самым подходящим объектом. Высказав причину своего недовольства, Ауд без затей попытался пнуть Леонида в бок. Но не смог. Трусливый увалень, каким викинг считал раба, непонятным образом в последнюю секунду успел отпрыгнуть.

Скорее всего, это получилось случайно, просто трелль не вовремя потянулся за тюком, но тем не менее со стороны выглядело нелепо, выставляя самого Горластого неуклюжим пентюхом. Так что Ауд не только не отвел душу, а разозлился еще больше.

— Убирайся с дороги! — викинг шагнул к Бурому, замахиваясь кулаком. Хороший удар в ухо позволил бы Ауду улучшить настроение. Оно, конечно, не пристало воину связываться с чужим рабом, но что делать, если рядом больше никого нет. Не с товарищами же задиаться.

Но и в этот раз фортуна оказалась не на стороне воина. Раб Травника испуганно отшатнулся, да так неловко, что подцепил ногою под колено самого Ауда, и Горластый, несуразно взмахнув руками, с громким всплеском свалился за борт.

Благодаря занятиям у мастера Сирка, Леонид проделал это так ловко, что никто даже не заподозрил, что обидчик упал не случайно. Только в глазах кормчего Сигурда мелькнуло нечто похожее на удивление.

Ауд тут же вскочил, хватаясь за меч и готовый разорвать каждого, кто будет над ним смеяться. Но никто даже не улыбнулся. А виновник случившегося и вовсе спрятался. Присел у борта и только выглядывал в щель между двумя щитами.

Горластый в сердцах хотел сплюнуть под ноги, но решил не рисковать. Судьба и без этого показала ему сегодня свою спину, так стоило ли сердить богов еще больше, оскорбляя плевком море?

— Хорошо же твои люди, да и ты сам, Бранд Рыжий, чтите законы гостеприимства! — Оля высвободилась из рук сына ярла и встала перед ним подбоченясь, напоминая разъяренную чайку.

— Это ты о чем? — воин недоуменно вытаращился на девушку, при ярком солнечном свете показавшуюся ему невероятно хрупкой. Люди такими не бывают. Даже дети... Впрочем, в монастырских стенах воинам попадались затворницы и бледнее, и изможденнее. Но в том и разница, что ученица Ормульва Травника не увядала, а цвела. Странную, нездешнюю красоту. Словно пришла из другого мира. Из Астгарда...

Бранд Рыжий мотнул головой, изгоняя несвоевременные мысли, и повторил вопрос:

— Что не так, Цветок Клевера?

— Вы ночью врываетесь в чужой дом — это ладно. Ради спасения отца простится многое! — Оля говорила нарочито громко — так, чтоб ее слышали все жители деревни, высыпавшие на причал. — Хотели выбросить меня за борт... Пусть, это тоже понятно. Испугались шторма и обезумели от страха!..

Лицо Бранда сперва порозовело, а потом стало бледнеть. Но девушка смотрела не на него, а указывала рукой на Ауда Горластого, выжимающего воду из бороды.

— Но зачем сейчас твой воин наносит оскорбление моему учителю? Или вы забыли, что за раба отвечает хозяин? И каждый, кто обижает чужого трелля — унижает достоинство его господина. Не с того ты начинаешь, сын ярла, если ждешь от меня помощи!

— Что?! — Бранд окончательно разозлился. Шагнул вперед и сграбастал девушку за грудки. — Да я тебя сейчас...

— Убьешь? — спокойно поинтересовалась Оля, пристально вглядываясь в побелевшие от ярости глаза молодого викинга. — Это ты можешь. Верю. А потом пойдешь к ложу своего отца и будешь помогать Белому Ворону звать обратно в Мидгард дух Гюрдира-ярла.

От такой отповеди Бранд даже опешил. Эта девушка держалась слишком самоуверенно. А главное, в ее взгляде не было ни капельки страха. Бесстрашие воина-берсерка, призирающего смерть, смотрело на викинга ее глазами.

— Ну, так что ты решил, Бранд? Прикажешь своим головорезам больше не трогать трелля Жнеца и пойдём к раненому или свернешь мне шею?

— Что там такое?! — голоса, перекрывшего шум толпы, не постыдился бы ни один конунг, но принадлежал он старцу-знахарю. — Бранд! Тебя только за Хель посылать! Где Ормульв?! Ты привез травника? Самая пора...

— Нет, Ворон, — Рыжий повернулся к знающему. — Ормульва не оказалось дома... Но со мной его ученица Хельга Лепесток.

— Какой еще Лепесток... — За мощной фигурой Бранда Оля была не видна.

— Цветок, — поправила Рыжего Оля, выходя из-за его спины. — Хельга Цветок Клевера. Я ученица Ормульва Травника.

— И давно? — поморщился Белый Ворон, пренебрежительно глядя на девушку. Но на посохе в ее руке знающий задержал взгляд дольше.

— Если мой учитель держал мое обучение в тайне, то и я пока промолчу. Тем более что Гюрдиру-ярлу это точно не интересно.

— Дерзкая, — проворчал знающий. — Скорее крапива, чем клевер...

— Прошу простить меня, знающий пути, — Оля изобразила поклон. — Но пока мы разговариваем обо мне, время, отпущенное Гюрдиру норнами, уходит...

Белый ворон хмыкнул и махнул рукой в сторону одного из зеленых холмов.

— Что ж, мудрость старого Жнеца в твоих речах я услышал. Пойдем, покажешь, чему Ормульв смог тебя обучить.

— Мне нужны мои вещи, — Оля показала на Бурого, держащего перед собою, как фашину, котомку с травами.

Знающий ограничился кивком, развернулся и двинулся обратно.

— О каком шторме упоминала эта пигалица? — услышал еще чей-то удивленный вопрос Леонид, топча следом за знахарем и девушкой. — Сутки как ведро... И ни ветерка, ни тучки...

* * *

И все-таки деревня была какая-то неправильная. Бурый не увлекался социологией, но тех, кто не

может выполнять в уме простейшие арифметические действия, в налоговой не держат. Сейчас не о руководящих должностях. У начальников иные заботы.

Мы бумажные важные люди,
Мы и были, и есть, мы и будем...

Но среди «полевых агентов», занимающихся непосредственными проверками, не умеющих считать, логически мыслить и делать соответствующие выводы, нет точно.

Леонид тоже умел считать и сопоставлять. Поэтому, исподтишка оглядывая местное население, удивился явному несоответствию количества молодых мужчин, так сказать, призывного возраста и прочих слоев общества.

По берегу и деревенской площади шаталось раз в три больше воинов, чем в поле зрения Бурого попадало стариков, женщин и детей вместе взятых. При этом несколько десятков викингов продолжало спать, сидя за длинным столом, установленным в центре деревни.

Но такое соотношение никоим образом невозможно... Если только их не привезли в какой-нибудь местный аналог военного городка. Или если за то время, пока мужчины ходили в набеги, их родственники массово умерли от голода или какой напасти.

«Что ж, логике не противоречит. И стол накрытый объясняет. Но где же они все спят? Частокол, ограждающий территорию, есть, а жилья — нет. Так не бывает. Это ж люди, а не животные, которым достаточно загона. Нет, все равно не сходится. Что-то здесь не так...»

Но Леонид зря волновался. По меньшей мере на второй вопрос ответ оказался прост. Жильем викингам служили непонятные зеленые холмы. Здешний

люди таким нехитрым способом утеплял деревянные бараки. Дерн к тому же еще и от дождей защищал. Отличная и дешевая система энергосбережения. А вот с вентиляцией дела в жилых постройках обстояли неважно.

Как только Белый Ворон распахнул больше похожую на щит, закрывающий лаз в погреб, навешанную на кожаных петлях, грубо сколоченную деревянную дверь, изнутри пахнуло таким застарелым смрадом, что в глазах защипало.

Оля, вдохнув ароматы годами не проветриваемого помещения, от неожиданности поперхнулась, не удержалась и раскашлялась.

— Ё-мое! — пробормотал Бурый. — Да тут топор повесить можно, а они больного внутри держат. Оля, я не доктор, но перво-наперво болезного надо на свежий воздух вынести. С таким уходом и здоровому недолго коньки отбросить.

Все это он произнес на родном русском, так что кроме девушки его никто не понял и внимания на бормочущего трелля не обратил. Старик знахарь только покосился бдительно. Не делает ли при этом чужак каких-нибудь странных жестов. Потому как всякому известно, злой навет одними словами не наложит даже самый сильный колдун. Но так как обе руки у трелля были заняты, опасности он не представлял. А что говорлив излишне, так это как хозяину нравится. Не хотел бы слушать болтовню раба — язык бы отрезал.

Белый Ворон с Олей вошли внутрь, и Леониду тоже пришлось последовать за «хозяйкой». При этом он не переставал ворчать.

— Анекдот вспомнил. Как-то чапаевцы беляка поймали и стали допрашивать, естественно. А тот

молчит. Тут заходит в допросную сам Василий Иванович. «Молчит, вражина?» — спрашивает. «Молчит...» — разводят руками чекисты. «Били?» — «А как же!» — «Нагайкой?» — «И нагайкой». — «А шомполами?» — «И шомполами... Молчит, сволочь». — «А портянки нюхать давали?» — «Побойся бога, Василий Иванович! Мы ж не изверги!»

И все же поведение Бурого переходило принятые у викингов нормы. Старик знахарь удивленно вздел косматые брови и спросил у Оли:

— Что ему надо?

— Спрашивает, где я буду зелья варить? Внутри или снаружи, — ответила первое, что пришло в голову Оля. — Он давно у Ормульва Травника...

— А что, есть разница? — знающий остановился.

В землянке, не имеющей ни одного окна, царила густая полутьма, которую едва разгонял сноп света, пробивающийся внутрь сквозь единственное отверстие в потолке. Пара чадящих по углам факелов не слишком помогали ему в этом.

Раненый лежал на дощатом навесе, установленном между четырьмя опорными столбами, резными и обвешанными всевозможным оружием.

Оля взяла ярла за руку. Пульс нитевидный... Кожа покрыта испариной. Дыхание хриплое, прерывистое. Не стонал ярл и не метался только потому, что был в глубоком обмороке.

Возле него стояли две женщины и отгоняли мух, норовящих сесть на открытую рану. А запах рядом с раненым стоял такой тошнотворный, что даже общий смрад перекрыл.

Да уж, все прелести древнего быта налицо. Полнейшая антисанитария. Остается только удивляться, как в таких нечеловеческих условиях род людской

вообще сохранился. В общем, та еще картинка и запахи. У Леонида такой вид, что его сейчас вырвет.

Хорошо, что в медицинском учреждении раз и навсегда заведено: какую ты бы ни выбрал специальность, пусть только примыкающую к здравоохранению, — путь к знаниям лежит через анатомичку.

А Белый Ворон ждал ответа.

— Конечно, — со знанием дела и очень уверенно объяснила Оля. — Внутри дома все родичи и обереги защищают ярла. И они, живущие в Астгарде, будут против того, чтоб мы вернули его обратно в Мидгард. Поэтому и зелья надо варить во дворе, на солнечном свете, и Гюрдира Безбородого тоже вели вынести наружу.

— Никогда Травник так прежде не говорил... — засомневался Белый ворон.

— Это потому, что учителю совсем недавно было ниспослано это откровение. Живущие в Астгарде не хотели, чтоб люди узнали эту тайну. Ормульв едва разговорил своего духа-защитника. Поэтому учитель и ушел в пустошь. Чтоб наедине укрепить свою связь с ним. Ведь остальные духи могли осерчать...

— А почему Жнец тебе доверил тайну? — знахарь по-прежнему недоверчиво глядел на девушку.

— Учитель опасался, что гнев духов может настичь и его. Он не хотел, чтоб полученное знание пропало вместе с ним. Не зря говорят: что знают двое, известно и свинье. Тайны больше нет, а месть человеку не пристала жителям Астгарда. Ты же не станешь мстить нашкодившему псу. Подвернись он под ногу, пнешь, но искать именно его среди своры...

— Разумно, — согласился знающий. — Вижу, Травник и в самом деле подыскал себе достойную ученицу. Что ж, Хельга Цветок Клевера. Я сделал все что

мог и знал. Но этого оказалось недостаточно. Может, тебе удастся договориться с норнами. Они ведь тоже женщины. И ты уж постарайся. Потому что если ярл умрет, ни я, ни Ормульв не смогут защитить тебя...

Старик не стал уточнять, от кого именно. Да этого и не требовалось. Бранд Рыжий достаточно часто упоминал о наказании. Да и без него найдутся мстители. Даже представить страшно, что они сделали с тем, кто ранил Гюрдира. Хоть зверем, хоть человеком...

— Эй! — поманил тем временем кого-то Белый Ворон. Слуг или домочадцев. — Вынесите ярла во двор. Да не потревожьте!.. Слаб он очень. Очнется раньше времени, не удержим...

Глава двадцатая

ВСЕХ ИЗЛЕЧИТ, ИСЦЕЛИТ ДОБРЫЙ ДОКТОР АЙБОЛИТ

Леонид с самым серьезным видом старательно «колдовал» над костром, то делая какие-то загадочные пассы руками, то кланялся поочередно на восход и на запад, бормоча при этом скабрезные частушки. Исключительно из хулиганских побуждений. И для моральной сатисфакции за то, что он — цивилизованный человек, кандидат экономических наук, должен изображать перед дикарями такого же, как они, темного варвара.

— На горе стоит машина. У машины нет колес. Всю резину на ... растащила молодежь.

Бурый сделал пару приседаний, вздевая руки и потрясая кистями. Потом трижды сплюнул через левое плечо, метя в особо любопытную каргу, но не попал,

и подбросил в огонь очередную щепотку какой-то духмяной травы. Дым от нее был особенно ароматный — аборигенам, похоже, нравился.

— Жаль, конопли нет, я бы вас всех удивил до полного изумления... — Леонид украдкой посмотрел в сторону Оли.

Первичные знания, приобретенные за три курса мединститута, умноженные на спецкурс наставника Гольденберга, дали отличные результаты. Девушке понадобилось всего лишь несколько минут, чтобы завоевать расположение и полное доверие знающего деревни. И теперь Белый Ворон даже не вякал, глядя за тем, что делает мнимая ученица Ормульва Травника. Изредка сетуя, что он сам слишком давно нигде не бывал, а всякое умение, чтоб не выродиться, нуждается не только в ежедневной практике, но и в общении с другими знающими.

Мудрый, в общем, старец попался. Помощи от него ноль, но хоть не мешает. Не то что другие викинги... В лице Меднолобого брата ярла все того же излишне заботливого рыжего сыночка.

И если Ульрих только поглядывал на лекарей, время от времени понукая их с едва скрываемым нетерпением, то Бранд Рыжий влезал во все, что бы те ни начинали делать. Ну, и, само собой, внимательно присматривал за варящимся снадобьем. Обнюхивал каждый стебелек, каждый лепесточек из того набора, который Оля распорядилась заварить. Можно было не сомневаться, что прежде чем напоить отваром отца, Бранд потребует, чтобы раб первым испил из его кубка.

Белый Ворон неодобрительно ворчал, но одернуть не отваживался. Все-таки он лучше всех понимал, что пребывание ярла в пределах Мидгарда, скорее

всего приближается к концу, и его место займет кто-то из двоих. Младший брат Гюрдира или сын... Так что злить их понапрасну не стоило. Глазеют, ну и пусть... Сюда и так почти все жители деревни собрались, вместе с гостями... Желая приобщиться к таинству врачевания.

Первым делом Оля обмыла рану, убирая из нее все лишнее, что набилось само или напихал Ворон. Хорошо, пациент был без сознания, а то она точно не справилась бы. И так девушке огромных усилий стоило заставить себя прикасаться к живой, пульсирующей под пальцами плоти. Трупы в анатомичке холодные на ощупь, и если не углубляться, их можно воспринимать как пластмассовые манекены. А тут волей-неволей думаешь о том, что от тебя зависит, будет человек жить дальше или умрет. И еще очень сложно, почти невозможно отрешиться от того, что каждое твое прикосновение причиняет боль.

Но и оставить все так, как есть, Оля уже не могла. Поэтому собрала в кулак все свое мужество, призвала на помощь все, что запомнила, и принялась лечить... По всем канонам медицины третьего тысячелетия, только без современных препаратов.

— Слышь, Оля, — пользуясь моментом, когда девушка подошла к костру проверить степень готовности, спросил Бурый, — ты туда никаких сушеных мухоморов или этого... болиголова... — Леониду вспомнилось случайно услышанное название, кажется, ядовитого растения, — не подсыпала? Зуб даю, они твое варево сперва на мне испытают.

— Не бойсь, трелль, — улыбнулась Оля, — фирма веников не вяжет. Все точно по науке. Оказывается, мне Гольденберг столько инфы закачать успел, что мама не горюй. Даже в голове не укладывается.

И срабатывает так интересно! Белый Ворон начинает спрашивать что-то, о чем я, само собою, ни сном ни духом... А в это время в голове «щелк» — и я уже в теме. Клево, правда?

— Если правда, то клево, — пробормотал Леонид. — Но чувствую, не зря символ медицины — змей, плюющий в чашу.

— Точно говорю, — украдкой подмигнула ему Оля. — На вкус отвар, конечно, не ахти. Благодаря полыни, а в целом — напиток просто изумительный. Надо постараться запомнить рецепт. В реале он круче любого энерджайзера, умноженного на виагру, срабатывает. Так что пара глотков и тебе не повредит.

— Эй, попрошу без намеков! — возмутился Бурый.

— Шутка юмора, — Оле не понравилось выражение лица Меднолобого, с которым тот прислушивался к разговору чужаков. — В общем, скажут пить — пей. Как спирт. Выдохни и глотай...

— И откуда такие познания в столь юном возрасте?

— Мужчина! Обидеть норовите? А ничего, что я студентка мединститута?

— Не вижу связи.

— Ну, так спирт не зря медицинским называют, — отшутилась Оля, наклоняясь над казаном и многозначительно принохиваясь. — А вообще, я хотела спросить: что это за пляску святого Витта ты здесь устроил? Боевой гопак изучаешь? Гляди, сколько зрителей собрал. Аншлаг...

Вокруг места варки и в самом деле толпилось не менее сотни вооруженных усачей и безусых хирдманов, изредка разбавленных женскими фигурами. Поскольку вся детвора сообразительно не лезла под ноги взрослым, а оседлала крыши близлежащих зданий.

— А разве шаманы не должны сотрясать всеми конечностями во время камлания, дабы привлечь к себе внимание духов? Вот я и пытаюсь соответствовать.

— Так то ж шаманы, чудило. А мы мирные знахари. Разницу улавливаешь?

— Мне не нравится, что вы все время разговариваете на непонятном языке, — прорычал в этот момент Ульрих. — Я тебе не верю, травница! Ты задумала опоить ядом нашего ярла?

— Интересная мысль, — Оля твердо посмотрела в колючие глаза викинга. — Гюрдир не кровник мне. Да и Ормульву тоже. Из наследства тоже ничего не достанется. Так зачем мне убивать Безбородого? Чтобы доставить вам с Брандом удовольствие снять с меня живем кожу?

Шутка насчет кожи не сработала, а вот при упоминании наследства дядя с племянником перекинулись совсем не родственными взглядами. Витала, стало быть, такая мысль в воздухе, витала...

— Откуда у трелля Травника такие познания в искусстве врачевания? — как бы невзначай отодвигая от девушки играющего желваками Меднолобого, поинтересовался Белый Ворон.

— Он был знающим у своего народа... прежде чем в плен попал, — не придумала ничего более убедительного Оля. И угадала.

— Теперь понял, — старик удовлетворенно и с облегчением покивал. — Я ведь никак в толк не мог взять: откуда у Ормульва новые знания? Да, в гостях у него я давненько не бывал, не те года, чтобы в дальний путь пускаться, но ведь и не в разных мирах живем. Отлучись Жнец надолго, кто-нибудь обязательно весть об этом к нам принес бы. А теперь ясно. Знания сами к нему пришли. В голове чужеземного раба...

Оля промолчала. В конце концов, гипотетический учитель не уполномочил ее что-либо отрицать или подтверждать. Хочет Белый Ворон так думать, пусть. От этого никому не убудет...

— Тебе Жнец действительно не сказал, когда вернется?

— Нет, — мотнула кудрями девушка. — Сумку собирал дня на три-четыре. А дальше кто знает. Он вольный человек.

— Угу... — Белый Ворон задумался о чем-то своем. — Ладно, потом решим. Сперва надо о ярле позаботиться. Скоро твоё зелье поспеет?

— Недолго осталось. Сейчас огонь потушим... — Оля дала знак Леониду, и тот немедленно бухнул на угли всю воду, что оставалась у него в бурдюке. Пар так и взвился молочным столбом.

— Ты что творишь! — почему-то осерчала Оля.

— Сама сказала, — огрызнулся Бурый, но тут же сменил тон. Слов викинги могли не понимать, но интонации не утаишь. — Не гневайся, госпожа! Твой глупый раб больше не будет...

— Я узнал ваш язык! — Меднолобый прыгнул вперед и сграбастал Леонида. — Узнал! Эй! Кто-нибудь! Приведите трелля корабеля Берка! Чтоб мне рыбьей костью подавиться, если эти целители не говорят так же, как и тот чужак, который пытался убить нашего ярла! Тащите сюда Скуба! Сейчас мы узнаем правду!

* * *

Здоровяк казался таким довольным, что у него даже лысина засверкала, как хорошо надраенный самовар. Вот уж воистину медный лоб. Непонятно только, с какой радости? Паранойя в лучшем виде, или тонкий и коварный ход?

Леонид посмотрел на Олю. Та задумчиво смотрела на Ульриха. Похоже, и она смотрела детективы и усвоила, что за будь здоров никто суетиться не станет. Какое основное правило всякого уважающего себя сыскаря? *Cui prodest**. А тут и Эркюлем Пуаро быть не надо, чтобы сообразить — если кто и заинтересован в скорейшей смерти Гюрдира Безбородого, так это его брат.

Сына тоже нельзя сбрасывать со счетов, но Бранд и подождать мог. Какие его годы. Наоборот, за это время возмужал бы, в настоящую силу вошел. Приобрел должный почет, уважение, друзей-сторонников. А сейчас Меднолобый по всем статьям круче смотрит-ся. Даже на живой вес...

— Ну, чего замолчали?! — осклабился тот. — То стрекотали сороками, без умолку, а теперь воды в рот набрали? Поняли, что ничего не получится, и дрожите за свои шкуры? Это правильно. Поберегите голос. Скоро завизжите так, что охрипните. Эй! Где Скуба?! Пригонит кто-нибудь сюда этого бездельника?!

— Чего разоряешься, Ульрих? — уплотнявшуюся толпу раздвинул зрелый мужчина, настолько широкоплечий, что казался квадратным. — Кажется, ты еще не ярл. Или решил имя сменить? Так в нашем роду один Горластый уже есть...

— Я не тебя звал, Берк, — понизил голос Меднолобый.

— Тому, кто требует к себе чужого раба, сперва с хозяином поговорить не мешает. Мой трелль мое поручение исполнять обязан, а не на зов любого, кому вздумается его окликнуть, поспешать. Или ты иначе считаешь?

* Кому выгодно (*лат.*).

— Не забывайся, Берк! — нахмурился брат ярла. — Ты уважаемый мастер, но и я не в болоте найден! Если зову кого-то, значит, так надо!

— Ты тоже не бери на горло, Ульрих, — не менее твердо ответил квадратный, не отводя взгляда. — Если не забыл, я строю драккар для Гюрдира-ярла. И пока он жив, это дело важнее всех других!

— Если твой раб сейчас же не придет сюда, мой брат может умереть быстрее, чем ты думаешь, — слегка понизил тон Меднолобый. — Я уверен, что и тот убийца, и эти двое подсланы сюда врагом Гюрдира. Мой племянник торопился, да и не заподозрил ничего, поэтому принял их слова на веру. А будь Бранд внимательнее, наверняка нашел бы следы, указывающие, что Ормульва Травника нет больше в мире живых. Эти самозванцы наверняка убили Жнеца. Чтоб назваться его учениками...

Ульрих говорил с таким напором и убежденностью в собственной придумке, что даже Бурый заслушался. И если б обвиняли не его самого — то в числе присяжных вполне мог бы купиться на эту версию.

— Мой брат славный воин! А потому заклятый враг предвидел, что Гюрдира убить мечом сложная задача. Он был уверен в своем бойце. Да мы и сами видели, какого матерого зверя чужак положил...

Меднолобый обвел взглядом притихшую толпу, и многие сразу закивали, забормотали что-то друг другу. Из общего гомона Бурый уловил только, что все упоминают огромного медведя.

— Вот... Значит, рассчитывал, что наемнику хотя бы ранить ярла все же удастся. И подготовил знахарей! Которые уже наверняка помогут Безбородому покинуть Мидгард навсегда...

Корабельный мастер недоверчиво посмотрел сперва на Леонида, а потом на хрупкую, как стебелек, Олю.

— Складно речешь... Но разве они не боятся смерти? Должны ведь понимать, что с ними будет, если Гюрдир умрет.

Меднолобый не нашел, что ответить на столь важное замечание корабела. Конечно, среди викингов герой каждый второй, не считая первого. Но это они — скандинавы, а тут парочка каких-то чужаков. Да еще и девица. Признать, что они тоже способны презирать смерть и мучения, как достойные песен воины, Ульрих не мог. Выручил его другой викинг. Еще не старый, но с заметной проседью в медно-красной бороде. Вместо левого глаза лицо его расплосовывал кривой рубец.

— Трувор Кожаные Штаны говорил как-то, что для охраны мягкотелых конунгов южных стран держат специально обученных бойцов. Ассасинов. А готовить их начинают едва оторвав от материнской сиськи. С виду — обычные трели, нипочем не скажешь, что это умелые и бесстрашные бойцы.

Кое-кто из толпы закивал. Может, слышали того самого Трувора или еще кто рассказывал. Но большая часть заинтересованно слушала.

— Так вот, — ощутив себя в центре внимания, одnogлазый приосанился. — Самое главное, их как-то так обучают, что они совершенно не чувствуют боли. Как берсерк...

— Тащите сюда чужака из ямы! — глаза Меднолобого победно сверкнули. — Бранд, я понимаю, ты еще молод, прямодушен, как клинок, и не веришь в коварство. Но, к счастью, старшие родичи всегда рядом. И мы не позволим чужакам отравить нашего ярла! Надо вылить это ведьмовское пойло!

Меднолобый шагнул вперед, чтобы немедленно исполнить задуманное, но дорогу ему заступил Бурый. Работая с бизнесменами, готовыми на все, что угодно, лишь бы увильнуть от налогов, Леонид научился различать истинные намерения за потоком самых искренних и правдоподобных слов. Так что разыгранное Ульрихом представление на него не повлияло и с толку не сбило.

— Стойте!

Неправильное поведение раба и в этот раз позволило Бурому выиграть время. Меднолобый опешил всего на секунду, но ее хватило. Бурый зачерпнул из казана лечебного варева. К счастью, хоть и очень горячего, но уже не кипятка. И демонстративно выпил.

Оля сказала правду — это зелье добровольно мог употреблять только смертельно больной. Ну, или как он сейчас... по большой нужде. Леонид едва сдержал рвотный позыв, заставил себя улыбнуться и поднял над головой пустой черпак. Такой поступок не прошел незамеченным. Внимание толпы оказалось прикованным к нему.

— Все видели? А теперь послушайте, и если не верите чужеземцу — спросите у Белого Ворона. Гюрдир-ярл смертельно ранен, и он умирает. Да?

Старик знахарь кивнул.

— Никакие убийцы и яды больше не нужны для его ухода в Астгард. Надо лишь немного подождать. И если сейчас же, не медля ни мгновения, не помочь ему вернуться — ждать совсем недолго. Я верно говорю? — Леонид указал на лежащего в беспомощности раненого.

Белый Ворон опять кивнул.

— И это как раз то, что делает Ульрих Меднолобый! — Бурый повысил голос. — Мешает нам помочь

ярлу. Бранд! Очнись! Промедление смертельно! Еще немного, и моя госпожа Хельга ничего не сможет сделать для твоего отца.

— Да как ты смеешь?! Ты, дерьмо собачье?! — лысый викинг побагровел и ухватился за меч.

— Остынь, дядя, — Рыжий все же пришел в себя и заступил дорогу Меднолобому. — Дай знающим закончить начатое. Ты складно говоришь, но это только слова. А раб без принуждения выпил приготовленный отвар. И все еще жив...

Ульрих заиграл скулами, но в открытый конфликт вступать не стал. Видимо, затей он свару прямо у одра умирающего ярла, это не многим понравилось бы. Начинать путь к власти, теряя сторонников с первых же шагов, не самое мудрое поведение. А Ульрих Меднолобый, несмотря на прозвище, глупцом не был.

— Ты же слышал, Бранд! Они не боятся смерти. Может, яд не сразу убивает? Давай посмотрим, как они поведут себя, когда встретятся?

Родственники и наследники заговорили тише, так что до ушей Леонида долетали только отдельные слова.

— Какого чужака они все время упоминают? — Оля встала рядом. — Не Виктора?

Бурый пожал плечами.

— Лысый, конечно, крут. Но я слышал, этот вроде как огромного медведя убил. Без сомнения, имея в руках современное оружие и хотя бы отделение солдат, Лысюк показал бы викингам, кто в лесу хозяин. Но голыми руками... Сомнительно.

Леонид сунул девушке черпак в руку.

— Пока они между собой разбираются, самое время твое варево испытать... Видишь, даже Белый Ворон и тот в сторонку отошел. Видать, Ульрих скор на расправу. А судя по всему, он снова верх берет. Бранд

молод еще, не в авторитете... Долго противостоять дяде не сможет. А когда ярл загнется, нам и вовсе несдобровать.

* * *

Когда формула возвращения не сработала, Лысюк от неожиданности даже не понял, что происходит. Решив, что недостаточно внятно подумал, Виктор произнес кодовую фразу вслух. Но ничего не изменилось. Он по-прежнему находился в вонючей яме древней скандинавской тюрьмы.

— И чё за фигня?

Лысюк озадаченно почесал затылок. Что экспериментальное оборудование не сработало с первого раза, вообще-то удивляться не приходилось. Тем более собранное для армии и под руководством военных. Не взорвалось при запуске, и ладно. Но ему что теперь делать? Бубнить одну и ту же мантру до момента срабатывания или ждать, пока Пилюль сам произведет эвакуацию? При этом тупо ждать или подавать какие-то сигналы, дабы привлечь к себе его внимание и дать понять, что наигрался?

Спустя час вопрос снялся сам собой, поскольку Виктор за это время успел испробовать все варианты. И просто ждать, и выразительно скандировать: «Я больше не играю». Даже пробовать усилить действие лозунга другими выражениями. Из армейского лексикона. Зная на собственном опыте, что крепкое словцо иной раз действует даже в тех случаях, когда и инструкция не помогает... Увы, тщетно. Не помогло ни лебедем, ни раком. Воз, в смысле он сам и дальше оставался в игре.

И тогда, как обычно бывает, в голову полезли самые неожиданные мысли. А игра ли это вообще?

Ведь нет никаких доказательств правдивости слов Пилюля, кроме того, что он сказал сам. Да, Серый, не был лжецом и подлецом. В школе... Так и он, Виктор, в те юные годы представить себе не мог, что будет стрелять в людей. И не только стрелять...

А коварная память тут же услужливо стала подсовывать именно те воспоминания, которые лили воду на колесо сомнений.

Крапива, о которую обожгла руку Оля, едва они оказались в этом мире. Камешки и бодяки, с непривычки больно ранящие босые ступни. Да и вообще, весь здешний реализм, включая комаров.

В общем, какой бы невероятной, фантастической ни была мысль, но чем больше Виктор размышлял, тем больше убеждался, что ни о какой виртуальности и речи быть не может. А скорее всего, с подачи школьного товарища они попали в какой-то иной мир. Параллельный или перпендикулярный, но такой же реальный, как и вся их прошлая, обычная жизнь.

Учитывая кое-какие моменты из вводного инструктажа и предшествующих ему разговоров, вполне вероятно, Пилюль и сам не до конца понимал, что за аппаратуру испытывает. Отсюда и намеки, чтоб ничему не удивлялись, а к опасностям относились всерьез...

В общем, когда Виктору сунули в яму ствол какого-то дерева с кое-как отрубленными ветками, он уже практически был убежден, что находится в древнем мире, среди самых настоящих викингов.

Лысюк не сразу сообразил, что это такой тип лестницы и ему предложено вылезать. Уператься или делать вид, что не понял, смысла не было: коль понадобился — вытащат по-любому. Так зачем зря злить воинов, на данный момент считающих его вино-

вным в ранении своего ярла? Особенно в свете вновь открывшихся обстоятельств.

Среди тех, кто пришел за ним, Лысюк не увидел Скуба, а значит, и попытаться заговорить с конвоирами смысла не было. Куда-нибудь да приведут. Жаль только, что умыться не предложили. Аромат от него сейчас еще тот прет...

Видимо, с обонянием все в порядке было не только у него. Негромко жужжащая на площади толпа раздалась перед Виктором, едва он приблизился. Конвоирам даже рты открывать не пришлось.

«Судить или казнить?» — подумал Виктор как-то отстраненно, словно о ком-то другом, поднимая голову. Летнее северное небо сияло изумительной прозрачной синевой. Не запятнанное ни единым облаком. Как умытое. Красиво... В такой день даже понарошку умирать неохота.

О том, что может не сработать и последняя ступень страховки, Лысюк не хотел даже вспоминать. Какие бы планы и причины ни побудили Пилюля скрывать истину и использовать вместо подопытных кроликов своих друзей, он все же не психопат-ученый из страшилок Хичкока. Да и какой смысл именно их так подставлять? Нет, тут и к гадалке не ходи, как всегда имеет место неизбежная в любом деле случайность. Что-то не то или не туда припаяли... Деталь была изготовлена в конце квартала, или какой иной принцип Мерфи, он же закон подлости, сработал в самый неподходящий момент...

Собственно, для этого и устанавливается во всех серьезных устройствах, помимо дублированной системы защиты, общий рубильник... на всякий случай. Чтобы потом артистично не рубить высоковольтный кабель топором, сдернутым с пожарного стенда.

Толпа расступилась окончательно, и Виктор увидел прямо перед собой лежащего на сдвинутых скамьях бледного, как снег, Гюрдира-ярла. Незнакомую пожилую женщину рядом. Она стояла на коленях возле раненого и прижимала к груди его руку... За ее спиной, шагах в пяти, так же преклонили колени еще несколько молодых женщин. То ли младшие жены ярла, то ли служанки. Чуть дальше... Виктор не поверил собственным глазам: Леонид что-то втолковывал Ульриху Меднолобому и Рыжему Бранду.

«Вот, черт! Ну зачем они сюда приперлись? Почему не пошли к Жнецу? Все ж лучше... А главное, ребята еще не знают, что игры закончились... Подойти или сделать вид, будто мы не знакомы? Лучше отморозиться. Не надо, чтоб нас вместе... Может, их еще держат за друзей, а не врагов?»

Добрыми намерениями... Оля в этот момент оглянулась и увидела Лысюка. Глаза ее расширились, рот открылся.

— Витя!

Понятное дело, мало кто из знакомых, увидев Лысюка в таком виде, смог бы сдержаться. Леонид и тот непроизвольно шагнул навстречу. Чего уж хотеть от девушки? Но судя по тому, как обрадованно заорал что-то Меднолобый, зря она его узнала...

— Стой! — понимая, что как раз этого от них и ждут, Бурый попытался остановить Олю, но та уже себя выдала.

— Все видели! Чужаки знают друг друга! Это асасины! Убийцы! Схватить их!

Шансов противостоять целой куче прирожденных бойцов не было ни единого, и все же Бурый шагнул вперед, заслоняя девушку. Глядя на него, лысый здо-

ровяк только ухмыльнулся. Он даже к оружию не потянулся, а только поднял сжатый кулак.

В это время раздался протяжный, полный боли и скорби вскрик:

— Скорбите! Наш ярл ушел...

Голос женщины был не очень громким, но ее слова слышали все.

Глава двадцать первая

И ГЛАЗА НЕЗРЯЧИЕ ОТКРЫВАЛИ МЫ...

Первым среагировал Бурый. Он вскинул руки и заорал, что было мочи. Привлекая внимание и стараясь, чтоб его услышало как можно больше народа:

— Ну что, Бранд Рыжий, вот ты и дождался?! Ульрих добился своего! Твой отец мертв! Стоило плыть за Травником и едва не погибнуть в шторм, чтобы позволить Гюрдиру-ярлу просто умереть?! Посмотри, как доволен твой дядя! Он уже подсчитывает, что получит в наследство от покойного брата, которого сам же и убил — помешав знающим вернуть Безбородого к жизни!

Меднолобый взревел, как раненый бык, и метнулся вперед, намереваясь придушить вконец обнаглевшего трелля. Но не смог двинуться с места, ухваченный за плечо.

— Кто?! — Ульрих крутнулся на месте и уперся в прищуренные глаза племянника. — Эй, Бранд, ты чего?.. Ты веришь рабу? Да он ради своего спасения с три короба наплетет!

Бранд молчал. Парню не хотелось верить в предательство. Тем более родного дяди. Но этот чужак

точно подметил, что Медный Лоб всячески затягивал лечение и старался не дать привезенной знахарке помочь раненому. А ведь ее умение признал даже Белый Ворон, уступив старшинство.

Рыжий посмотрел на побледневшую девушку. А Оля в этот момент только-только осознала весь ужас происходящего. Она мотнула головою и неожиданно для всех забористо выругалась.

— Ну уж нет, только не сейчас! Это невозможно! Ты не посмеешь нас так подставлять!

Оттолкнув кого-то из скандинавов, стоявшего рядом, Оля метнулась к Гюрдиру и ухватила его за запястье, нащупывая пульс. Потом приподняла веко.

— Еще не поздно...

Она положила руки на грудь раненого и принялась делать искусственное дыхание. Как учили... Раз, два, три... Вдох... Раз, два, три...

— Ведьма хочет поймать душу ярла! — одна из женщин помоложе вскочила на ноги и бросилась к девушке. Всего пара шагов отделяла ее от Оли, но Виктор успел раньше.

Лысюк, хоть и не понимал ни слова, ухватил ситуацию сразу. Мертвый Гюрдир — это проблемы. Спасенный ярл — шанс. И любой ценой надо помочь Оле его использовать.

Виктор ласточкой, словно нырял с бортика в бассейн, сиганул вперед, толкнул женщину вытянутыми вперед ладонями и вместе с ней покатился по земле. Прямо под ноги другим плакальщицам.

А те, увидев, что чужеземец напал на их подругу, вскочили и всем скопом бросились отбивать ее, создавая нешуточную толкотню и сутолоку. При этом больше мешая друг дружке, чем помогая совладать с ловким мужчиной. Ну, а Виктор изворачивался как

только мог, в первую очередь защищая от ногтей этих фурий глаза и лицо.

Неожиданное представление на какое-то время отвлекло внимание остальных, давая Оле нужное время.

Зато воинам Меднолобому никто не мешал. Видя, что их предводитель занят выяснением отношений с родственником, несколько викингов из наиболее ретивых хирдманов двинулись к знахарке. Помогает она Гюрдиру Безбородому или нет, их не особенно заботило. Сказал вождь схватить, ну и нечего рассуждать. Кто много думает — долго не живет.

— Клянусь последним глазом Одина, я бы не отказался покачать эту малышку на коленях... — Толкнул локтем своего товарища двухметровый верзила с лицом, иссеченным тремя шрамами так, что на него даже глядеть было страшно. Чудовищные мышцы на оголенном торсе и руках воина делали его больше похожим на героя комикса, а не на живого человека. Он мечтательно вздохнул. — Как считаешь, Скайди, Медный Лоб сразу убьет птичку или разрешит нам сперва послушать ее пение?

— Знаю я твоё пение, — хохотнул в ответ второй, оглядываясь за поддержкой на остальных. — После тебя то, что от девчонки останется, уже и на кол сажать смысла не будет...

И тут Бурого накрыло окончательно. Зверь, рвавшийся из его подсознания наружу, наконец обрел истинную силу и подмял под себя человека. Леонид сгорбился, устрасшающе рыкнул, рванул давящий ворот куртки и прыгнул прямо в толпу, не выбирая цели и сшибая людей, как кегли.

Невесть откуда и сила взялась. Он так толкнул в грудь первого подвернувшегося, что тот отлетел на несколько шагов, завалив собою еще с пяток стоя-

щих за спиной. А Бурый торжествующе взревел и набросился на следующую жертву. Его энергия словно удесятирилась, и жителей деревни спасало только то, что заполучив звериную мощь, Леонид не научился убивать. Он хватал, толкал, пинал, развешивал налево и направо оплеухи, от которых здоровенные мужики катились кубарем и не сразу поднимались. Не обошлось без выбитых зубов, сломанных ребер или конечностей, но убитых не было...

— Utkikk! Berserk!..

Впавший в боевой транс боец не был для викингов чем-то сверхъестественным, и они прекрасно знали, как сладить с берсерком, если нет нужды его убивать.

Несколько воинов метнулись на причал и вернулись, на бегу разматывая сети.

— Берегись!

Кто-то успел отбежать или хотя бы упасть на землю. Ну, а тех, кто замешкался, накрыли сетями вместе с Леонидом, — выдергивая кого удастся, а остальных пеленая с чужаком в один тугой кокон.

Может, пять минут, а может, и того меньше резвился на площади Бурый, но и их хватило Оле — Гюрдир Безбородый с громким всхлипом втянул воздух, закашлялся и открыл глаза...

— Ярл жив! — Оля крикнула как можно громче, привлекая внимание, а потом обессиленно присела рядом с раненым на лежанку. — Смотрите! Ваш ярл жив!

Женщины, самозабвенно тузившие Виктора, оторвались от своей жертвы и бросились к Гюрдиру.

— Пить...

— Он попросил пить, — разбегаясь во все стороны, как круги по воде, зашелестело от одного к другому притихшей толпой. — Пить хочет...

Забыв о дяде, Рыжий Бранд бросился к отцу и упал перед ним на колени.

— Отец! Отец! Он жив! Жив!..

Но радость его была преждевременная. Уже примеряющий на себя венец главы рода, Медный Лоб не собирался так просто отступить. Ульрих властно раздвинул толпу и протиснулся вперед, встав в ногах раненого.

— Нет! Стойте, глупцы! — голос его гремел, как в бою. — Это не наш ярл! Вы все видели, как Гюрдир умер! Астрид! Скажи! Ты же держала мужа за руку, когда он покинул нас!

Жена ярла недоуменно посмотрела на деверя, а потом на мужа.

— Разве вы еще не поняли? Ведьма вдохнула в тело Гюрдира чужую жизнь! Это не мой брат! Это демон из нижнего мира!

Услышав такое, несчастная женщина побледнела, а на лице ее возникло выражение глубочайшего ужаса. А брат ярла тем временем обнажил меч.

— Пить... — прошептал еще раз Гюрдир. Он был очень слаб и не до конца пришел в себя. Поэтому ничего не понимал.

Оля охотно выполнила бы его просьбу, но возвращение к жизни умирающего отняло у девушки слишком много сил, и она не могла заставить себя встать на ноги. Оля посмотрела вокруг, не понимая, почему никто не торопится поднести раненому воды. Но увидела вокруг только злые, хмурые, застывшие в напряженном ожидании лица. Те, кто всего минуту назад смотрел на нее с уважением или удивлением, сейчас глядели на девушку как на злейшего врага.

* * *

— Сейчас...

Это Белый Ворон очнулся. Знахарь пожил свое, и склока, возникшая между наследниками Гюрдира, его не удивила, а вот то, что человека, уже умершего, оказывается, могут оживить не только боги — привело старика в такое изумление, что он на какое-то время неподвижно замер и только глазами ворочал. Словно его спеленал невидимый кокон. И только дважды произнесенная просьба ярла вывела старика из оцепенения.

Знахарь зачерпнул варева из котла и жадно отпил... Скривился, словно ему свело зубы, и пришел в себя окончательно.

— Уже несу... Хороший знак, если пить просит. Похоже, пора мне самому к Жнецу в обучение идти.

— Стой, старик! Не делай этого! — схватил его за руку Ульрих. — Демон еще слаб! Но как только ведьма напоит его своим зельем, он станет непобедим!

Глаза викинга пылали праведным огнем, как будто он уже и сам верил в то, что говорил.

— Надо немедленно обезглавить тело Гюрдира, ведьму и их слуг. Трупы сжечь, а пепел развеять над морем!

— Вздор...

Белый Ворон попытался освободиться, но у старика не хватило силы разжать стальные пальцы воина.

— Ульрих, тебе что, солнце лысину напекло, или хмельного лишку хватил? — возмутился знахарь. — Ты не видел, что я тоже пил из котла? Какая ведьма? Какие демоны?.. Отойди!

— Прости, старик, — вздохнул Медный Лоб, как бы невзначай кладя руку на оголовье меча. — Значит, умрешь и ты. Я не могу позволить демонам завладеть деревней. А после того, как ты сам признался, что испил колдовского зелья, веры к тебе больше нет.

— Эй, дядя Ульрих! А не слишком ли много на себя берешь?! — похоже, терпение Рыжего Бранда лопнуло окончательно. — Ты не забыл, что находишься в гостях, а не в своей деревне? И пока отец мой жив, здесь никто другой не имеет права распоряжаться. И уж тем более решать, кого казнить, а кого миловать. Или ты решил нарушить закон гостеприимства?

Меднолобый нахмурился. Желание окоротить щенка, посмеявшегося поднять на него голос и в открытую бросить такое обвинение, явно вырисовывалось на лице викинга, гораздо лучше умеющего воевать, чем плести интриги.

— Ты разве не слышал, что я сказал, Бранд? Мне жаль, но у тебя больше нет отца, а у меня — брата.

— Слышал, — мотнул огненной шевелюрой юноша. — Но я также видел и все остальное. И не уверен, что только твои слова имеют вес. Я могу сомневаться в том, что говорит трель Жнеца. Можно также не слушать и чужую девицу... Но ответь мне, дядя, почему я не должен верить Белому Ворону? Тому, кто принял меня на свет, а до этого и после — не одну сотню раз лечил раны моего отца и его воинов, а то и возвращал обратно в Мидгарт? Да и тебя самого, среди других... Или ты уже забыл, каким тебя самого привезли к нему позапрошлой зимой?

Бранд сделал паузу. Может, дух переводил, а может, намеренно. Давая и Меднолобому, и всем остальным время вспомнить и осознать услышанное.

— Если б не умение знающего, тот вик* мог стать твоим последним походом.

Разумны были слова и доводы Рыжего, и Ульриху стоило к ним прислушаться, но тот уже не мог остановиться. Как человек, бегущий с горы, не в состоянии замереть на месте, даже если увидит перед собою пропасть. Из всего, что сейчас говорил племянник, Ульрих понял только одно: племянник ему не верит и перечит! Да как он смеет ставить под сомнение слова ярла?! О том, что старший брат все еще жив, Медный лоб уже не думал. И в ярости сделал то, чего не позволил бы себе, сумей хоть на мгновение вернуть обычное хладнокровие.

— Щенок! Я научу тебя уважать старших!

Оплеуха получилась смазанной, Бранд успел дернуть головой в сторону, но все же достигла цели и прозвучала как треск лопающегося от мороза дерева.

Рыжий побледнел, словно и в самом деле на негодохнула ледяная стужа, зато в глазах запылал огонь. Но в отличие от дяди, Бранд сумел удержать себя в руках. Он только чуть-чуть отступил и тоже прикоснулся к оголовью меча.

— Медный Лоб, я не щенок. Ты ударил воина, не один раз поднимавшегося на борт драккара и принятого как равный среди равных в хирд Гюрдира Безбородого. И по закону — это оскорбление всему хирду, которое можно смыть только кровью, вызвав обидчика на хольмганг.

Бранд еще только начинал говорить, а Ульрих уже понял всю непоправимую глупость содеянного

* Виками скандинавы называли свои набеги. Отсюда и «викинги», то есть «ходящие в набеги».

сгоряча. Этой пощечиной он и в самом деле нанес оскорбление не только племяннику, а всему хирду. И теперь даже победа над Рыжим ничего не изменит. Каждый воин из отряда Гюрдира будет по очереди вызывать Ульриха на поединок. И прекратить это сможет либо его смерть, либо — ему предстоит победит всех, кто захочет выйти против него в течение трех суток... А захотят многие. Честь и слава хирда для викинга не пустой звук. От этого зависит очень многое. К примеру, место в бою и размер части добычи в общем походе. А это значит, что в таком противостоянии шансов у бойца-одиночки практически нет.

В предчувствии смертельного поединка даже воздух над поселением стал гуще и тяжелее. Как перед штормом... А все женщины и старики потихоньку убрались с площади. Остались только воины. Еще вчерашние соратники и сотрапезники, сейчас они недобро косились друг на дружку и как бы невзначай сбивались в отдельные группы. Свои к своим. Отчетливо разделяясь на два лагеря. И гости были в меньшинстве. Поэтому, если Медный Лоб хотел взять деревню брата под свое правление без кровопролития, ему стоило поторопиться. Пока племянник не успел сказать ничего такого, что окончательно обрубало бы все пути к мирному исходу дела.

Ульрих вздохнул и поднял руку.

— Ты прав, Бранд. Годы летят быстрее наших драккаров, и я не успел заметить, как сын моего брата вырос и стал настоящим бойцом... — Меднолобый задумчиво покивал. — Я мог бы извиниться, но не думаю, что мое унижение что-то изменит или прибавит тебе чести. Оскорбление нельзя прощать. Мы будем сражаться... Но, — Ульрих положил руку Бранду на

плечо, — мы из одного рода. Одна плоть и кровь. Не думаю, что Одину понравится, когда дядя с племянником станут убивать друг друга. В то время, когда их ярл, брат и отец, лежит при смерти. Если не хуже...

Ульрих замолчал, словно еще раз обдумывал свое решение.

— Ты поступил правильно, Бранд. Поэтому как воин я принимаю твой вызов. Но как старший в роду говорю: мы выйдем на «серебряный» хольмганг и биться будем до первой крови. После чего проигравший заплатит три меры серебра победителю и одну меру хирду. Согласен?

— Да, — Бранд уже немного остыл и тоже понимал, что убийство родича не самый славный подвиг. Причины со временем забудутся, а прозвище «убийца дяди» может прикипеть навсегда.

— И еще. Раз уж мы скрестим оружие, пусть Один рассудит нас и в остальном, — продолжил Ульрих. Он был старше, опытнее, сильнее и не сомневался в победе над племянником. Поэтому торопился извлечь максимум выгоды даже из временного проигрыша.

— В чем именно?

— Победитель получит право решить дальнейшую участь ведьмы и... всех, кто выпил колдовское зелье. Начни дядя с ярла, Бранд мог бы отказаться. Но поскольку Ульрих поставил Гюрдира и Белого Ворона в один ряд с чужаками, юноша понял, что это единственная возможность защитить отца, не призывая хирд к оружию. И не оказаться обвиненным в сговоре с демонами.

— Пусть будет так. Один и Перун тому свидетели.

* * *

Несколько младших воинов отвели порядком истрепанного Виктора к ограде, где, используя жесты, тычки и крепкие выражения, заставили усесться на землю. Побывав в женских руках, Лысюк не сопротивлялся. В сравнении с разъяренными фуриями, ему сейчас даже компания профессионального палача была предпочтительнее. Тем более передышка.

Чуть позже рядом бесцеремонно бросили спеленатого сетью, как личинка в коконе, Леонида. Бурый, судя по полнейшему безразличию к такому обращению, пребывал в бессознательном состоянии.

А еще минутой позже к ним привели Олю. В отличие от парней, с травницей викинги обращались вполне вежливо. Даже с некоторой опаской. Что, впрочем, не помешало связать девушке руки.

Один из конвоиров показал в сторону моря и произнес какую-то длинную фразу с очень серьезным выражением лица. Потом задал вопрос. Оля кивнула и коротко ответила. Воин тоже кивнул и ушел, предоставляя пленников самих себе.

— Привет, подружка! — нацепляя на лицо улыбку, произнес Виктор. — Вот и свиделись. Как игра? Затягивает?

Лучше б он этого не делал. Исцарапанная ногтями кожа, покрытая уже слегка подсохшими струпами, отозвалась столь жгучей болью, что улыбка сменилась гримасой.

— Больно?

— Случалось и хуже, — Виктор пожал плечами. — Была у нас в части одна библиотекарша... Как вспомню, до сих пор спина чешется, — он мечтательно закатил глаза, потом взглянул на Олю и неопределенно

но хмыкнул: — М-да, извини. Это из другой оперы... Сама-то как? Да и вообще... Обстановку не прояснишь? Я ж по-ихнему ни бельмеса не понимаю. Что за трагикомедия тут разыгрывается?

— А зачем ты ярла убить хотел? — по обыкновению, вопросом на вопрос ответила девушка.

Лысюк вздохнул.

— Опять за рыбу мясо. Да не хотел я никого убивать. Медведь на него напал. Я в зверя рогатиной ткнул, а они в это время развернулись, и под острие Гюрдир подставился. Вот и весь сказ. Только почему-то моим словам никто верить не хочет.

— Да, народ здесь недоверчивый... Нас с Ленькой тоже прямо из-под одеяла вытащили...

Оговорившись, девушка слегка покраснела и, чтобы скрыть неловкость, взяла Виктора за руки и стала ощупывать веревки на запястьях.

— Без ножа не получится. Может, зубами попробовать?..

Но Виктор, думая о своем, на смену колера щечек девушки внимания не обратил.

— Оставь, — Лысюк отстранился. — Хорошую пенку не всякое лезвие возьмет. Да и смысл развязываться, если сбежать не удастся? Лучше расскажи, каким ветром вас с Бурым сюда задуло?

Оля посмотрела на мирно похрапывающего Леонида.

— Так твоими стараниями и задуло... Говорю же: поскольку по легенде я ученица Ормульва Травника, нас привез сюда сын Гюрдира, чтобы спасти отца. То есть первопричина — его ранение, полученное от твоей руки. Уж не знаю, чем ты там промахнулся, но бок ярлу разодрал качественно.

— Блин, ну хоть ты-то мне поверишь?

— Конечно, — кивнула Оля. — Я о всеобщем недоверии сказать хотела. Привезли лечить, а сами не могут определиться: помощь я оказываю или — наоборот. В конце концов объявили ведьмой, а полуживого ярла определили в зомби. И теперь Рыжий Бранд со своим дядей Ульрихом пошли решать спор дуэлью. Бранд победит — нас, скорее всего, оправдают. Ну, а если Меднолобый, то финита ля комедия... Окончен бал, погасли свечи. — Оля притихла на минутку. — Витя, а может, хватит уже приключений? Честно говоря, подвиг Жанны д'Арк меня не прельщает. Она хоть за родной Орлеан муки приняла, а мы какого рожна страдать должны? Набирая статистику для Пилюля? Не пора ли сваливать? Кстати, а ты зачем нас дожидался? Почему не ушел?

Лысюк хмыкнул и потер подбородок.

— Оля, только не пугайся, ладно? Я думаю, Пилюль уже ищет неисправность, и вскоре все будет хорошо.

Девушка озадаченно посмотрела на Лысюка.

— Ты о чем говоришь?

— Ну, видишь ли... Дело в том, что я не нарочно геройствую... формула возвращения не работает.

— Как?!

— Никак, — Виктор нахмурился. — Я и думал, и бормотал, и внятно произносил вслух... Все без толку. Ничего не происходит.

— Этого не может быть!

Оля закрыла глаза и сосредоточилась. Виктор замер в ожидании. Очень хотелось, чтобы чудо произошло и девушка исчезла. Но секунды утекали одна за одной, а Оля по-прежнему стояла перед ним. Потом она осторожно приоткрыла один глаз и возмущенно произнесла:

— Права бабушка. Никому нельзя верить... Особенно мужчинам. Даже в очках.

— Эй, красивая! — Виктор намеренно провоцировал, решив поработать громоотводом, понимая, что девушке обязательно надо разрядиться. — А ничего, что и я, и Ленчик тоже здесь? И плюшками потчевать нас не собираются, — он демонстративно вытянул вперед связанные руки. — Ты хоть относительно свободна, а Бурого спеленали, как младенца в роддоме.

Оля собралась ответить какой-то колкостью, но Виктор, вопреки самим же выбранной тактике, вдруг шикнул на нее.

— Тихо. Сюда идут. И если я не ошибаюсь, все еще не так плохо, как казалось.

Заставить замолчать девушку, уже набравшую воздуха, так же трудно, как остановить начавший взлет самолет. И с похожими последствиями.

— В смысле? Дальше будет еще хуже?

Но поскольку Виктор не отреагировал, а молча смотрел ей за спину, Оля тоже оглянулась. От ближайшего холма к ним приближалась целая делегация. Навьюченный поклажей черноволосый, коротко стриженный трелль, широкоплечий и настолько приземистый, что казался себя шире, седобородый скандинав и молодой парень. Из вооружения у викинга был огромный, под стать ему, топор. Зато парень нес на плече целую охапку копий. Почему-то воровато поглядывая по сторонам. Из-за чего периодически спотыкался и бормотал себе под нос всяческие ругательства...

Глава двадцать вторая

НАЛЕВО ПОЙДЕШЬ, КОНЯ ПОТЕРЯЕШЬ

Первая мысль, посетившая Леонида после того, как он очнулся и попытался открыть глаза, была о том, что пора бы знать меру. Тридцатник на горизонте маячит, а он все как в студенческие годы гуляет до упаду. В результате имеется жесточайшее похмелье и перспектива отправиться на работу с головой, из которой даже таблица умножения выпала... в салат.

Имелся, конечно, запасной вариант: забить на все, сказать больным и не пойти на работу. Но несмотря на хорошие показатели и, как следствие, некоторую снисходительность начальника, наглеть не стоило. Чтоб заработать репутацию, надо хорошенько попотеть, а потерять можно в одно мгновение. Разом с вполне хлебной должностью.

Бурый вздохнул, заворочался и попытался разлепить веки. В отличие от рук и ног, которые упорно не желали подчиняться хозяину, глаза открылись. А вместе с дневным светом на Леонида нахлынула и остальная действительность. В виде звуков и запахов, не имеющих ничего общего не только с городской квартирой, но и цивилизованным образом жизни в целом... Пахло сырой землей, свежим навозом и... рыбой. А слегка мутноватая и не сфокусированная картинка демонстрировала нечто из древней истории поморов.

Оля, чуть отступив за спину Виктора, настороженно поглядывала на троих индивидуумов, наряженных как для съемок фильма «И на камнях растут деревья». То бишь что-то о викингх. А его лучший друг Виктор

Лысюк глядел на них совершенно без удивления, хотя и имел связанные руки.

Кстати, дальнейший личный досмотр выяснил, что конечности пошли в глухой отказ не из-за сепаратизма и демонстрации независимости, а потому что Леонид оказался плотно закатан в рыболовецкую сеть.

«Бом!» — тревожный звонок прогудел набатом, заставив Бурого поморщиться от боли в затуманенных мозгах.

— Я должен тебе одну жизнь, чужак, — говорил седобородый здоровяк, обращаясь к сидящему рядом Виктору. — А никто не посмеет сказать, что Берк Легкое Весло не платит по долгам.

Стоявший рядом трелль тут же повторил все, переводя речь Берка на более-менее сносный древнерусский. Во всяком случае, Лысюк его понял.

— Я и не собирался...

Виктор начал было ответную речь, но викинг прервал его властным жестом и продолжил:

— Не торопись, чужак. Будь у меня возможность расплатиться с тобой честь по чести, я не пришел бы сюда. — Признание в собственном бессилии пришлось ему не по вкусу. Викинг поморщился и решил объяснить подробнее: — О моем умении строить корабли знают по всему побережью, и слово мое имеет вес. К нему прислушиваются многие ярлы и конунги. Но теперь, когда Гюрдир Безбородый не может повлиять даже на собственную судьбу... Ульрих Медный Лоб требует вашей крови. А кто сможет воспротивиться воле любимца богов? Желание победителя будет законом.

— Ты считаешь, у Бранда нет шансов в поединке? — Оля вклинилась в разговор мужчин с бесцеремонностью эмансипированного третьего тысячелетия.

Корабельных дел мастер немного помолчал, видимо раздумывал, как поступить.

Но умение исцелять ученицы Ормульва Травника, а особенно то, как она сумела вернуть к жизни уже бездыханного ярла, поднимало ее статус выше обычной женщины. И седобородый викинг снизошел до ответа:

— Бранд Рыжий хороший воин. В смертельном поединке я еще подумал бы, кому отдать предпочтение. Но в бою до первой крови более важен опыт. А сын ярла слишком молод. Поэтому, если Один лично не решит принять сторону парня, победит Медный Лоб. И вы все умрете.

— Теперь понятно...

По лицу Берка даже тень усмешки не промелькнула.

— Это хорошо... Потому что лишнего времени у вас нет.

Викинг указал подбородком в ту сторону, откуда доносились крики и вопли, отдаленно напоминающие гам, возникающий на любом стадионе во время матча.

— Хольмганг начался. И три щита не так много, когда твой соперник — Ульрих Меднолобый.

— Мы слушаем тебя, Берк Легкое Весло, — Виктор знаком попросил Олю помолчать. — Говори, с чем пожаловал.

— Когда Ульрих потребует твою жизнь, я не смогу вступить. Значит, надо сделать так, чтобы к его возвращению вас здесь не было.

— Ты обязан мне одному, а спасаешь всех? — удивился Лысюк. — Почему?

— За жизнь сына я могу предложить только шанс... Это не равная цена. Одину не понравится. Умножим на три. Так будет справедливо. Ты согласен?

— Да.

— Освободи их.

Берк отдал приказ рабу, а сам отошел к сыну и что-то прошептал на ухо.

— Спасибо, — Лысюк растер затекшие запястья. — Но как ты объяснишь наше исчезновение? Ведь Ульрих будет очень зол, когда заметит, что мы сбежали. А все следы не замести. Разве что прикажешь рабу перекопать здесь все...

Седобородый усмехнулся.

— А что он увидит? Да, мой нерадивый трелль решил помочь своим сородичам. И даже преуспел в этом...

Скуба к этому времени уже почти размотал сеть, в которую упаковали Бурого.

К тому времени Леонид, которого несколько раз перекапывали с боку на бок, окончательно осознал, что это все не делириум тременс* или сон с бодуна, а самая настоящая реальность. Если, конечно, можно назвать реальностью участие в компьютерной игре. Пусть даже столь явственной.

— ...но был застигнут моим сыном, который, по юной горячности, не сдержал возмущения и убил раба.

Виктор еще только рот раскрывал, как молодой скандинав шагнул вперед, окликнул раба и, когда тот повернулся к нему, резко, почти без замаха ударил Скуба копьём в солнечное сплетение. Снизу вверх... Так, чтоб наверняка достать до сердца. Трелль только охнул и упал на колени. Ухватился еще руками за окровавленное древко, недоуменно глядя на хозяина, и повалился на бок.

* Delirium tremens — белая горячка (лат.).

— Нет! — вскричала Оля в ужасе и зажмурилась, понимая, что несчастному уже не поможет никакая медицина. Ни древняя, ни современная. — Зачем?

— Молодо-зелено... — развел руками Берк. — Ему бы на помощь кого позвать, а он сам решил чужеземцев задержать. Увы... Куда пареньку супротив воина, сумевшего убить такого медведя и ранить самого ярла. Да и слуга травницы не так прост, как казался...

Приговаривая все это негромким, совершенно спокойным голосом, корабел подошел к сыну и так треснул его в ухо, что парнишку как кеглю снесло. Виктору вспомнился тот удар, наверху. Похоже, соизмерять силу Берк не умел или не желал.

— Так все и произошло, — закончил театрализованное действие седобородый викинг. — Когда я пришел сюда, то застал только мертвого раба и лежащего без сознания сына. А пленники сбежали. Там, чуть вбок от пристани, кто-то рыбацкий баркас без присмотра оставил. На нем они и уплыли. Мне кажется...

* * *

Ощущая себя той самой канарейкой из анекдота, выжатой поручиком Ржевским в чай вместо лимона, Леонид механически переставлял ноги, сосредоточив внимание на том, чтобы не споткнуться. Оля и Виктор поддерживали его с двух сторон и тем не менее однажды уже не успели подхватить вовремя. О чем свидетельствовал листок подорожника на лбу Бурого, в профилактических целях прилепленный Олей поверх кровотокающей ссадины.

Как верно заметил кто-то из ученых мудрецов, ничто не берется ниоткуда. Вот и организм Леонида в боевом трансе использовал все имеющиеся энер-

гетические резервы, да еще и в овердрафт* набрал на несколько суток вперед, не тронув только самый минимум, образно говоря, необходимый для удержания души в теле, на какое-то время предоставив несостоявшемуся герою роль пассивного зрителя.

Он мог смотреть, слушать и... повиноваться. То бишь топать туда, куда его вели и тащили друзья. А те, судя по тому, что двигались не к побережью, а наоборот — в лес, и сами не очень хорошо понимали, куда им надо. Заблудились, что ли?

Похоже, данный вопрос волновал не только его.

— Уф, какой тяжелый... — Оля остановилась, утирая пот со лба. — Даже не представляю, как в войну санитарки умудрялись вытаскивать на себе раненых бойцов? Витя, а ты уверен, что мы правильно идем? Может, стоило послушаться Берка и воспользоваться лодкой?

Лысюк наклонил Леонида в свою сторону, смещая вес и давая Оле передышку. Он собирался дойти до леса и уже там, под прикрытием деревьев, отдохнуть, но подгонять не стал. Девушка и так держалась на пределе. Особенно после того, как сама проверила и убедилась, что формула возвращения не работает и им предстоит задержаться в игровом мире, в лучшем случае одному только Пилюлю ведомо, на какой срок. Со всеми вытекающими обстоятельствами. Причем далеко не радужного толка.

— Уверен. Никто из нас не умеет управляться с парусами, а на веслах далеко не уплывешь. Да и куда? Ты видела карту этой местности? Имеешь хоть какое-то представление о том, что за горизонтом? Я тоже. Единственное знакомое место в округе — хижина

* Overdraft — сверх планируемого, перерасход (англ.).

Травника. И он же, если не считать тех, от кого мы сейчас бежим, единственный наш знакомец.

— С этим я не спорю. Выбирать не приходится. Но почему-то Бранд плыл за мною... в смысле за Жнецом — морем, а не пошел напрямки. Через лес? Тебе это не кажется странным?

— Есть маленько... — согласился Лысюк. — Отдохнула? Потопали дальше. А то маячим тут. Хорошо, что сейчас всех только хольмганг интересует. Но береженого, как известно...

Оля не спорила, и разговор продолжили в движении.

— Причуды местные еще проверить надо, а то, что викинги нагонят нас в море даже не вспотев — неоспоримый факт. Поэтому будем реалистами. Зачем искать обходные пути? Вы от камня пошли в одну сторону и надыбали хижину Травника... Я — свернул в противоположную и оказался здесь. Суммируя векторы, получаем условную прямую, которая, как известно, кратчайший путь между двумя точками. Согласна?

— Это если камень один и тот же, — резонно заметила девушка.

— Думаешь? — теперь остановился Виктор. Такая мысль его не посещала.

Оля пожала плечами.

— Ну да... Не проверишь, не узнаешь. Да и в любом случае возвращаться поздно. Ленька, твою дивизию! Ты сегодня очнешься или как?! Шевели копытами!

Бурый и рад бы, но тело по-прежнему не хотело подчиняться. Только от усилий держаться вертикально у Леонида болели все мышцы, ломило спину, а по хребту стекал неприятный, холодный пот.

— Брось, комиссар... — титаническим усилием он заставил себя улыбнуться и более-менее членораздельно выдать пару слов.

— Очнулся наконец, — обрадовался Виктор. — Побереги силы для финального марш-броска, остряк. Давайте, давайте, еще немного. Нам бы только в лес войти. Спinoй чувствую, вот-вот кто-то оглянется, а мы на этом подъеме как вошь на ладони...

Зная, что чужой взгляд легко почувствовать, Лысюк позволил себе оглянуться только шагнув под деревья. К счастью, в этот раз фортуна была благосклонна — в их сторону никто так и не посмотрел. С возвышенности виднелась небольшая отмель рядом с пристанью. Именно там и происходил хольмганг — поединок двух викингов, приковавший к себе общее внимание.

В очередной раз сверкнуло в лучах солнца лезвие чьей-то секиры, ветер донес треск принявшего удар щита, и зрители восторженно взвыли.

— Один вам в помощь, — пожелал обоим бойцам Лысюк. — И Перун в спину...

— Ты чего? — удивилась Оля.

— Да вот, подумалось, что сейчас именно тот случай, когда сказке неплохо бы стать былью. Помнишь, как там в былинах древние герои дерутся? От рассвета до заката. А с утречка все по новой начинают... Ну, а мы бы тем временем вполне по-английски и слиняли...

Очередной рев зрителей прервал его. Только на этот раз овации были гораздо продолжительнее, чем прежде, и явно не собирались утихать.

— Блин... Ну что за непруха. Похоже, определился победитель. Подъем, други мои. Примерно полчаса у нас есть, потом викинги раздуплятся, и нарисует-

ся погоня. А с такими темпами передвижения фора у нас смешная. Даже до столбового камня дотопать не успеем...

— Кстати о камне, — Оля помогла Виктору поставить Бурого на ноги. — На твоём руническом валуне что было написано?

— Шут его знает... Я ж не грамотный.

Оля так резко остановилась, что Леонида повело в её сторону, как вокруг якоря.

— Как ты сказал?

— Что именно?

Виктор недовольно насупился. Опять задержка...

— Почему нельзя идти и разговаривать одновременно?

— Подожди, — отмахнулась девушка. — Ты сказал, что неграмотный?

— Ну да. Я же не проходил языковой спецкурс у наставника Гольденберга.

— Так, может, в этом и фишка?! — Оля довольно заулыбалась.

— Сейчас не понял? В чём именно?

— В том, что кроме нас с Леней никто руны читать не умеет!

— Интересно подмечено, — хмыкнул Лысюк. — Пописатель, значит, нашелся, а читателей нет? Самой не смешно?

— Не торопись с выводами, — девушка поправила выбившийся локон. — Не забывай: всего сто лет тому и то далеко не все читать умели. А ещё раньше? В глубинке, в деревне? Поп да староста... Руны старые. И вполне возможно, что их значение непонятно здешним жителям. Посчитали их каким-то предупреждением, вот и обходят стороной. А что? Запросто и вполне объяснимо. Где ещё селиться духам, если

не на тропе, которая соединяет деревню и избушку знахаря?

— Гм, — Виктор призадумался. — Особенно, если однажды кто-то из смельчаков сунулся проверить легенду и напоролся на такого же медведя, как мы с ярлом. Мне нравится твоя версия. — Лысюк оживился и даже как-то почувствовал себя бодрее. — Тогда тем более нам не стоит задерживаться. Вдруг ты права, и до нашего спасения рукой подать, а мы чего-то ждем.

Он дернулся было вперед и, вопреки собственным словам, замер.

— Слушайте, братцы... Я тут подумал: а что если у камня не придуманные духи, а реальная аномалия? Нечто вроде локального перехода на соседнюю локацию? Прикиньте, как бы такое выглядело со стороны. Шагают тропинкой несколько человек, и вдруг идущий впереди исчезает! Следом — второй... Тут не только злых духов вспомнишь. А после и сам десятой дорогой обходить станешь, и другим закажешь.

Оля кивнула. Она думала примерно то же, только Лысюк сформулировал быстрее и четче.

— И еще, — Виктор снова двинулся вперед. — Не исключено, что рядом с таким камнем и формула перехода опять заработает. Давайте, други, поднажмите.левой-правой, левой-правой. Веселее, веселее...

* * *

Увы, их нагнали раньше.

До огромного замшелого камня с высеченными рунами оставалось едва полтора десятка шагов. Оля уже даже начала читать надпись, чтоб удостовериться, что камень один и тот же, когда рядом с головой девушки прошелестела стрела, глухо ударилась о поверхность валуна и упала в траву.

Предупредительный выстрел не произвел нужного впечатления. Подумаешь, просвистело что-то. Это ж не автоматная очередь. Оля и то не оглянулась, а только машинально поправила прядку волос... Зато Виктор все правильно понял. Останавливаться, естественно, не стал, но оглянулся.

Не уйти. Несколько молодых воинов отставали всего лишь на полусотню шагов, и по тому, как легко они бежали, Лысюк понял, что викинги нагонят раньше, чем они дойдут до заветного камня. Но даже если и успеют, ситуацию это не изменит. Что и было наглядно продемонстрировано. Воинам нет нужды переходить запретную черту. Беглецов, если не подчинятся, попросту перестреляют из луков. От камня до опушки не добежать, и укрыться тоже негде.

— Оля, идите с Леней дальше! Не оглядывайтесь и не останавливайтесь, что бы ни случилось! А как окажетесь на той стороне, сразу начинай бормотать: «Я больше не играю».

Виктор на всякий случай произнес формулу возвращения трижды, но увы...

— Не получится, идите к Жнецу. Что-то же он от вас хотел.

— А ты? Что с тобой будет?

— Надеюсь, меня убьют... Сразу.

— Что ты говоришь?!

— Эй, эй! Без паники. Это же игра. Все понарошку. И потом — как-то же надо отсюда выбираться? — пожал плечами тот. — А окажусь в лаборатории — и вас вытащу. Ну, погоди, муж ученый, — погрозил кулаком, — дай только до тебя добраться... Ты у меня побежишь без штанов, вспомнишь детство золотое!

Преследователи требовательно и угрожающе заорали.

— Можешь не переводить... — Виктор подтолкнул девушку и Бурого вперед. — Удачи вам, ребята.

Лысюк удобнее перехватил полученное от Берка копье и приготовился к бою. Оружие древних скандинавов было длиннее и легче уже ставшей привычной рогатины. Впрочем, особого значения данный факт не имел. В любом случае противостоять десятку викингов, лучших воинов того времени, да еще и с использованием их оружия — даже не авантюра. Уланы войска польского, во Вторую мировую атакующие немецкие танки верхом, с саблями наголо, имели больше шансов на победу. Впрочем, Виктор забыл о том, что это он знает правду о себе, а для местных жителей остается грозным чужаком! Тем, кто убил огромного медведя-шатуна и смертельно ранил Гюрдира-ярла. Поэтому видя, как он изготавливается к бою, преследователи — в основном безусые юнцы, быстрые на ногу, но совершенно не опытные — сперва замедлили шаг, а потом и вовсе остановились. Быстро посоветовались и стали обходить Виктора с двух сторон. А те, кто остался стоять на тропе, изготавились к стрельбе. Сразу пятеро...

Похоже, по совокупности подвигов Лысюка записали в разряд легендарных бойцов, умеющих ловить или отбивать стрелы на лету. Лестно... А главное, дает товарищам дополнительный шанс.

— Слышишь меня, Пилюлькин! Крыса ученая! — видя, что времени остается совсем чуть-чуть, Виктор решил попытаться еще разок использовать свой шанс, но так как нервы уже были на пределе, формулу возвращения Лысюк проорал во всю глотку. — Я больше не играю!

Неожиданный вопль подействовал на молодых воинов. Рука у одного из викингов дрогнула, и первая стрела рванулась к цели. Совершенно случайно, по-

сколько он даже не смотрел в сторону врага, Виктор переступил ногами, выбирая более устойчивую позицию, соответственно — сместился чуть в сторону, и стрела вжикнула мимо.

Ждущие от чужака как раз чего-то подобного, остальные викинги яростно заорали и спустили тетины одновременно.

Виктор отступил назад, от невидимого, но мощного толчка в грудь, застонал от пронзительной боли и повалился навзничь. Он еще успел подумать, что не справился: все случилось слишком быстро, и минутная заминка вряд ли поможет ребятам. Мелькнула мысль, что судя по тому, как туманится разум и холодеет тело, у Пилюля не заладилось и в этот раз, а потом мир укутала ледяная и неподъемная тьма...

Он не ошибался. Оля и Леонид действительно не далеко ушли. Выплеснув из себя все силы, когда, пытаясь защитить девушку, он набросился на толпу с голыми руками, Бурый по-прежнему оставался слаб, как новорожденный младенец. Оставшись без поддержки друга, собственных сил Леонида хватило только на то, чтобы доковылять до камня и повиснуть на нем спиной к погоне. Поэтому он не мог видеть, как падает пронзенный стрелами Лысюк. Зато увидел, как побледнела Оля.

Она дернулась обратно, но Бурый, сделав невероятное усилие, успел схватить девушку за руку.

— Ты чего, Оль?

Слова давались ему с таким же трудом, как и движения.

— Мы же не можем умереть...

— Формула не работает, — пробормотала та, не спуская повлажневших глаз с чего-то за спиной у Леонида.

— При чем тут формула? — не понял тот. — Я о нашей свадьбе говорю...

Эти слова прозвучали таким диссонансом с происходящим, что девушка смогла оторвать взгляд от тела Виктора и перевести на Бурого.

— Что? Что ты сказал?..

— Ну вот, верь после этого женщинам... — Леонид на секунду прикрыл веки, собираясь с силами, и продолжил ерничать, стараясь не думать о приближающихся викингх. — Забыла, что на камне написано и какую тропинку мы выбрали? Так что крутись-вертись, а от фаты не уйдешь...

— Как ты можешь? — возмутилась Оля. Она наверняка прибавила бы еще пару-тройку обидных фраз, о которых потом могла пожалеть, но со стороны погони прозвучал уверенный и властный голос: — Проклятье Одина на ваши головы! Недоумки! У вас что, тупых стрел нет?! Ярл приказал схватить чужеземцев живьем! И пошевеливайтесь! Пока они не ушли по Тропе!

Это были последние слова, которые услышал Бурый. Мгновением позже на его затылок обрушился такой сокрушительный удар, что Леонид мешком сполз к основанию рунного валуна. А вслед за ним, получив стрелой в лоб, бездыханным телом упала на землю и Оля.

Перезагрузка

Белый потолок... Белая стена...

«Интересно... Если белили — то белый, а если красили?»

Взгляд Виктора скользнул ниже.

Белая простыня... Его руки, лежащие поверх нее. К счастью, не забинтованные. Даже без ссадин и царапин. Впрочем, стоит еще подумать, зачислять эту информацию в разряд приятных, или он валяется здесь так долго, что все давным-давно зажить успело? Где валяется? Не вопрос... Кто хоть раз побывал в госпитале, навсегда запомнит его запах и никогда не спутает с другими. Даже в поликлинике, смежной по назначению и применению, и то пахнет по-другому.

Жил я с матерью и батей
На Арбате — здесь бы так! —
А теперь я на кровати
В медсанбате — весь в бинтах...

С собственных бледных кистей взгляд неторопливо переполз еще правее. Здесь вид открылся куда интереснее. На стуле рядом с кроватью сидела милотвидная девушка в белом халатике и такого же цвета медицинской шапочке. И все...

Не в смысле одежды на медсестричке, а в наполнении палаты. В прошлый раз когда Лысюк лежал в гарнизонном госпитале, в их палате стояло шесть кроватей. А чего? Лейтенант, хоть и старший, не велика птица. Майоров с подполковниками и тех в двухместные только по благу определяли. А здесь прям отель «Атлантик», однокоечный номер «люкс».

И опять-таки двусмысленный вопрос. Это его личный статус так взлетел, или карантин? Нет, глупость сморозил. При карантине девушка внутри палаты не сидела бы. Во всяком случае, с открытым лицом, без маски.

Был бы жив сосед, что справа,
Он бы правду мне сказал...

Медсестра, похоже, давненько смену приняла и не ожидает от пациента ничего. Вон как сладко спит. Лицо расслабленное, дыхание не глубокое, ровное... Только грудь вздымается, да глазные яблоки подергиваются. Снится что-то. Даже будить жаль. Но и бревном лежать не выход. Тем более надо проверить состояние организма в целом. Отсутствие боли не тот показатель, которому стоит радоваться с ходу.

Виктор осторожно пошевелил пальцами ног... и сиделка открыла глаза, словно он нажал какую-то невидимую кнопку. Мгновение хлопала длинными ресницами, будто не верила в то, что пациент может очнуться, а потом вскочила на ноги. — Ты чего?.. — Лысюк даже дернулся. Кстати, совершенно безболезненно. И это радовало.

— Молчите! Лежите! Вам нельзя!..

Что именно ему нельзя, Виктор так и не узнал, поскольку медсестра с воплем: «Валентин Петрович!» — метнулась из палаты.

В отличие от сиделки, этот самый Петрович явно не дремал, а то и вообще — караулил под дверью. Поскольку не успела девушка выскочить в коридор, как двери опять окрылись и в палату вошел очередной носитель белого халата. На этот раз мужского пола и вполне приятной наружности. Может, чересчур широкоплечий для доктора. Но статус и интеллигентность Петровича подчеркивала небольшая шкиперская бородка, стетоскоп на шее и большая, зеленая папка. Кожаная... или из похожего материала.

— Очнулись? — уточнил Петрович очевидный факт. — Как самочувствие?

— Не дождетесь...

— Угу... Шутим. Это хорошо. А мы вас, если честно, заждались уже.

— Что, я так долго был без сознания? — Лысюк заерзал, пытаясь из позиции лежа перейти в позицию полусидя. Но собственных силенок для этого пока не хватало.

— Тише, тише... Не так активно, — Валентин Петрович положил папку на стул и помог Виктору усесться поудобнее. Сестричка, обдав приятным запахом какого-то парфюма, ловко пристроила подушку. — Пять дней неподвижности бесследно не проходят.

— Как вы сказали? Пять?! Не может быть...

— Мы после поспорим с вами на эту тему, милейший, а сейчас, если не возражаете, небольшой тест. И для начала сообщите мне, как вас зовут?

— Мария Ивановна...

Были бы у Петровича очки, они сейчас точно полезли бы на лоб. А так — только брови сперва приподнялись, а потом нахмурились.

— Меня искренне радует ваше хорошее настроение, молодой человек, но все же прошу — давайте немного серьезнее.

— А есть повод? — Виктор тоже сделал строгое лицо. — Кстати, почему я тут один? Где Оля? Леонид? Где, в конце концов, Пилуль? И кто вы, черт побери, сами? Не вижу погон под халатом.

— Я первый спросил...

— Ладно, поиграем по вашим правилам. Меня зовут Виктор, фамилия — Лысюк. Мне двадцать восемь лет. А еще я старший лейтенант запаса. Ваша очередь.

Валентин Петрович не стал искать отговорок или еще как-то уходить от ответа. А только вжикнул молнией на замке папки, раскрыл ее и заглянул внутрь, словно ему срочно потребовалось сверить услышанное с написанным.

— Итак, о причине серьезности. Ваши товарищи в соседних боксах. И они по-прежнему без сознания... Сергей Пилюль находится под следствием. Я — начальник госпиталя, полковник медицинской службы Сокотнюк Валентин Петрович. Но обращаться ко мне можете по имени-отчеству. Произнеся все это, военврач жестом остановил открывшего рот Лысюка: — Секундочку. Теперь позвольте мне... Что вы помните последнее? До того, как очнулись здесь.

Виктор закрыл глаза и... машинально провел руками по груди. Боль от пронзающих его стрел была столь явственна, что он не сдержал стога.

— Что с вами? — забеспокоился военврач. — Сердце?

— Нет, нет... — Лысюк прекрасно видел в разрезе пижамы, что никаких дырок в его теле нет. — Это как раз воспоминания вернулись. В меня стреляли... викинги. Пять или шесть стрел попало точно. Не слишком приятные ощущения, когда тебя пронзают посторонние предметы. До сих пор боль чувствую... Хотя нет... Уже все прошло. Только когда вспомнил.

— Естественно, — кивнул военврач. — На вашем теле нет ран. Я имею в виду, полученных за последние дни.

— Что, совсем ни одной?

— Ни царапинки. Ну, а что вас удивляет? Впрочем, тут я не прав, — Валентин Петрович зачем-то поправил стетоскоп. — Вы же совсем не в курсе того, что случилось. А правда такова, что примерно на десятой минуте эксперимента произошло короткое замыкание в сети. Весь институтский корпус был обесточен на полчаса. А когда подали напряжение, экраны мониторов показывали, образно говоря, как темной ночью афроамериканцы воруют рубероид. А вы трое были

без сознания. Вернее — в коме. И так до сегодняшнего дня. На данный момент в себя пришли только вы. Как оказалось, с воспоминаниями о том, как были убиты викингами... И похоже, что не шутите.

— Какие уж тут шутки. Я могу взглянуть на них? — Лысюк не уточнил, но военврач понял.

— Не вижу препятствий. Как только физиотерапевт разрешит вам самостоятельно передвигаться.

— А Пилюля?

— Это не моя параша. Спросите у следователя. Думаю, он скоро появится. Их уже известили, что вы очнулись. А поскольку дело на контроле у самого... — Игорь Петрович вздохнул. — В общем, набирайтесь сил. Я еще загляну. Потом...

— Поесть бы.

— Конечно. Сейчас Танечка принесет вам немножко бульона. А там посмотрим на реакцию организма. С коматозным состоянием, молодой человек, шутки плохи. Никогда не известно, как обернется.

Валентин Петрович хотел еще что-то спросить, но, сверившись с содержимым папки, передумал. Посмотрел только на Лысюка долгим, сочувствующим взглядом, заботливо подоткнул свисающий конец простыни, зачем-то еще раз поправил подушку, вздохнул, поднялся и вышел.

— Айболит хренов, — проворчал Виктор. — Скажите, какой заботливый.

Виктор из вредности сунул руку под подушку, чтоб пристроить ее по своему усмотрению, и наткнулся пальцами на что-то постороннее. На ощупь больше всего напоминающее сложенный в несколько раз лист бумаги.

Степан КУЛИК

ТОЧКА ВОЗВРАТА

ТРЕТИЙ НЕ ЛИШНИЙ

Шеф-редактор *Алексей Сазонов*
Ведущий редактор *Александр Сидорович*
Корректор *Нина Виноградова*
Верстка *Елены Посадовой*

Подписано в печать 22.08.2016
Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура Петербург.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 12,3.
Тираж 2500 экз. Заказ № М-2378.

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 1;
953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Поставив все на смертельный удар, ярл оказался обезоруженным и был вынужден сделать единственное, что пока помогало ему уцелеть, — прижался вплотную к зверю, не давая ему достать себя ни лапами, ни клыками. Но при этом и сам утратил свободу действия. Любая попытка оторваться закончилась бы мощным ударом лапой. Достаточно быстрым, чтобы поймать рыбу в воде.

А значит, исход зависел от того, как долго ярл сумеет продержаться на ногах. Кто из двоих раньше ослабеет. Все-таки рана у медведя была достаточно серьезная, судя по пузырящейся крови, не так чтоб обильно, но непрерывно стекающей по его морде на спину Гюрдира Безбородого.

Виктор даже засомневался — стоит ли ему вмешиваться? Не факт, что потом, вместо слов благодарности, не получишь по голове. Как вор, похитивший у викинга славу единоличного победителя.

Но тут Гюрдир Безбородый повернул голову и посмотрел на Лысюка уцелевшим глазом.

Ярл скорее умер бы, но не попросил о помощи. Тем более чужака.

Ленинград
издательский дом

ISBN 978-5-17-099156-3

9 785170 991563 >